

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шинкарев И. И.</i> Словацкое национальное восстание и освободительная миссия Советской Армии	3
<i>Тарасов Б. Н.</i> Британская политика в отношении Югославии в ходе коренного перелома во второй мировой войне (ноябрь 1942 — январь 1944 гг.)	8
<i>Овчаренко А. И.</i> К вопросу о советско-польском экономическом сотрудничестве в 1950—1955 годах	21
<i>Беляева В. И., Валеева Е. Л.</i> Некоторые аспекты чехословацкого кризиса 1938 года в современной буржуазной историографии	29
<i>Греков Б. И.</i> Восточная экспансия Германии в 1900—1914 годах (Опыт применения системного подхода к изучению проблемы)	39
<i>Пятигорский Г. М.</i> Восточный кризис 20-х годов XIX века и греческая эмиграция Одессы	50
<i>Белов В. А.</i> Жанрово-стилевое своеобразие «Жития Петра Великого» Захарии Орфелина	64
<i>Гаврюшина Л. К.</i> Из истории сербско-русских литературных связей (Житие Саввы Сербского и русские агиографы XVI в.)	76
<i>Алексеев А. А.</i> Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия	82

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Пааленко Г. В.</i> Ф. Г. Зуев. Социалистическое сотрудничество и разрядка в Европе. Исторический опыт политической разрядки второй половины 60-х — первой половины 70-х годов	95
<i>Макар Ю. И.</i> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XI, январь 1956 г. — декабрь 1960 г.	96
<i>Пол И. И.</i> M. Tejchman. Voj o Balkán. Balkánské staty v letech 1939—1941	98
<i>Мьяльников А. С.</i> България в руската дореволюционна литература (XVIII — началото на XX век). Библиографски указател. Т. I. Материали от научни периодични издания	100

1

1985

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Соловьева А. И. М. Порочкина. Л. Н. Толстой и славянские пароды (литературно-философские взаимосвязи второй половины XIX — начала XX в.)</i>	102
<i>Воробьева И. Г., Фрейденберг М. М. Новые источники по истории народной культуры средневековья</i>	104
<i>Толстой Н. И. Ценное издание древнесербской псалтыри</i>	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ерещенко М. Д. Знаменательная дата в истории румынского народа</i>	107
<i>Г. М., С. Ш. Заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 40-летию Словацкого национального восстания</i>	109
<i>Е. В. Научная сессия, посвященная 40-летию социалистической революции в Болгарии</i>	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117132, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

В августе 1944 г. в Словакии вспыхнул революционный факел национального восстания, которое относится к числу наиболее мощных антифашистских выступлений в поработенных нацистами странах Европы, восстание, которое сыграло огромную роль в истории народов Чехословакии.

История советско-чехословацких отношений знает немало примеров, когда в суровые годы тяжелейших испытаний Советский Союз приходил на помощь чехам и словакам. Так случилось и в период Словацкого национального восстания 1944 г. Советская Армия, выполняя свою освободительную миссию, сделала все возможное для оказания помощи чехословацким патриотам, мужественно боровшимся против фашизма. Советская военная помощь словацким повстанцам осуществлялась в различных формах: переброска советских партизанских групп, отрядов и целых соединений в Словакию для совместных действий с повстанцами; доставка по воздуху оружия, боеприпасов, снаряжения для словацких повстанцев; переброска по воздуху чехословацких воинских частей и соединений на освобожденную повстанцами территорию; проведение советским командованием межфронтовой наступательной операции.

Первыми на помощь восстанию пришли советские партизаны. На второй день восстания, 30 августа, всем командирам советских партизанских отрядов, действовавших на территории Чехословакии, было указано: «Вашей основной задачей является оказать помощь словацкому народу в его борьбе против немецких захватчиков за независимую, демократическую Чехословакию» [1, с. 54].

5 сентября в Словакию вступила бригада под командованием Н. А. Прокопюка общей численностью 600 человек. На базы уже действовавших партизанских соединений доставлялись группы и мелкие отряды, которые в короткий срок пополнялись словацкими партизанами и превращались в крупные партизанские формирования. По имеющимся данным, в октябре 1944 г. в Словакии действовало 7 соединений (М. И. Шукаева, А. В. Тканко, И. Д. Диброва, В. А. Карасева, В. П. Русина, В. И. Ягупова, И. П. Кудинова) в составе 15 бригад и 20 отрядов общей численностью около 12 тыс. человек; 12 отдельных бригад численностью свыше 12 тыс.; более 70 отдельных отрядов, в составе которых находилось свыше 10 тыс. человек. Следовательно, во время Словацкого национального восстания на территории Словакии действовало около 100 советских и словацких партизанских соединений общей численностью около 35 тыс. человек [2, 1968, с. 56].

16 сентября решением ЦК Компартии Словакии был создан Главный штаб партизанского движения, в состав которого был включен опытный советский командир партизан А. Н. Асмолов. Он оказал эффективную помощь словацким патриотам в организации партизанской борьбы.

Выполнялись различные задачи: освобождали от немецко-фашистских захватчиков города и села, обороняли освобожденные районы, совершали диверсии против гитлеровских войск, наносили удары по их тылам. Так, в частности, г. Баньска-Бистрица, ставшая потом местом пребывания руководящих органов восстания, была освобождена партизанскими бригадами М. С. Сечанского, А. С. Егорова, А. Белина и др.

В течение двух месяцев более 60 тыс. словацких патриотов повстанческой армии и около 20 тыс. партизан сдерживали превосходящие силы врага. Ими была освобождена территория в 20 тыс. км² с населением 1 млн 700 тыс. человек [3]. В результате активных военных действий в период восстания по неполным данным захватчики потеряли убитыми 10 350 человек, 55 самолетов, 100 орудий и минометов, 1000 автомашин и много военного имущества [4, с. 155]. Это вынуждало противника подтягивать в район восстания все новые силы. В октябре на освобожденные районы оккупанты бросили до 30 тыс. человек, 180 танков и 40 бронемашин.

Военное значение восстания состоит также и в том, что повстанцы сорвали намерение фашистов использовать словацкую армию в своих преступных целях, нарушили коммуникации противника, оттянули на себя и сковали в Словакии 8 дивизий [4, с. 155], тем самым облегчив наступление советских войск.

2 сентября глава чехословацкой военной миссии в СССР генерал Г. Пика направил в адрес советских военных органов первую заявку на доставку в Словакию 1000 автоматов, 300 противотанковых ружей, 400 пулеметов и другого вооружения с тремя боекомплектами [5, с. 187]. Всего к 12 сентября от чехословацкой военной миссии были получены заявки на доставку в Словакию 1500 автоматов, 400 противотанковых ружей, 1120 пулеметов, 5000 винтовок, 86 крупнокалиберных пулеметов, 1000 пистолетов, 1000 кг тола и другого вооружения [2, 1964, № 10; с. 52]. Все запрашиваемое оружие и боеприпасы были направлены по воздуху на аэродром «Три дуба» вблизи г. Зволена. Военное имущество поступало с центральных баз Народного комиссариата обороны и со складов фронтов. Наряду с советским вооружением по просьбе чехословацких представителей в Словакию направлялось и трофейное (немецкое) оружие и боеприпасы. Чехословацкие патриоты получали также медикаменты, средства связи, продовольствие, вещевое имущество и т. д.

Доставленное оружие немедленно направлялось в район боевых действий партизан. Повстанческая «Правда» высоко оценила эту братскую помощь: «В течение нескольких дней присылаемые из Советского Союза подкрепления значительно улучшили положение войск чехословацкого сопротивления. Новое вооружение, при помощи которого наши войска успешно противостоят немецкой военной технике, повысило моральное состояние сражающихся войск» [6].

Один из виднейших руководителей Словацкого восстания, ныне Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Густав Гусак отметил: «Каждый, кто жил в то время на повстанческой территории, помнит, как гул советских самолетов, доставлявших военные грузы, поднимал надежду, помогал преодолевать депрессию у колеблющихся и прямо-таки символизировал, что мы не одни, что у нас есть могучий и верный друг» [7]. Таким другом был, есть и останется советский народ, готовый до конца выполнить свой интернациональный долг.

С увеличением размаха борьбы гитлеровцы бросали в район восстания все новые и новые силы, в том числе и авиацию. Для противодействия ей и усиления повстанцев Ставка Верховного Главнокомандования 13 сентября приняла два важных решения: о переброске в Словакию 1-го чехословацкого авиационного истребительного полка и 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады, сформированных и обученных в СССР [8].

17 и в ночь на 18 сентября 1-й чехословацкий истребительный авиационный полк в полном составе (20 самолетов Ла-5) с имуществом, боеприпасами, горючим и радиостанцией был перебазирован на аэродром «Три дуба». Уже на следующий день летчики атаковали аэродром против-

ника в Пьештянах и нанесли ему ощутимый урон [4, с. 149—150]. Прибытие авиационного полка на освобожденную территорию значительно усилило противовоздушную оборону повстанцев.

Вскоре началась переброска частей 2-й парашютно-десантной бригады. Она осуществлялась силами 5-го авиационного корпуса дальнего действия. В ночь на 27 сентября на аэродроме «Три дуба» высадились несколько рот этой бригады с орудиями, минометами, противотанковыми ружьями. Прибывшие подразделения сразу вступили в бой с немецко-фашистскими захватчиками, что позволило отбросить врага от Зволена на 30 км. Дальнейшая переброска чехословацких воинов замедлилась из-за неблагоприятной погоды. Но тем не менее 7 и 8 октября в освобожденные районы прибыло около 700 человек. Всего в сентябре—октябре было переброшено 1855 чехословацких бойцов и более 360 т грузов [1, с. 88]. Обратными рейсами осуществлялась эвакуация раненых.

В связи с изменением обстановки посадка советских самолетов в Словакии прекратилась 27 октября 1944 г. С этого времени для 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады и словацких повстанцев вооружение, боеприпасы, медикаменты и другое имущество сбрасывалось с самолетов в районы, обозначенные заранее условными спецсигналами.

С первых дней сентября советское военное командование приступило к подготовке самого важного средства помощи Словацкому национальному восстанию — проведению специальной межфронтовой наступательной операции.

Одно хронологическое отступление. К концу августа 1944 г. советские войска занимали выгодное стратегическое положение. Войска 1-го Украинского фронта только что завершили Львовско-Сандомирскую операцию, в ходе которой вели боевые действия в двух направлениях: основные силы, захватившие плацдарм на Висле, напеливались на Берлин; армии левого крыла развернули бои в Карпатах на подступах к восточным границам Чехословакии. 2-й и 3-й Украинский фронты одержали крупную победу под Яссами и Кишиневом и вывели из войны Румынию. Создались благоприятные условия для обхода войсками 2-го Украинского фронта Восточных Карпат и выхода на территорию Чехословакии с юга.

По мере продвижения советских войск на запад карпатское направление становилось самостоятельным оперативным направлением. Учитывая это, Ставка образовала новый, 4-й Украинский фронт, которому было приказано подготовить операцию по преодолению Восточных Карпат с целью выхода в Венгерскую долину.

Однако 26 августа 4-й Украинский фронт получил указание — подготовленную операцию отложить и без разрешения Ставки Верховного главнокомандования не проводить. Это решение было связано с успешным наступлением войск 2-го Украинского фронта в Румынии. Необходимость преодоления Карпат с военной точки зрения отпала.

Кроме того, в это время в Москве шли переговоры секретаря ЦК Компартии Словакии К. Шмидке и представителя Словацкого Национального Совета с руководством Заграничного бюро КПЧ, советским военным командованием о готовящемся восстании словацкого народа. В результате обмена мнениями была выработана директива, суть которой заключалась в следующем: при попытке гитлеровцев оккупировать Словакию словацкий народ должен выступить всеми силами и средствами, включая и словацкую армию, освободить и удержать по возможности большую часть словацкой территории, организовать на ней временную власть, вести на территории, еще занятой противником, партизанскую борьбу до полного освобождения Словакии с помощью Советской Армии; в случае вступления на словацкую территорию Советской Армии должно быть поднято национальное восстание, свергнуто брагиславское правительство, созданы органы революционной власти, с помощью советских войск изгнаны оккупанты и обеспечено участие словацких сил в освобождении остальной части Чехословакии.

Таким образом, условием успеха национально-освободительной борь-

бы словацкого народа являлась помощь патриотам Словакии со стороны Советской Армии. Эта помощь была необходима как при подготовке, так и в ходе восстания.

Однако, когда в Москве еще шли указанные переговоры, в Словакии началось восстание и к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи словацкому народу обратился Клемент Готвальд. 31 августа за военной помощью восставшим обратился к правительству СССР посол Чехословакии З. Фирлингер [5, с. 181, 182]. На следующий день к советскому военному командованию поступила аналогичная просьба от начальника чехословацкой военной миссии в СССР. В это же время командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев имел встречу с полковником В. Тальским — заместителем командира Восточнословацкого корпуса. Последний сообщил о начале восстания и высказал соображение, что в случае наступления Советской Армии в западном направлении две словацкие дивизии могли бы выступить навстречу советским войскам для соединения с ними. И. С. Конев предложил Ставке провести операцию смежными флангами 1-го и 4-го Украинских фронтов с целью выхода на территорию Словакии и соединения со словацкими патриотами.

Ответ Ставки на предложение командующего фронтом был изложен в директиве от 2 сентября: «В связи с активизацией партизанского движения в Словакии и развертыванием вооруженной борьбы отдельных регулярных частей и соединений словацкой армии против немецких захватчиков Верховный Главнокомандующий приказал: 1. Подготовить и провести операцию на стыке 1 и 4 Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из района Кросно в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацким восстанием».

На подготовку Ставка отвела 6 суток. Наступление должно было начаться не позднее 8 сентября. К проведению операции привлекались 38-я, 1-я гвардейская армии и 1-й чехословацкий армейский корпус, отдельные танковые корпуса, фронтовая авиация, инженерные части и т. д. Всего в войсках к началу наступления насчитывалось около четверти миллиона человек, 5140 орудий и минометов, 322 танка и САУ и 1165 боевых самолетов [9, с. 165]. Им противостояли 1-я немецкая танковая и 1-я венгерская армии, в составе которых имелось около 300 тыс. человек. В танках, артиллерии и авиации противник в полтора-три раза уступал советским войскам.

Подготовка сложной операции в шестидневный срок требовала исключительного напряжения от советских воинов, которые с середины июля находились в непрерывных боях. Крупные перегруппировки и сосредоточение сил и материальных средств на новых направлениях в условиях горного театра само по себе было чрезвычайно затруднительно.

Наступление советских войск в Карпатах вошло в историю как Восточно-Карпатская стратегическая операция, в рамках которой проводились две другие — Карпатско-Дуклинская и Карпатско-Ужгородская.

Карпатско-Дуклинская операция началась строго по плану — утром 8 сентября. После артиллерийской подготовки и ударов авиации главные силы 38-й армии, которой командовал генерал К. Москаленко, прорвали оборону противника на двенадцатикилометровом участке и в течение дня продвинулись вперед в направлении Дуклинского перевала до 12 км. Однако с переброской немецко-фашистским командованием к району прорыва трех дивизий, в том числе двух танковых, и отдельных частей в последующие дни бои приобрели затяжной характер.

Наступление советских войск осложнилось еще и тем, что один из важных элементов плана операции — удар дивизий Восточнословацкого корпуса в тыл оккупантам с целью захвата перевалов через Карпаты и обеспечения стремительного продвижения группировки 38-й армии в глубь Словакии — не был осуществлен. Еще до перехода советских войск в наступление Восточнословацкий корпус был разоружен гитлеровцами.

Операция приняла кровопролитный и затяжной характер. Во второй половине сентября войска 38-й армии и 1-го Чехословацкого армейского корпуса, продолжая бои за Дуклинский перевал, настойчиво пробивались к границе. И лишь 6 октября воины чехословацкого корпуса при непосредственном содействии 67-го стрелкового и 31-го танкового корпусов овладели Дуклинским перевалом. Чехословацкие воины, освободив село Вышни Комарник, вступили на родную землю. С того времени 6 октября ежегодно отмечается в Чехословакии как День Народной армии.

Наступление продолжалось до 28 октября. В связи с вышеуказанными обстоятельствами советские войска и 1-й Чехословацкий корпус не смогли полностью выполнить всех задач, предусмотренных планом, однако наступление имело важное военно-политическое значение. Вражеская оборона в Карпатах была прорвана. Противник понес большие потери в личном составе и боевой технике. Достаточно указать, что только в плен было взято 31 360 солдат и офицеров [9, с. 171].

Карпатско-Дуклинская операция положила начало освобождению Чехословакии. «Наши народы, — отмечал товарищ Г. Гусак, — никогда не забудут, что эта чрезвычайно тяжелая и сложная в военном отношении операция, направленная против сильно укрепленных позиций неприятеля на горном гребне Карпат, велась советским командованием для того, чтобы как можно раньше оказать эффективную поддержку восставшему словацкому народу» [10].

Продвижение советских войск в Карпатах досталось дорогой ценой. Каждый километр, отвоеванный у врага, стоил больших жертв. Советские войска потеряли 21 тыс. убитыми и 89 тыс. — ранеными [9, с. 171]. Потери 1-го Чехословацкого корпуса составили 844 убитыми и 4068 ранеными [1, с. 108].

Таким образом, в ходе Словацкого национального восстания Советский Союз оказал всемерную помощь и поддержку чешскому и словацкому народам. «Для начала и хода восстания, — говорится в тезисах ЦК КПЧ и ЦК КПС к 20-й годовщине восстания, — огромное значение имела помощь Советского Союза, выражавшаяся не только в решающих успехах на фронтах, которые подорвали силу гитлеровской военной машины, но и также в форме прямого участия советских партизан и командиров на полях сражений в период восстания, и в поставках оружия и боеприпасов». Помощь Словацкому национальному восстанию со стороны Советского Союза — яркий пример выполнения им своего священного долга пролетарского интернационализма. В ходе восстания еще более окрепли советско-чехословацкое братство по оружию и дружба между народами Советского Союза и Чехословакии.

ЛИТЕРАТУРА

1. За освобождение Чехословакии. М., 1965.
2. Военно-исторический журнал.
3. Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с. 443.
4. На вечные времена. М., 1975.
5. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1960.
6. Pravda, 1944, 9 IX.
7. Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969, с. 391.
8. ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 213, л. 489.
9. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. М., 1978.
10. Проблемы мира и социализма, 1984, № 8, с. 8.

ТАРАСОВ Б. Н.

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЮГОСЛАВИИ В ХОДЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (НОЯБРЬ 1942 — ЯНВАРЬ 1944 ГГ.)

Коренной перелом во второй мировой войне, явившийся результатом выдающихся побед советского народа над гитлеровским фашизмом, оказал глубокое и разностороннее воздействие на международные отношения, на развитие национально-освободительной борьбы в оккупированных странах, в том числе и в Югославии.

Советские исследователи на большом фактическом материале раскрыли значение этого эпохального события для судеб народно-освободительной войны и революции в Югославии, обеспечения благоприятных внутренних и внешних условий становления нового югославского государства [1—6].

Научная разработка этой темы представляет не только академический интерес. Нарастающий поток книг, статей, публикаций документов на Западе, и прежде всего в Великобритании, практически по всем аспектам югославской истории периода второй мировой войны свидетельствует о непрекращающихся попытках буржуазных идеологов навязать общественности капиталистических государств искаженные, а подчас откровенно фальсифицированные представления о существе поднимаемых проблем.

Причины пристального внимания английских буржуазных историков, мемуаристов, экспертов пропагандистско-подрывных служб Великобритании к отдельным аспектам британской политики в отношении Югославии в годы второй мировой войны, в ходе коренного перелома в особенности, объясняются тем, что именно в этот период Лондон претендовал на некую монополию в определении балканской военно-политической стратегии западных союзников. С другой стороны, с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. югославский аспект «балканского варианта» второго фронта в Европе, на осуществлении которого настаивал британский премьер-министр У. Черчилль, претерпел существенную эволюцию в силу происшедших в ходе освободительной войны радикальных социально-политических изменений в Югославии. На завершающей стадии рассматриваемого периода эти изменения приняли, по существу, необратимый характер.

К концу 1942 г. многочисленные партизанские отряды были преобразованы в соединения регулярной Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) общей численностью около 150 тыс. человек. 26—27 ноября 1942 г. в г. Бихаче было сформировано Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), ставшее прообразом новой государственной власти, создававшейся народом и для народа в огне национально-освободительной войны на прочной основе широкого демократического единения всех патриотических сил страны [7—8].

Военно-политическое руководство Великобритании с неослабевающим вниманием и растущим беспокойством следило за развитием внутриполитической обстановки в Югославии с первых дней широкого вооруженного восстания под руководством Коммунистической партии Югославии (КПЮ), начавшегося летом 1941 г. Под прикрытием разговоров о помощи югославским патриотам Лондон стремился навязать им такой образ действий, такую тактику борьбы и политическую программу, которые обеспечивали бы возвращение в освобожденную Югославию короля Петра II Карагеоргиевича¹.

В своих практических действиях английское правительство опиралось на находившееся в Лондоне югославское эмигрантское королевское правительство, которое на оккупированной территории Югославии представлял руководитель четников генерал Д. Михайлович, являвшийся одновременно военным министром этого правительства. Политическое кредо Михайловича покоилось на двух столпах — великосербском шовинизме и оголтелом антикоммунизме. Последнее обстоятельство обеспечивало Михайловичу поддержку Лондона и относительную терпимость со стороны оккупационно-квислинговских властей.

Чтобы иметь свою собственную информацию о положении в Югославии, Лондон направил туда свою военную миссию, которая прибыла в штаб Михайловича в сентябре 1941 г. 15 ноября 1942 г. офицер Управления специальных операций (СОЭ — по начальным буквам английского названия), ведавшего проведением разведывательных и подрывных акций на территориях, оккупированных фашистами, майор Б. Хадсон направил своему начальству в Каире объемистое послание с подробным анализом ситуации в Югославии. В нем Хадсон выражал абсолютную уверенность в том, что Михайлович «способен прийти к любому тайному соглашению как с итальянцами, так и с немцами, которое могло бы служить его целям... Любое подобное соглашение оправдывалось бы его уверенностью в победе союзников (западных. — Б. Т.) и необходимостью уничтожить влияние коммунистов на массы» [10, р. 152—154].

Однако сопоставив обстановку, сложившуюся в Югославии, с развитием событий на советско-германском фронте и общим соотношением сил воюющих держав на европейском театре военных действий, британские руководители пришли к выводу, что поддержка Михайловича не утратила своей актуальности. Это видно из меморандума, представленного министром иностранных дел А. Иденом У. Черчиллю 17 декабря 1942 г., в котором использовались наблюдения Хадсона. Иден признавал факт боевой пассивности четников. В то же время он отмечал, что государственная мудрость требует учета долговременных последствий того или иного политического решения, а это, по мнению Идена, означало, что поддержку Михайловича следовало продолжать для того, «чтобы не допустить анархии и коммунистического хаоса после войны» [11, с. 237].

Между тем реальная обстановка — военная пассивность четников Михайловича и разоблачения его связей с марионеточным квислинговским правительством М. Недича, появившиеся в советской печати, — побуждала даже высокопоставленных сотрудников Форин оффис вносить коррективы в действия своего руководства, претендовавшего на олицетворение государственной мудрости. 20 декабря 1942 г. помощник министра иностранных дел Великобритании О. Сарджент в беседе с заместителем министра иностранных дел эмигрантского югославского правительства В. Милановичем заявил, что, по оценке англичан, Михайлович «перестал сражаться с октября 1941 г., что затрудняет противодельские советские пропаганде, ведущейся против него» [12, р. 289]. Несколько дней спустя один из ведущих сотрудников СОЭ П. Бой заявил главе канцелярии югославского премьер-министра П. Кнежевичу, что дальнейшая помощь Михайловичу со стороны англичан неоправданна, так как предводитель четников открыто сотрудничает с оккупантами. При этом британский офицер употребил по отношению к Михайловичу термин «квис-

¹ Подробнее см. [9].

линг», сравнив его с предателем югославского народа М. Недичем [13, s. 252—253].

Обеспокоенный этими далеко не ординарными проявлениями недовольства позицией Михайловича со стороны высокопоставленных сотрудников британских правительственных учреждений, глава югославского эмигрантского правительства С. Йованович обратился за официальными разъяснениями к английскому послу при этом правительстве Дж. Ренделу. На следующий день, 1 января 1943 г., Рендел уверил Йовановича в неизменности курса Лондона на поддержку четников. В сформированном 3 января 1943 г. новом правительстве Йованович Михайлович был заочно оставлен в качестве министра армии, флота и авиации [14, s. 159, 171; 12, p. 278].

Вместе с тем в Лондоне было решено усилить британское присутствие в штабе четников. В конце декабря 1942 г. туда был направлен полковник С. Бэйли, который до войны работал инженером на рудниках в Треще и хорошо владел сербскохорватским языком. Летом 1940 г. он возглавил резидентуру СОЭ в Белграде, оказавшись в центре готовившегося государственного переворота и заведя весьма короткие знакомства со многими из его участников. Бэйли поручалось докладывать о боевых качествах отрядов Михайловича, а также убедить его предпринять активные действия против оккупантов. Главное же заключалось в том, что все свои шаги Бэйли надлежало осуществлять в рамках обанкротившегося к тому времени курса на подчинение всех патриотических сил военному министру эмигрантского югославского правительства [10, p. 177—178].

Английские спецслужбы придавали большое значение пропагандистскому обеспечению проводимой ими политики в пользу четников. В одном из меморандумов, направленном СОЭ в Форин оффис в январе 1943 г., утверждалось: «...великие люди — в основном мифы, но, раз возникнув, они становятся силой в своей стране... Создать подобного деятеля из Михайловича — в нашей власти» [15, p. 28]. Между тем сведения, начавшие поступать из Югославии от Бэйли, создавали новые препятствия в раздувании легенды о мифических подвигах Михайловича. Если в первых радиogramмах Бэйли, явно не разобравшись в обстановке, высказывал абсолютное неприятие образа действий партизан, обвиняя их в жестокости и бессмысленной тяге к кровопролитию, якобы озлоблявших и настраивавших против НОАЮ широкие слои населения [16, p. 289], то вскоре тон этих сообщений стал меняться, впрочем, в сторону не столько большей благосклонности по отношению к подлинным патриотам, сколько большей объективности в отношении Михайловича, что уже само по себе было позитивным явлением. Это касается также и вопроса о надежности информации, поступавшей до тех пор от Хадсона. В одном из своих первых сообщений Бэйли подчеркивал: «...наши сомнения относительно авторства телеграмм Хадсона оказались безосновательными. Он прекрасно разбирается во всех аспектах обстановки» [15, p. 35].

В последних числах января 1943 г. Бэйли подтвердил факт сотрудничества четников с оккупантами и категорически заявил: «Настало время жестче обращаться с Михайловичем... Слепая безоговорочная поддержка, оказывавшаяся ему в прошлом, убедила его в том, что... наша миссия находится здесь только для того, чтобы передавать его требования британским властям и следить за тем, чтобы они выполнялись как можно быстрее и без задержек. Отсюда его раздражение, когда мы поставили под вопрос такое положение» [17, p. 73].

Осознание происходивших перемен находило, таким образом, отражение в более трезвом подходе англичан к проблеме признания реальностей военно-политической обстановки в Югославии. Однако и эта новая фаза политики британских империалистов разворачивалась на прежней антисоветской основе, что подтверждается документами Форин оффис, в одном из которых, датированном январем 1943 г., английская помощь Михайловичу совершенно однозначно определялась как функция противопоставления интересов Великобритании растущей мощи и влиянию Советского Союза: «...именно из-за существования этой угрозы, а не из-за

чрезмерной любви к Михайловичу мы недавно решили, что ... необходимо продолжать поддержку Михайловича и югославского правительства» [15, р. 47].

Одним из вариантов новой тактики в отношении Югославии было предложение, поступившее в конце января 1943 г. от английской военной миссии в этой стране. Бэйли предлагал провести разграничение зон боевых действий между партизанами и четниками таким образом, чтобы Сербия стала исключительной зоной действий Михайловича, а партизаны обосновались бы в других районах. В эти мероприятия предполагалось втянуть и Советское правительство. Бэйли фактически предлагал осуществить стремление Михайловича к единоличному господству в Сербии, что противоречило реальному положению вещей. С другой стороны, изоляция четников в пределах Сербии вела к утрате Михайловичем преимуществ, вытекавших из его статуса военного министра эмигрантского правительства, лишая англичан возможности дипломатического маневра в рамках антигитлеровской коалиции. В итоге предложение Бэйли не получило поддержки в Лондоне [10, р. 178—181].

Инициатива Бэйли совпала с весьма примечательным событием. Примерно в те же дни Черчилль обратился к президенту США Ф. Рузвельту с призывом содействовать выводу Италии из войны, что, по его словам, могло бы привести «к установлению контактов с Западными Балканами и с внушающим большие надежды движением Сопротивления, возглавляемым как генералом Михайловичем в Сербии, так и партизанами в Хорватии и Словении» [18, р. 616]. Это первое официальное указание на наличие в Югославии по крайней мере еще одной силы, оказывавшей сопротивление оккупантам, было, в сущности, вынужденным прекращением заговора молчания, который английские правящие круги в течение двух лет создавали вокруг НОАЮ.

Признаки перемены появились еще осенью 1942 г., когда Форин оффис, возражая против введения в лексикон радиослужб слова «партизан», согласился на употребление в радиопропаганде на Югославию термина «югославские патриоты» для обозначения любой группы Сопротивления. Одновременно в британской печати стали появляться нелестные отзывы о деятельности четников, что вызвало ярость Михайловича и его правительства, тем более, что эти материалы базировались подчас на сообщениях советской и прогрессивной американской прессы [19, с. 314—315]. В январе 1943 г. С. Йованович дважды заявлял протесты британскому правительству по поводу участвовавших случаев появления в печати и на радио материалов, разоблачавших четников. Однако на этот раз представители Би-Би-Си уведомили Йовановича, что ими и впредь будут применяться термины «югославские патриоты» и «борцы движения Сопротивления в Югославии» [15, р. 35].

30 января 1943 г. британское ближневосточное командование представило У. Черчиллю, сделавшему в Каире остановку на пути в Адану, меморандум, в основу которого был положен анализ обстановки в Югославии, выполненный сотрудниками югославской секции каирского отделения СОЭ. В меморандуме по-прежнему отрицался факт сотрудничества Михайловича с оккупантами и утверждалось, что четники будто бы отвлекали на себя три германские и шесть болгарских дивизий, дислоцированных в Сербии. Далее, не упоминая имен руководителей НОАЮ, составители меморандума констатировали наличие в Югославии враждебного четникам движения Сопротивления, которое сковывало 30 дивизий держав «оси». Столь разительный контраст между военными усилиями четников и освободительного движения, возглавляемого коммунистами, приводил экспертов СОЭ к выводу о необходимости оказания партизанам материальной помощи, не зависимой от программы помощи Михайловичу. Если, предупреждали авторы документа, англичане не примут эффективных мер в этом направлении, то их неоперативностью могут воспользоваться русские или американцы. Воспрепятствовать такому развитию событий, по мнению югославской секции СОЭ в Каире, можно было, лишь установив непосредственный контакт с партизанами, не пре-

рыва в то же время связей с Михайловичем. Документ заканчивался указанием на наличие трений между британской военной миссией и четниками [11, с. 275].

Черчилль согласился с выкладками специалистов по югославским делам и, наложив соответствующую резолюцию, направил доклад лондонскому руководству СОЭ, подчеркнув: «Я считаю, что чрезвычайно важно установить желаемые более тесные связи с югославскими руководителями» [18, р. 812].

В Лондоне располагали достаточно полной информацией о подлинной военной ценности четников, хотя до поры до времени значительная часть этих сведений скрывалась даже от сотрудников СОЭ, занимавшихся югославскими делами. Только начиная с января 1943 г. сотрудники СОЭ в Каире неожиданно для себя стали получать расшифрованные радиоперехваты немецких сообщений об оперативном взаимодействии четников с оккупационными войсками типа: «Партизаны в X или Y движутся в направлении Z. Вызываем против них четников». Позже выяснилось, что эти материалы поступали в Каир из метрополии и только очевидная бессмысленность засекречивания сведений о предательских действиях четников на фоне туниковой ситуации в английской политике в отношении Югославии вынудила ближневосточное командование просить Лондон разрешить рядовым специалистам СОЭ, занятым разработкой конкретных акций, пользоваться более разнообразными источниками [20, р. 210, 212].

К середине февраля 1943 г. в британских кругах, ответственных за выработку решений по югославским делам, завершился обмен мнениями по плану Бэйли. Английский посол при эмигрантском югославском правительстве Д. Рендел выразил несогласие с предложенным сосредоточением партизан в Хорватии. Это, по его мнению, обострило бы национальный вопрос в Югославии и создало бы предпосылки для захвата власти в Хорватии коммунистами, что, ввиду географического соседства Австрии и Венгрии, угрожало возникновением Центральноевропейского блока коммунистических государств [10, р. 180—181]. Форин оффис, рассмотрев этот вопрос, признал доводы Рендела убедительными, подчеркнув, что британским силам вторжения в случае высадки на побережье Далмации или Хорватии пришлось бы столкнуться с трудностями, если бы там оперировали только соединения под командованием коммунистов. Кроме того, считали в Форин оффис, реализация предложений Бэйли произвела бы тягостное впечатление на Грецию (т. е. на реакционную греческую эмиграцию.— *Б. Т.*) и других союзников. В результате 3 марта 1943 г. было решено, не прекращая поддержки Михайловича, установить контакты с руководством партизан и выяснить возможность и целесообразность оказания им материальной помощи [10, р. 185—186].

Это решение отражало объективную потребность английского руководства в обновлении внешнеполитического курса в отношении Югославии. Однобокая ориентация на великосербских шовинистов затрудняла реализацию военно-политических и стратегических задач «балканского варианта» средиземноморской стратегии Англии.

Новый инцидент обострил внимание Лондона к этой проблеме. 28 февраля 1943 г. в местечке Липово Михайлович на одном из сборищ четников разразился длинной речью, которую от начала до конца выслушал и полковник Бэйли. Прежде всего министр армии, авиации и флота эмигрантского правительства заявил, что сербы проявляют открытую враждебность по отношению к англичанам, которые ради собственных целей принуждают четников рисковать своими жизнями. Затем Михайлович обрушился на партизан, чья деятельность, по его словам, была антиюгославской и лишь потакала антиюгославским инстинктам союзников. Но это не могло отвлечь сербов от выполнения, как было сказано, «священного долга» по уничтожению партизан. Не обошлось и без оскорблений по адресу Би-Би-Си, ставшей более объективно освещать обстановку в Югославии, что было расценено Михайловичем как кампания рекламирования Тито [10, р. 181—182]. Небезынтересно отметить,

что в середине февраля Михайлович категорически запретил своим подчиненным слушать передачи лондонского радио [13, с. 261].

Теперь уже английское правительство не могло по-прежнему бесстрастно собирать разоблачительные донесения своих агентов и вынуждено было реагировать на критику со стороны Михайловича, высказанную им в Липово. Официальному британскому демаршу предшествовал обмен мнениями в высших военных кругах. Комитет начальников штабов отмечал 4 марта 1943 г., что возможности военно-транспортной авиации ограничены и достаточная помощь может перебрасываться по воздуху либо Михайловичу, либо партизанам, но не обеим сторонам одновременно. Предпочтение и на этот раз было отдано четникам, поскольку, как указывалось, «принимая во внимание далекую перспективу, ... с военной точки зрения более благоразумно поддерживать Михайловича, так как он может обеспечить большую организованность действий и дисциплину, в то время как партизаны после разгрома войск стран оси могут вызвать в стране, вероятно, только хаос» [11, с. 276—277].

Одновременно английское правительство передало Советскому правительству меморандум, в котором подводился своеобразный итог английской политики в отношении Югославии и фактически признавалась роль СССР в срыве антинародных замыслов Лондона и эмигрантского югославского правительства. В меморандуме констатировалась сложность создавшегося положения, при котором английское руководство не могло проводить прежний курс безоговорочной поддержки Михайловича и было вынуждено пойти на установление контактов с руководством НОАЮ. В то же время Советскому правительству предлагалось свернуть античетническую кампанию в прессе и по радио. Советское правительство не дало официального ответа на этот меморандум [21, с. 154—155; 22, с. 78].

23 марта 1943 г. Черчиллю был представлен отчет, обобщающий итог первых трех месяцев пребывания Бэйли в оккупированной Югославии. Особое внимание было уделено неопровержимым доказательствам коллаборационизма Михайловича. Озабоченность выражалась не столько по поводу самого этого факта, сколько в связи с тем, что участие в безуспешных стараниях оккупантов разгромить НОАЮ навлекло на четников угрозу полной ликвидации [10, р. 191]. 29 марта британское правительство направило эмигрантскому югославскому правительству ноту, в которой указывалось на необходимость изменения позиции Михайловича в вопросе сотрудничества с оккупантами и по отношению к другим группам Сопротивления. В противном случае Михайлович мог лишиться той исключительной поддержки, которая оказывалась ему англичанами, как признавалось в ноте, в ущерб остальным участникам антифашистской борьбы [22, р. 987—988].

Почти одновременно с этим Черчилль указал начальнику своего личного штаба генералу Х. Исмею, что «одной из самых важных задач следует считать захват плацдарма на побережье Далмации». «Я считаю, — писал он, — что хотя Михайлович сейчас, естественно, хитрит, он бросит все свои силы против итальянцев в тот момент, когда мы будем в состоянии оказать ему действительную помощь. Ясно, что на этом театре открываются большие возможности» [18, р. 823].

7 мая 1943 г. Иден вручил Йовановичу ноту, предназначенную для передачи Михайловичу. «Правительство его величества надеется, — говорилось в ноте, — что вскоре оно сможет направить генералу Михайловичу материальную помощь в более значительных размерах, чем в прошлом». Сотрудничество Михайловича с оккупантами не осуждалось, а лишь ограничивалось условием, что оно допустимо только «после консультации с британским главнокомандующим на Ближнем Востоке через Бэйли и с одобрения британского и югославского правительств» [22, р. 1008].

Совершенно очевидно, что ни «квазиультиматумом», ни просто серьезным предупреждением, как старается доказать английская буржуазная историография [11, с. 341; 10, р. 187; 17, р. 78], упомянутая нота не была. Вся процедура реагирования британской стороны на явно профашист-

скую декламацию Михайловича в Липово растянулась на три месяца. Завершение этого умышленно приторможенного процесса совпало по времени с началом реализации нового тактического замысла англичан.

В ночь на 29 мая 1943 г. на территорию оккупированной Югославии была доставлена английская военная миссия, пунктом назначения которой было расположение Верховного штаба НОАЮ. Представителю СОЭ капитану Ф. Дикину, бывшему до войны литературным сотрудником Черчилля, поручалось довести до сведения руководства НОАЮ желание ближневосточного командования синхронизировать операции союзников в бассейне Средиземного моря с действиями югославских партизан.

При неизбежном обсуждении вопроса о Михайловиче Дикину следовало в «подобающей форме» довести до сведения своих собеседников намерение правительства Великобритании продолжить поддержку Михайловича и предупреждение, что оно не потерпит попыток полного уничтожения этнического движения, несмотря на известные факты коллаборационизма четников [10, р. 215, 217—218, 223—225].

Установление непосредственного контакта английского ближневосточного командования с руководством НОАЮ не означало безоговорочного принятия всеми уровнями лондонской иерархии сложившегося соотношения сил в югославском Сопротивлении. Неопровержимое тому доказательство — расхождение между высокопоставленными чиновниками в английской столице и штаб-квартирой британских войск на Ближнем Востоке, вспыхнувшие вокруг директивы Каира полковнику Бэйли, приуроченной к прибытию английской военной миссии в штаб НОАЮ. В телеграмме британское ближневосточное командование высоко оценивало боевые качества НОАЮ и признавало, что сфера боевых операций партизан распространялась на всю территорию страны; где Михайловича представляли в большинстве случаев только квислинги. Михайлович бурно реагировал на эту нелегитимную характеристику его активности, диссониравшую с обнадеживающим содержанием официальной ноты правительства Великобритании. В результате совместного нажима СОЭ и Форин оффис в конце июня каирская директива полковнику Бэйли была дезавуирована [16, р. 292—293; 11, с. 340—341].

Официальные соображения Лондона по поводу характера и глубины внутренних перемен, происходивших в оккупированной Югославии, и вызванной этим модификации тактических действий английского правительства в отношении этой страны, были изложены в памятной записке британского посольства в Вашингтоне от 6 июля 1943 г. Госдепартамент США уведомлялся о том, что одним из главных направлений в обновленной программе действий Лондона в отношении Югославии являлось продолжение помощи Михайловичу. Далее следовало обещание предоставить вооружение и снаряжение «хорватским повстанцам и коммунистическим партизанам», причем последним предстояло доказать английским офицерам связи отсутствие намерений атаковать четников, если таковые имелись поблизости. Третий пункт начинался с дежурного заявления о желании Лондона видеть движение Сопротивления в Югославии единым и сплоченным. Однако требование о подчинении всех его течений, отрядов, групп Михайловичу, постоянно содержащихся в подобных документах 1941 — первой половины 1943 гг., было снято окончательно. Говорилось лишь об инструкции английским офицерам связи «содействовать по мере возможности заключению соглашения о ненападении между генералом Михайловичем и партизанами». Наконец, и тем и другим была обещана соответствующая пропагандистская поддержка при условии лояльного отношения к соперничающей группировке [22, р. 1018].

Между тем 5 августа 1943 г. на советско-германском фронте произошло событие, не оставлявшее сомнений в окончательном исходе сражения на Курской дуге. Советские войска освободили Орел и Белгород и продолжали развивать успех на юго-западном стратегическом направлении. Творцам «балканского варианта» становилось не по себе при мысли о том, что произойдет с их планами, если на рубежах дунайских государств появится армия первой в мире страны социализма.

В этих условиях идея упреждающего ввода англо-американских войск в регион Юго-Восточной Европы, лежащая в основе «балканского варианта» второго фронта в Европе, приобрела характер доминирующего в стратегическом и спасительного в политическом отношении фактора, которому правящие круги Великобритании придавали особое значение при подготовке к очередной встрече между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в Квебеке во второй половине августа 1943 г.

В целях придания своей политике в югославском вопросе видимости стабильного и вместе с тем достаточно гибкого курса британское руководство накануне конференции «Квадрант» (кодовое название квебекской встречи) провело очередную перестановку в кабинете короля Петра, чтобы добиться хотя бы внешнего обновления во всех аспектах югославской проблемы. 8 августа 1943 г. А. Иден вызвал к себе М. Трифуновича, который за полтора месяца до этого сменил С. Йовановича на посту премьер-министра, некоторых других деятелей югославской буржуазно-монархической эмиграции и учинил им разнос за неспособность уладить непрекращающиеся распри между многочисленными эмигрантскими политическими группировками и выработать такую правительственную программу, оперируя которой Лондон мог бы настаивать, по крайней мере перед американцами, на осуществлении своих планов в отношении Югославии. Кроме того, Иден рекомендовал своим собеседникам перебраться в Каир, чтобы не упустить благоприятные шансы, которые сулило ожидавшееся падение Италии. Дипломатическое вмешательство Форин оффис возымело немедленное действие. Через два дня Трифунович вручил королю Петру прошение об отставке. Новое правительство возглавил бывший посол королевской Югославии в Париже Б. Пурич, представлявший крайне правое крыло буржуазно-монархической эмиграции. Михайлович был оставлен в своем прежнем качестве министра армии, флота и авиации [23, с. 201—202, 204, 205].

Это была последняя попытка сохранить за четниками статус официально признаваемого движения, призванного олицетворять преемственность довоенных буржуазно-монархических традиций. В конце августа в Каире была получена радиограмма, в которой Дикин высказывал убеждение в том, что предварительная стадия налаживания контактов с руководством НОАЮ может считаться завершенной. Отныне следовало подумать над тем, чтобы повысить ранг британского представительства при верховном штабе партизан, проведя реорганизацию и централизацию всех групп СОЭ, находившихся к тому времени в расположении НОАЮ. Дикин предлагал с этой целью прислать офицера в чине бригадира. Сделать это, по его мнению, надлежало как можно быстрее, во всяком случае «не позднее сентября, ввиду того, что они (партизаны. — Б. Т.) могут принять важные решения до наступления зимы» [10, р. 107—108].

Мнение Дикина весьма точно совпадало с намерениями Черчилля. 18 сентября 1943 г. в Югославию воздушным путем прибыла представительная группа СОЭ во главе с бригадиром, членом палаты общин британского парламента от консервативной партии Ф. Маклином. «Нам нужен, — говорил Черчилль, — смелый посол-руководитель при этих храбрых партизанах, которым постоянно угрожает враг» [24, с. 108—109]. Маклин был приглашен к Черчиллю для получения инструкций 25 июля 1943 г. Во время их беседы одна из телеграмм, принесенных адъютантом, привела Черчилля в состояние сильного волнения. То было известие об отстранении Муссолини от власти. «Это, — сказал премьер-министр Маклину, — делает вашу работу еще более значимой. Германские позиции в Италии рушатся. Нам следует теперь же оказать на них все возможное давление на другой стороне Адриатического моря» [25, р. 230—231].

Одновременно с миссией Маклина в Верховный штаб НОАЮ к Михайловичу был направлен бригадир Ч. Армстронг. Усиление британского представительства при четниках совпало с начавшейся 10 сентября 1943 г. переброской эмигрантского югославского правительства из Лондона в Каир. Через две недели туда прибыл король Петр. В первом же заявлении на Ближнем Востоке Петр выразил твердую уверенность в своем ско-

ром возвращении в Белград и последующем возрождении королевства сербов, хорватов и словенцев [26, p. 198]. Впервые в официальном выступлении югославского монарха не упоминалось имя Михайловича. Сделано это было по совету недавно назначенного нового посла Великобритании при королевском правительстве Р. Стивенсона. Прецедент был создан самим Черчиллем, который, выступая в палате общин 21 сентября 1943 г., не упомянул о четниках и Михайловиче, характеризуя обстановку на Балканах, но еще не назвал Народно-освободительную армию Югославии. Вместо этого в речи Черчилля фигурировало слово «патриот» [13, s. 350, 358, 360; 27, p. 6848].

Между тем Маклин в короткий срок и, главное, с позиций своего консервативного миропонимания произвел анализ обстановки на месте.

Первое, что обратило на себя его внимание, это неоспоримое превосходство партизан над четниками во всех отношениях. Не было у Маклина сомнений и в том, что после освобождения страны именно им, а не Михайловичу, будет принадлежать решающее слово. С другой стороны, партизанами руководили коммунисты, а это заставляло Маклина предположить, что «прийдя к власти, они установят в Югославии режим наподобие советского, который, по всей вероятности, будет ориентироваться на Москву». Естественно, Маклин задавался вопросом, в какой мере Великобритания могла воздействовать на развитие обстановки в Югославии в желаемом для себя направлении, и с сожалением констатировал: «Если хорошо оценить обстановку, то следует прийти к выводу, что партизаны могут быть устранены только путем вооруженной интервенции, значительно превосходящей по размерам и эффективности интервенцию немецкую» [28, s. 46—47]. Все увиденное настолько встревожило Маклина, что уже в конце октября 1943 г. он предпринял довольно рискованную поездку в Каир, чтобы изложить свои наблюдения Идену, возвращавшемуся из Москвы после конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Маклин вручил Идену отчет о своем недолгом, но насыщенном впечатлениями пребывании в оккупированной Югославии. В Лондоне сообщение Маклина произвело сильное впечатление на всех, кто был причастен к выработке решений по югославскому вопросу [28, s. 102, 48; 15, p. 39]. Новым было то, что на этот раз оценка сложившейся ситуации была сделана политическим деятелем, членом парламента, который не был новичком в вопросах внешней политики Англии и воспринимал, в сущности антисоветское, содержание своей миссии не только по долгу службы, но и в силу глубокой внутренней убежденности, подкрепленной личным опытом пребывания в СССР.

19 ноября каирское отделение СОЭ, а 25 ноября 1943 г. — объединенный разведывательный комитет рекомендовали прекратить помощь Михайловичу и отозвать всех находившихся при нем британских офицеров [15, p. 40]. 7 декабря, в последний день второй Каирской конференции, на которой Черчиллю не удалось склонить Рузвельта к ревизии только что одобренных в Тегеране планов трансламантской операции, в госдепартамент США была направлена телеграмма, из которой следовало, что министерство иностранных дел Великобритании пересматривало весь комплекс проблем, связанных с Югославией, под непосредственным воздействием выводов доклада Маклина и аналогичной информации из других источников. Предполагалось рекомендовать королю Петру отозвать Михайловича в Каир и заменить его другим лицом, способным осуществить сотрудничество с партизанами. Если бы новому предводителю четников удалось заручиться поддержкой соратников Михайловича, то это позволило бы англичанам добиться единства всех сил югославского Сопротивления в том смысле, как его понимали в Лондоне, не принося в жертву личность короля, для которого отсутствие приверженцев монархии высокого ранга в собственной стране усугубилось бы наличием враждебного монархии социально-политического течения, представляемого АВНОЮ и НОАЮ [22, p. 1030].

8 декабря 1943 г. У. Черчилль, А. Иден и командующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал Г. Вильсон приняли согласованное

решение предоставить Михайловичу последнюю возможность доказать свою способность к проведению активных боевых операций. Ему поручалось в течение двадцати дней организовать взрыв двух стратегически важных мостов на реках Морава и Ибар, что нарушило бы железнодорожное сообщение на линии Белград — Салоники. Районы предполагаемых диверсий были выбраны потому, что там Михайлович претендовал на свой безраздельный контроль [29, р. 431].

9—10 декабря 1943 г. Черчилль провел обстоятельные беседы с Маклином и Дикином, вызванными в Каир вместе со своими коллегами, выполнявшими аналогичные поручения в Албании и Греции. Маклин подробно информировал премьер-министра о решающем превосходстве партизан над четниками, сделав упор на неизбежности установления в Югославии после войны коммунистического режима, ориентирующегося на Москву [28, с. 116]. 10 декабря Черчилль предупредил короля Петра и Б. Пурича, что в свете новых данных, представленных британской миссией, правительство Великобритании почти наверняка потребует от эмигрантского югославского правительства дезавуировать Михайловича как военного министра и главнокомандующего четников и, по всей видимости, отзовет свои миссии из его штабов, а также прекратит снабжать его оружием, боеприпасами и т. п., переадресовав эти поставки партизанам. Контраргументы Пурича свелись к запугиванию «кровожадным» коммунистическим режимом и неизбежной гражданской войной в Югославии, а также стенограммами по поводу необъективности британских средств массовой информации, которые, дескать, повинны в незаслуженном возвышении партизан в ущерб четникам [30, р. 339; 22, р. 1028—1029]. Тем не менее вопрос о разрыве англичан с Михайловичем, и только с ним, считался в Лондоне делом решенным. К 15 декабря был подготовлен проект телеграммы в Каир, в соответствии с которым Р. Стивенсон должен был официально потребовать от короля Петра лишить Михайловича всех постов в эмигрантском правительстве и отозвать его в Каир для консультаций. Ожидалось, что в ближайшие дни Иден представит этот документ на рассмотрение кабинета [15, р. 40—41].

Однако принятие окончательного решения было отложено в связи с тем, что 18 декабря 1943 г. радиостанция «Свободная Югославия» передала полный текст постановлений второй сессии АВНОЮ и, в частности тот раздел, в котором полномочия эмигрантского югославского правительства объявлялись недействительными, а королю Петру запрещалось возвращаться в страну. Управление психологической войны передало британскому министерству иностранных дел их содержание. В сопроводительной записке к радиоперехвату упоминалась, с оговоркой о возможной ошибке в толковании текста из-за помех в эфире, фраза, звучавшая якобы так: «...что касается короля и монархии, то наш народ желает обеспечить их участие в борьбе за национальное освобождение». Видный английский буржуазный историк Э. Баркер, лично отправившая этот материал в Форин оффис, утверждает, что именно эта, неправильно понятая фраза была использована внешнеполитическим ведомством Великобритании для новых попыток «заключить сделку с Тито, отсрочив любые меры по разрыву с Михайловичем до тех пор, пока Тито не согласится сотрудничать с королем» [15, р. 41—42].

В завязавшемся после 20 декабря обмене телеграммами между Лондоном, Тунисом и Каиром, где находились, соответственно, Иден, Черчилль и Стивенсон с Маклином, глава Форин оффис предложил направить короля Петра в штаб-квартиру НОАЮ, чтобы там было сформировано новое правительство без участия Михайловича. Готовясь к такой встрече, Иден даже направил Маклину инструкцию, согласно которой последнему следовало уговорить Тито воздержаться от антимонархических выпадов и пойти на контакт с королем во имя благополучия Югославии и успеха общесоюзнического дела. Стивенсон и Маклин сочли этот вариант нереальным ввиду абсолютного неприятия партизанами идей монархизма [29, р. 431—432; 30, р. 340]. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но именно в эти дни обнаружилось, что Петр сам готовил побег в Югославию из-

под опеки англичан. Британским властям в Каире пришлось усилить «охрану» монарха. После войны выяснилось, что эта затея была от начала до конца делом рук германской разведки, а в качестве приманки были использованы четники [13, с. 394—414].

Иден, однако, продолжал настаивать на своем. 1 января 1944 г. он направил Черчиллю сразу две телеграммы в связи с твердо выраженным намерением последнего обратиться к И. Броз Тито с личным посланием. В первой телеграмме Иден высказывался против уведомления Тито о готовности англичан порвать с Михайловичем. Во-первых, из-за отсутствия, как он утверждал, неопровержимых доказательств его коллаборационизма, а, во-вторых, по тактическим соображениям, считал Иден, следовало придержать это заявление в качестве последней уступки на тот случай, если руководство АВНОЮ согласится сотрудничать с королем. Вторая телеграмма содержала повторное предложение командировать Петра в штабквартиру НОАЮ. Иден полагал, что ошибкой было бы не только констатировать намерение англичан прервать отношения с Михайловичем, вычеркнув его из списка получателей помощи западных союзников, но и ссылаться при этом на дипломатический нажим, предпринимаемый с целью заставить Петра официально вывести Михайловича из эмигрантского правительства. Подобные заверения, считал Иден, будут расценены как проявление слабости со стороны Лондона. Далее, у Идена не было уверенности в том, что Петр пойдет на такой шаг, не заручившись гарантиями того, что руководство новой Югославии будет сотрудничать с ним, т. е. если не будет обеспечена преемственность связи югославской монархии со своей страной. Тем более, заключал шеф Форин оффис, что до сих пор не получено убедительных свидетельств предательства Михайловича [29, р. 433].

Черчилль, как известно, располагал такими свидетельствами в достаточном количестве. С другой стороны, доводы Идена не слишком уж расходились с собственными воззрениями британского премьера на способы сохранения югославской монархии как средства в реализации «балканского варианта». Но он был твердо убежден в необходимости отмежеваться от Михайловича, дабы не лишиться большего. 8 января 1944 г. Черчилль обратился к председателю Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) И. Броз Тито с посланием. Касаясь вопроса о деятельности британских представителей при штабе НОАЮ, Черчилль подчеркнул назвал Маклина и Дикина своими друзьями и добавил, что туда направлен майор Рандольф Черчилль — его сын, член парламента. Далее Черчилль заверял, что у англичан нет ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела Югославии после освобождения страны. Тут же, однако, он проводил мысль о том, что в данный момент следует добиваться сплочения всех сил для борьбы с общим врагом «и уж потом избирать форму правления в соответствии с волей народа». Тем самым ставилась под сомнение законность НКОЮ потому только, что его создание не сопровождалось фальшивой процедурой так называемых свободных выборов по западному образцу, в которых народу отводится роль безгласного статиста.

Переходя к главному пункту своего послания, Черчилль писал, что «британское правительство не будет в дальнейшем оказывать никакой помощи Михайловичу, а будет оказывать помощь только Вам и мы будем рады, если королевское югославское правительство исключит его из своего состава». Остановившись на личности короля, Черчилль отметил, что Петр покинул родину ребенком и со стороны англичан было бы «не по-рыцарски и бесчестно» оставить его на произвол судьбы. Поэтому Англия будет продолжать официально признавать его, оказывая в то же время партизанам «всю возможную военную помощь». Затем следовал призыв положить конец полемическим выпадам с обеих сторон, которые, мол, были на руку только немцам. Стремясь придать больший вес сказанному, Черчилль сделал в заключении упор на том, что он и впредь будет работать «в теснейшем контакте с моими друзьями маршалом Сталиным и президентом Рузвельтом» [31, с. 218—219].

Впоследствии стало известно, что по предложению генерала Вильсона, полученному через Идена, в послание Черчилля были вставлены

слова об отказе Михайловичу в военной помощи, а та часть, где говорилось об устранении Михайловича, была заменена выражением надежды на то, что это будет сделано самим эмигрантским правительством [30, р. 340—341]. Однако в соотношении сил как в Югославии, так и за ее пределами эта дипломатическая казуистика ничего изменить не могла. 17 февраля 1944 г. министерство иностранных дел Великобритании и комитет начальников штабов направил в Каир директиву о немедленном отзыве всех британских миссий из четнических штабов, причем ни эмигрантское югославское правительство, ни Михайлович не были уведомлены об этом шаге английского правительства [15, р. 45].

Много лет спустя Ф. Маклин в поисках объяснения этого решения попытался использовать явное поражение Черчилля для ... его восхиления. «На самом деле, — без тени смущения заявил он, — только политический реализм мистера Черчилля и его личное энергичное вмешательство окончательно разрушили преобладавший до этого заговор молчания и обструкцию в отношении партизан и способствовали принятию более разумной политики в отношении Югославии» [32].

Ну что ж, Маклин, как говорится, добросовестно отработывает свой хлеб. Он, применяя выражение К. Маркса, «слеп в силу своей заинтересованности» [33] и может создать и зафиксировать лишь ложное восприятие исторического процесса. Именно поэтому английские буржуазные историки не видят подлинных причин радикальных перемен в английской политике в отношении Югославии зимой 1943—1944 гг.

Между тем объективному исследователю совершенно ясно, что эти перемены — прямое следствие великих побед Советского Союза на этапе коренного перелома во второй мировой войне, мощного подъема народно-освободительной борьбы в Югославии. Над поработанными странами Европы вставала заря свободы. Боевое содружество народов СССР и Югославии получило новый мощный импульс, когда 23 февраля 1944 г. в Югославию прибыла советская военная миссия. Вот почему английское руководство, уведомленное советской стороной о планах отправки этой миссии еще в октябре 1943 г., решилось, в конце концов, расстаться с Михайловичем. Впрочем, решающая роль Советского Союза в срыве контрреволюционных планов британского империализма в отношении Югославии сказалась не только в этом эпизоде. Как справедливо отмечается в советской историографии, «начиная с первых дней героической борьбы народов Югославии за национальное и социальное освобождение и вплоть до окончательной победы, СССР последовательно и целеустремленно поддерживал эту борьбу, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма» [5, с. 41].

Именно это обстоятельство обусловило кризис английской политики в отношении Югославии на завершающей стадии коренного перелома во второй мировой войне. 1944 год скрепил советско-югославское братство по оружию совместными победами над общим врагом. Новая Югославия уверенно шла к победе социалистической революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиббианский Л. Я. Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии. — В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 307—389.
2. Гиббианский Л. Я., Зеленин В. В. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1944—1945). — Советское славяноведение, 1970, № 6.
3. Зеленин В. В. Советско-югославское боевое содружество в годы второй мировой войны. — Вопросы истории, 1965, № 9.
4. Зеленин В. В. Боевое содружество советского и югославского народов в годы второй мировой войны. — В кн.: Освободительная борьба против фашизма. 1939—1945. М., 1983, с. 218—232.
5. Зеленин В. В., Романов В. Е. Действия СССР на международной арене в поддержку югославского народно-освободительного движения. — Советское славяноведение, 1983, № 4.
6. Славин Г. М. Сотрудничество народов СССР и Югославии в борьбе против фашизма. — В кн.: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941—1945 гг. М., 1978, с. 77—153.

7. *Petranović B., Stibac C., Stojanović S.* Jugoslavija u međunarodnom radničkom pokretu. Beograd, 1973, s. 42.
8. История Югославии. Т. 2. М., 1963, с. 214—215.
9. *Tarasov B. H.* Политика Англии в отношении Югославии (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.) — Советское славяноведение, 1983, № 1.
10. *Deakin F. W.* The Embattled Mountain. London, 1971.
11. *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. М., 1980.
12. *Томашевич J.* The Chetniks. Stanford, California, 1975.
13. *Марић М.* Kralj i vlada u emigraciji. Zagreb, 1966.
14. *Plenča D.* Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata. Beograd, 1962.
15. *Barker E.* Some Factors in British Decision-Making over Yugoslavia 1941—1944.— In: British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. London, 1975.
16. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. V. 3. London, 1971.
17. *Bailey S. W.* British Policy towards General Draža Mihailović.— In: British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. London, 1975.
18. *Churchill W. S.* The Second World War. V. 4. London, 1952.
19. *Marjanović J.* Draža Mihailović između Britanaca i Nemaca. Knj. 1. Zagreb, 1979.
20. *British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece.* London, 1975.
21. *Земсков И.* О так называемом «разделе» Югославии на «сферы влияния». — Международная жизнь, 1958, № 8.
22. *Foreign Relations of the United States (FRUS).* Diplomatic Papers. 1943. V. 2. Europe. Washington, 1964.
23. *Plenča D.* Borba za nezavisnost i integritet 1941—1948.— In: Jugoslavija u svetu. Međunarodni odnosi i spoljna politika Jugoslavije 1941—1969. Beograd, 1970.
24. *Эрман Дж.* Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944). М., 1958.
25. *Maclean F.* Eastern Approaches. London, 1957.
26. *Martin D.* Ally Betrayed. The Uncensored Story of Tito and Mihailovich. New York, 1946.
27. *Churchill W. S.* His Complete Speeches, 1897—1963. V. 7. London, 1974.
28. *Maclean F.* Rat na Balkanu. Zagreb, 1964.
29. *The Eden Memoirs.* V. 2. The Reckoning. London, 1965.
30. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962.
31. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 — ноябрь 1945 гг.) Изд. 2-е. М., 1976.
32. *The Sunday Times,* 1971, 17 X.
33. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 19, с. 412.

ОВЧАРЕНКО А. И.

К ВОПРОСУ О СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В 1950—1955 ГОДАХ

Экономическое развитие стран, вступивших в послевоенные годы на путь социализма, с самого начала осуществлялось в условиях существования могущественной социалистической державы — Советского Союза, оказавшего этим странам большую и разностороннюю помощь в социалистическом строительстве.

Исключительно важное значение сотрудничество с СССР имело для Народной Польши, особенно в период создания основ социалистической экономики и ее материальной базы — современной тяжелой индустрии. Основные принципы взаимоотношений СССР и ПНР, в том числе и экономических связей, определил советско-польский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г. [1, т. VIII, 1974, с. 414—416].

К концу 40-х годов под руководством Польской объединенной рабочей партии в основном завершилось восстановление народного хозяйства Польши, был осуществлен ряд демократических преобразований, сложился определенный опыт экономического и научно-технического сотрудничества с СССР, сыгравшего существенную роль в деле восстановления разрушенной войной польской экономики [2]. В этих условиях ПОРП взяла курс на социалистическую индустриализацию страны. Состоявшийся в декабре 1948 г. Объединительный съезд ПОРП утвердил директивы шестилетнего плана развития народного хозяйства на 1950—1955 гг. Главной его задачей являлся всемерный рост производительных сил и социалистических производственных отношений, и на этой базе значительное повышение материального и культурного уровня жизни народа. Для ее достижения предусматривались: высокие темпы развития всех отраслей народного хозяйства, особенно социалистической промышленности и, прежде всего, тяжелой индустрии, значительное увеличение ее производственного потенциала, создание целого ряда новых отраслей, повышение технического уровня. Одновременно планировалось некоторое уменьшение диспропорций в территориальном размещении промышленности путем индустриализации ранее отсталых районов.

Период шестилетнего плана стал важнейшим этапом в послевоенной экономической истории страны, в ходе которого происходили крупные количественные и качественные изменения в ее экономике. В процессе реализации задач социалистической индустриализации в годы шестилетки героическим трудом польского народа под руководством Польской объединенной рабочей партии, а также в результате братского сотрудничества с другими социалистическими государствами и, прежде всего, с Советским Союзом Народная Польша достигла на всех участках социалистического строительства значительных успехов, особенно в промышленности, ставшей основным фактором роста народного хозяйства. Бла-

годаря этому ПНР из экономически отсталой, какой она была еще в конце 40-х годов, превратилась в индустриально-аграрную страну со все более увеличивающимся производственным потенциалом и удельным весом промышленности в формировании национального дохода. Прирост промышленного производства в годы шестилетки в польской экономике составлял в среднем около 13% в год. По темпам его роста Народная Польша занимала одно из первых мест в мире. В 1955 г. общий объем произведенной промышленной продукции в стране был почти в 4,5 раза больше довоенного, 1938 г. [3], а за период 1950—1955 гг. он увеличился на 185% [4]. В результате социалистической индустриализации существенно возрос удельный вес промышленности в народном хозяйстве, достигший в 1955 г. 80,3%, что значительно превышало уровень 1949 г. [5, с. 200]. Особенно быстрыми темпами развивалась тяжелая промышленность. Так, индекс производства средств производства в 1955 г. составил 296 от уровня 1949 г., взятого за 100 [6]. Таким образом, темпы роста тяжелой промышленности были самыми высокими, вследствие чего происходило дальнейшее увеличение доли производства средств производства. В валовом объеме промышленной продукции оно достигло к 1955 г. 57,2% [7]. Следовательно, в годы индустриализации происходило форсированное развитие тяжелой промышленности, что создавало прочную базу для дальнейшего развития всего народного хозяйства страны, технического перевооружения других отраслей экономики.

Однако в период шестилетки в экономике Народной Польши имели место недостатки; рассматривая ход и итоги выполнения плановых заданий, II съезд ПОРП (1954) и VII пленум ЦК ПОРП (1956) отметили некоторые просчеты в планировании пропорций экономического развития отдельных отраслей. Большой удельный вес капиталовложений в промышленность (44,3%) [8] и особенно в производство средств производства, одновременное строительство большого количества промышленных объектов, которые вступали в строй главным образом в конце шестилетки или даже в последующие годы, привели к появлению диспропорций в развитии народного хозяйства, к отставанию других его отраслей и явились причиной того, что плановые задания не были полностью выполнены. Эти явления были обусловлены как отсутствием достаточного опыта перспективного планирования, так и рядом других причин, в частности, необходимостью накопления средств для индустриализации, а также осложнением международной обстановки в период холодной войны, что требовало ускоренного развития промышленности и отвлечения определенной доли средств на оборону страны. Тем не менее, VII пленум ЦК ПОРП отметил, что выполнение шестилетнего плана явилось историческим достижением рабочего класса и всего польского народа под руководством Польской объединенной рабочей партии [9, 1956, 31 VII].

Интересы быстрого развития промышленности требовали: значительных кредитных средств для закупки за рубежом машин, оборудования, комплектных промышленных предприятий и осуществления крупного капитального строительства; обеспечения развивающейся промышленности недостающими видами сырья и топлива; получения на выгодных условиях необходимой технической документации и помощи специалистов; обеспечения надежного рынка для товаров польского экспорта с учетом перспектив развития промышленности. Экономические связи с капиталистическими странами в этих направлениях по политическим и экономическим причинам были практически невозможны или весьма ограничены.

Учитывая опыт выгодного сотрудничества с СССР в период восстановления народного хозяйства, ПОРП рассматривала его как один из важнейших факторов индустриализации страны. СССР оказывал всемерную поддержку ПНР в развитии ее экономики, что объективно вытекало из самой сущности социалистического строя и способствовало укреплению мирового социализма.

Отличительной особенностью экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР являлось то, что оно было направлено на увеличение производственного потенциала и главным образом на

развитие тех отраслей промышленности, от которых зависела социалистическая индустриализация Польши. «Характерной чертой советской помощи нашей экономике,— отмечал председатель Государственной комиссии хозяйственного планирования ПНР Э. Шир,— является то, что она касается прежде всего развития производительных сил в нашей стране и, в первую очередь, развития тяжелой промышленности. Этот характер помощи вытекает из высших предпосылок социалистических форм международного сотрудничества. Благодаря сотрудничеству и помощи Советского Союза мы смогли достигнуть высоких темпов роста продукции и коренных изменений во многих отраслях в уровне техники производства.

Решающим фактором социалистической индустриализации является социалистическая промышленность. Следует подчеркнуть, что советская помощь в этой области является всесторонней и весьма широкой» [1, т. X, 1980, с. 408].

Развитие советско-польского сотрудничества в период шестилетнего плана осуществлялось путем увеличения его масштабов и дальнейшего развития основных форм. Важнейшими из них являлись: взаимный обмен товарами по линии внешнеторговых связей, предоставление Советским Союзом кредитов для строительства и реконструкции крупных промышленных объектов, научно-техническое сотрудничество.

В период 1950—1955 гг. быстро возрастал объем взаимного товарооборота между Советским Союзом и Польшей, укреплялась ориентация внешней торговли ПНР на сотрудничество с СССР; в основе ее лежало стремление использовать преимущества международного социалистического разделения труда в развитии народного хозяйства страны. Советский Союз стал крупнейшим торговым партнером Польши: с 1950 по 1955 г. товарооборот между двумя странами возрос более чем в два раза; удельный вес СССР во внешней торговле ПНР в этот период составлял от 30,5% до 33,5% [10]. Особенно быстро возрастал объем советского экспорта в Польшу, что было вызвано огромными потребностями страны в товарах, необходимых для ее индустриализации: машинах, оборудовании, металлах, сырье и материалах, без получения которых невозможно было бы ее успешное развитие. Причем следует подчеркнуть, что эти поставки фактически охватывали все отрасли польской промышленности. О росте экспорта советских машин и оборудования в ПНР свидетельствуют следующие данные: если в 1950 г. их было ввезено на сумму в 38 млн руб., то в 1955 г. — на 121 млн руб., а всего за шестилетку на 475,9 млн руб. [11, с. 30, 152, 162, 168, 177, 187]. Особенно большого объема поставки машин и оборудования достигли в 1953—1955 гг., когда их удельный вес достигал одной трети всего советского экспорта в Польшу [12]. И, наконец, в общем объеме импортируемого ПНР оборудования доля СССР составляла в отдельные годы шестилетки более 50%, а по таким важнейшим отраслям промышленности, как металлургическая и химическая — более 75% [13].

В условиях, когда западные государства, проводя в отношении Польши дискриминационную политику, отказывали ей в продаже необходимых машин, горного и электротехнического оборудования, строительной техники, шарикоподшипников, Советский Союз стал их основным поставщиком, направляя в ПНР их больше, чем в какую-либо другую страну. Так, в 1955 г. в Польшу экспортировалось 62% всего советского вывоза угольных комбайнов, 40 — прессов, 44,4 — бульдозеров, почти 44 — экскаваторов и около 32% подшипников качения (рассчитано по: [14]). Кроме того Народная Польша закупала в СССР значительное количество автомобилей, сельскохозяйственных машин, станков, многих других видов техники.

За 1950—1955 гг. значительно вырос удельный вес топлива, сырья и металлов в советском экспорте в Польшу, игравших важную роль в создании благоприятных условий для работы развивающейся польской промышленности. Так, поставки нефти возросли с 53,5 тыс. т в 1950 г. до 433 тыс. т в 1955 г., газа соответственно с 77,1 до 138,7 млн. куб. м., железной руды — с 1,1 до 3,1 млн. т, марганцевой руды — с 74 до 233 тыс. т,

апатитов — с 96,7 до 144,3 тыс. *т* [11, с. 130, 187]. Советские поставки в ПНР в годы шестилетки составляли: железной руды 50—80%, марганца и марганцевой руды — 100, хромовой руды — 50—80, ферросплавов — свыше 50, меди — 50—80, апатитов — 50—80, алюминия — 50, нефтепродуктов — 50, никеля — 100, асбеста — 100, каучука — 100% [15]. В 1955 г. в ПНР направлялось 12% всей экспортируемой СССР нефти, около 35 — железной, 27,2 — марганцевой и почти 48% хромовой руды, значительная часть хлопка, каучука и т. п. [14]. На сырье, получаемом из Советского Союза, работала и значительная часть легкой и пищевой промышленности. Советские поставки играли решающую роль в обеспечении успешной работы большинства его ведущих отраслей.

Кроме машин, оборудования и промышленного сырья, существенное значение для экономики Польши имели закупки в СССР некоторых видов продовольствия, в частности, хлеба и жиров. Еще в 1946—1948 гг. дефицит в зерновом балансе Польши в значительной степени покрывался поставками советского зерна на кредит. В последующее время, в связи с увеличением сбора зерновых, поставки их из СССР несколько сократились. За период 1950—1956 гг. Польша получила из Советского Союза 2164 тыс. *т* хлеба или 43% всего его импорта в эти годы [9, 1957, 13 III]. Поскольку оплата этих поставок осуществлялась не валютой, как это было принято в торговле с капиталистическими странами, а товарами польского экспорта, ПНР могла известную часть средств направить на приобретение необходимых для индустриализации страны товаров, которые не производились в социалистических странах. Помимо этого, из Советского Союза Польша получала и свободно конвертируемую валюту для закупки дефицитных видов сырья на капиталистическом рынке, оплачивая ее также своими товарами. В 1955 г. эта сумма составила 8,4 млн руб. [14].

Внешнеторговый обмен между двумя странами, как уже отмечалось, осуществлялся на основе долгосрочных торговых соглашений. В соответствии с ними правительства СССР и Польши ежегодно заключали протоколы о взаимных поставках товаров. Это позволяло более рационально планировать производство, с учетом потребностей партнера. Внешняя торговля становится одной из форм взаимной увязки народнохозяйственных планов, постепенного складывания международного социалистического разделения труда. Элементы этого процесса весьма существенно отразились на структуре внешней торговли между двумя странами. Так, первоначально крупнейшей статьёй польского экспорта в Советский Союз являлся уголь, составлявший более 50% всего ввоза в СССР. Важные достижения в промышленном развитии, создание ряда новых отраслей оказали большое влияние на прогрессивные изменения структуры польского экспорта: в годы шестилетки в нем систематически увеличивалась доля машин, оборудования и транспортных средств. Если в 1949 г. удельный вес их в экспорте Польши составлял 2,2%, то в 1955 г. — 13,1%, продолжая увеличиваться и в последующие годы [16]. В соответствии с соглашением между правительствами двух стран уголь поставлялся Советскому Союзу до 1953 г. по специально договоренной цене, поскольку Польше передавалось все германское имущество, находящееся на польской территории и 15% доли репараций, полагавшихся СССР. В ноябре 1956 г. в результате переговоров между партийно-правительственными делегациями двух стран было решено считать погашенной задолженность Польши по использованным кредитам, предоставленным ей Советским Союзом в оплату полной стоимости польского угля, поставленного СССР в 1946—1953 гг.

Ряд важнейших производств отдельных отраслей тяжелой промышленности Польши создавался и развивался в годы индустриализации не только в расчете на внутренние потребности, но и ориентируясь на рынок Советского Союза и других социалистических стран. «Быстрое развитие нашего экспорта, — отмечал министр тяжелой промышленности Польши К. Жемайтис, — в значительной степени стало возможным потому, что Советский Союз является потребителем больших серий этого оборудова-

ния. Можно без преувеличения сказать, что советские заказы стали основой развития целых отраслей нашей промышленности. Большие заказы позволили нашей промышленности начать производство отдельных типов судов, паровозов, вагонов, металлообрабатывающих станков, что способствует снижению себестоимости этой продукции, повышает рентабельность экспорта, а также гарантирует долгосрочные перспективы развития промышленности» [17, с. 103]. О значении для ПНР советского рынка в этот период свидетельствует то, что удельный вес машин в общем экспорте Польши в СССР возрос с 2,1% в 1949 г. до 27,3% в 1955 г., что более, чем в два раза превышало общий его рост по названной группе [17, с. 9].

Советский Союз стал основным покупателем железнодорожного подвижного состава, а также судов, производимых в Польше, ряда горных машин и оборудования. В СССР направлялось 100% экспортируемых паровозов, 76,5 — товарных и 100% пассажирских вагонов (рассчитано по: [6]). Советские закупки этих товаров стимулировали развитие их производства, и в дальнейшем ПНР стала крупным поставщиком их и в другие страны. Наряду с судостроением важную роль в системе социалистического разделения труда заняло горное машиностроение Польши. По решению сессии СЭВ в июне 1956 г. ПНР поручалось вместе с ГДР и Чехословакией производство оборудования для угольной промышленности, причем она должна была стать основным производителем угольных комбайнов [18].

Большое значение в развитии экономического сотрудничества СССР и Польши имели кредитные соглашения между двумя странами от 26 января 1948 г. и 29 июня 1950 г., в соответствии с которыми Советский Союз поставил для строящихся объектов в ПНР значительную часть машин и оборудования (в том числе комплектного оборудования промышленных предприятий); подготовил соответствующую проектную и техническую документацию и необходимое количество специалистов [19]. При этом значительная часть капитальных вложений направлялась на новое строительство — в 1950—1955 гг. она равнялась 32%. Кредиты, получаемые из СССР, составляли примерно 7% всех капиталовложений [5, с. 155, 158]. Таким образом, этот внешний источник средств капитального строительства был необходим для развития промышленности страны. В течение 1950—1955 гг. Польша получила из СССР оборудование для 42 крупнейших промышленных объектов, имеющих решающее значение в деле увеличения объема промышленного производства, из них для металлургической промышленности — шесть комплектов, машиностроения — три, автотракторной — семь, горнодобывающей — пять, угольной — три, химической — семь, электростанций — четыре, промышленности строительных материалов — два и др. [20]. Всего же благодаря финансовой и научно-технической помощи Советского Союза в ПНР в период шестилетки было построено около 80 крупных промышленных объектов, модернизировано и расширено более 200 предприятий, были созданы новые отрасли промышленности: судостроительная, автомобильная, авиационная и др. [1, т. X, 1980, с. 6]. Их строительство дало возможность в сравнительно короткий срок создать тяжелую промышленность. В результате этого ПНР могла не только полнее удовлетворять свои потребности, но и направлять во все больших количествах на экспорт продукцию своего промышленного производства.

Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Польшей было подписано 5 марта 1947 г. В соответствии с ним к середине 70-х годов свыше 60% использованных в Польше научно-технических материалов были получены из СССР [21]. Сотрудничество социалистических государств в области науки и техники представляет наглядный пример преимущества международных экономических отношений нового типа. Тогда как передача научно-технической документации капиталистическими фирмами осуществлялась, как правило, лишь на коммерческой основе (например, в послевоенные годы Польша вынуждена была заплатить за лицензии на производство: вырывающейся аппара-

туры двигателей высокого давления — австрийской фирме 675 тыс. руб.; котельных агрегатов, работающих на каменном угле — английской фирме свыше 500 тыс. руб.; мельниц для размола бурого угля — западно-германской фирме около 240 тыс. руб. [22]), научно-техническое сотрудничество между социалистическими странами с самого начала осуществлялось и до настоящего времени проводится лишь с возмещением затрат на изготовление копий (например, в 1956 г. Польша уплатила за всю полученную из стран социализма научно-техническую документацию лишь 3,4 млн злотых [23]). При этом только Советский Союз передал ПНР 131 комплект такой документации [24]).

В результате научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР стало возможным с меньшими затратами осуществление капитального строительства, более быстрое обновление парка машин и оборудования, широкое внедрение новой технологии, рациональное использование энергетических и сырьевых ресурсов. К 1955 г. ПНР получила от Советского Союза различную документацию на капитальное строительство, производство машин и оборудования, описаний технологических процессов производства, ведомственной научно-технической документации по 980 темам, в том числе по топливно-энергетической промышленности — 93, металлургической — 41, машиностроению — 323, химической — 51, промышленности строительных материалов — 45. В Польшу для оказания технической помощи выезжали около 480 советских специалистов; более 600 польских специалистов прошли обучение, производственную практику или ознакомились с научно-техническими достижениями в СССР [25, ф. 9493, п. 1, д. 87, л. 9—15].

Сотрудничество советских и польских специалистов в разработке проектной документации строящихся и реконструируемых объектов, решении многих научных, технических и организационных вопросов, обмен технической документацией и литературой оказали большое влияние на создание и укрепление проектной и научно-исследовательской базы ПНР. В тесном контакте с советскими организациями развивались такие проектные организации Польши, как «Бипрохут» и «Бипросталь» в металлургической промышленности, «Прозамет» в машиностроении, «Энергопроект» в области энергетики, «Бипроцемент» в промышленности строительных материалов и др. Появилась возможность для установления непосредственных контактов на базе международного социалистического разделения труда двух стран. Уже в 1957 г. сотрудничали 12 советских научно-исследовательских институтов с 14 польскими [24].

Важные результаты все формы экономического сотрудничества СССР и Польши принесли не только с точки зрения увеличения производственных мощностей и создания новых отраслей промышленности, проектных и научно-исследовательских учреждений, но и в плане улучшения технико-экономических показателей тяжелой промышленности Польши. С точки зрения технической оснащенности, производительности и условий труда, расходов сырья и топлива на единицу продукции, предпринятия, построенные или реконструированные с помощью СССР, являлись наиболее передовыми и оказали влияние на дальнейший технический прогресс в польской промышленности.

Безусловно положительную роль сыграло сотрудничество двух стран и в дальнейшем развитии многих промышленных районов Польши — Краковского промышленного округа (металлургический комбинат им. В. И. Ленина, химический комбинат в Освенциме, алюминиевый завод в Скавине, электростанция «Явожно»); Кендзежинско-Рацебожского (азотно-туковый комбинат в Кендзежине, завод котлов и арматуры высокого давления в Кельце); Вроцлавского (химические заводы «Визов» и «Рокита», медеплавильный завод в Легнице, Вроцлавский завод электрических машин); Быдгощского (содовый завод в Яникове); Люблинского (заводы грузовых автомобилей и шарикоподшипников); Варшавского (заводы легковых автомобилей, качественных сталей, теплоэлектростанция) и др. [26]. Индустриализация их способствовала решению проблемы

устранения существенных различий в степени промышленного развития различных воеводств.

Являясь мощным фактором создания важнейших отраслей тяжелой индустрии Народной Польши в период шестилетнего плана, советско-польское экономическое и научно-техническое сотрудничество вместе с тем имело определенное значение и для Советского Союза. По мере укрепления производственного и научно-технического потенциала ПНР это сотрудничество, носившее первоначально характер преобладающей односторонней помощи со стороны Советского Союза польской экономике, становилось все более взаимовыгодным. СССР был заинтересован в поставках польского угля, кокса, железнодорожного подвижного состава, судов, металлообрабатывающих станков, цинка и проката черных металлов, каустической и кальцинированной соды, цемента. В середине 50-х годов СССР получал из Польши примерно 95% импортируемого им угля, 100 — кокса, 40 — соды, 70 — цинка и цинкового листа, 12 — проката черных металлов, 10% транспортных средств, что способствовало дальнейшему развитию советской экономики [27]. Из года в год увеличивалось количество передаваемой Польшей Советскому Союзу по линии научно-технического сотрудничества документации в области машиностроительной, химической, угольной, пищевой и других отраслей промышленности. Советская промышленность использовала польский опыт в строительстве железнодорожных линий и сооружений, в производстве оборудования для железнодорожного транспорта, некоторых видов горношахтного оборудования [25, ф. 8225, оп. 27, д. 1309, л. 60—61, 136—137; ф. 9493, оп. 1, д. 87, л. 34—45]. Значительный экономический эффект в цветной металлургии СССР имело внедрение польской технологии использования коксового газа при рекуперации цинка. В химической промышленности нашла применение полученная из ПНР техническая документация по производству известковой аммиачной селитры, цинковой пыли, вулканизационного оборудования, отдельных видов смол и синтетических волокон [25, ф. 9493, оп. 1, д. 87, л. 15]. В фармацевтической — использовались научно-техническая литература и результаты исследований польских ученых в области получения витамина «Б-12», заменителей плазмы крови, противоревматических средств [28]. Промышленность строительных материалов СССР получила из ПНР документацию по технологии производства железобетонных напорных труб, осуществлявшегося с применением новых в то время перфорированных форм, позволявших значительно увеличить объем производства газобетона, цветного цемента и др. [25, ф. 9493, оп. 1, д. 879, л. 34—35; ф. 8720, оп. 1, д. 369, л. 94—95; д. 374, л. 163—164]. Советскими специалистами был заимствован польский метод возведения железобетонных свайных фундаментов, стоимость которых, как показал опыт, ниже стоимости бетонных фундаментов [29].

Таким образом, в период шестилетнего плана Народная Польша благодаря сотрудничеству с Советским Союзом достигла значительных успехов в развитии социалистической промышленности. Были созданы основные отрасли современного производства, значительно увеличился объем выпускаемой продукции, повысился ее удельный вес в народном хозяйстве страны, улучшились технические показатели. Все это создавало необходимые предпосылки для дальнейшего укрепления экономики ПНР как важного звена в системе мирового социалистического хозяйства, способствовало увеличению ее вклада в успешное развитие социалистического содружества на базе международного социалистического разделения труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.
2. Парсаданова В. С. Советско-польское экономическое сотрудничество в 1944—1949 гг. — Советское славяноведение, 1977, № 2, с. 3—14.
3. Karpiński A., Secamski K., Żekowski Z. Problemy rozwoju gospodarczego Polski Ludowej 1944—1964. Warszawa, 1965, s. 38.

4. Nowe Drogi, 1956, № 7—8, s. 221.
5. Мировая социалистическая система хозяйства. М., 1958.
6. Rocznik statystyczny. 1956, Warszawa, 1956, s. 81.
7. Вопросы экономики, 1957, № 5, с. 99.
8. *Karpiński A.* Dwudziestolecie 1944—1964 w rozwoju gospodarczym Polski i świata. Warszawa, 1964, s. 60.
9. Trybuna Ludu, 1956, 31 VII.
10. *Bodnar A.* Polska — ZSRR. Współpraca gospodarcza, 1967, s. 28.
11. *Basiński E.* Polska — ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń 1944—1971. Warszawa, 1973.
12. Внешняя торговля СССР с социалистическими странами. М., 1957, с. 70.
13. *Szafrań P.* Pomoc ZSRR w socjalistycznym uprzemysłowieniu Polski.— *Życie Gospodarcze*, 1951, № 21, s. 1108.
14. Внешняя торговля СССР за 1956 год. Статистический обзор. М., 1957, с. 45—50, 117—120.
15. *Kozik A. K.* Развитие промышленности Польши. М., 1959, с. 359.
16. Внешняя торговля стран народной демократии. М., 1955, с. 129.
17. *Zemajtis K.* Więz gospodarcza Polski i Związku Radzieckiego. Warszawa, 1960.
18. Правда, 1956, 27 VI.
19. *Bodnar A.* Problemy polityki gospodarczej PRL w 25-leciu. Warszawa, 1969, s. 13.
20. *Sergеев С. Д.* Экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря. М., 1959, с. 92.
21. *Богомолова О. Т., Барковский А. Н., Семенова Л. С.* Основные направления и факторы долгосрочного экономического сотрудничества СССР и ПНР.— В кн.: 30 лет Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР. Тезисы докладов и сообщений советских ученых на международную научную конференцию. М., 1975, с. 5.
22. *Степаненко С. И.* Научно-техническое сотрудничество социалистических стран. М., 1962, с. 20.
23. Проблемы социалистического международного разделения труда. М., 1960, с. 62.
24. Współpraca gospodarcza państw socjalistycznych i jej znaczenie. Warszawa, 1958, s. 18.
25. ЦАИХ СССР.
26. *Mrzygłód T.* Polityka rozmieszczenia przemysłu w Polsce (1946—1980). Warszawa, 1962, s. 63—67.
27. *Juraszyński W.* Rozwój stosunków handlowych między Polską i ZSRR. Warszawa, 1960, s. 14.
28. ЦГАОР СССР, ф. 8009, оп. 34, д. 133, л. 10—13, 28, 69.
29. Польша, 1958, № 94, с. 14.

БЕЛЯЕВА В. И., ВАЛЕВА Е. Л.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА 1938 ГОДА В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Причины возникновения и развитие кризиса 1938 г., влияние мюнхенского сговора на изменение общеевропейской ситуации в пользу государств фашистского блока привлекали и привлекают внимание историков и публицистов во всем мире. Большой вклад в исследование этих проблем внесла марксистская историческая наука, особенно советская и чехословацкая. Не уменьшается интерес к данной проблематике и буржуазных ученых.

Однако пик монографических исследований пошел на убыль с середины 70-х годов. С тех пор появились лишь две монографии, специально посвященные истории кризиса 1938 г. [1—2]. Эти книги написаны с прямо противоположных позиций, отражающих два главных направления в освещении данной проблематики буржуазной исторической наукой: 1) стремление любой ценой оправдать политику «умиротворения» и доказать ее правомерность и неизбежность (Р. Дуглас); 2) буржуазно-либеральная критика политики творцов мюнхенского сговора, особенно британских «умиротворителей», с позиций необходимости создания системы коллективной безопасности в Европе в 1938 г. (Т. Тейлор).

Р. Дуглас повторяет уже подвергавшиеся серьезной критике со стороны даже буржуазных историков [3, р. 388, 494; 4, р. 411—412] утверждения, что «антиумиротворители» в Великобритании, располагая они той информацией, которую имел Чемберлен в 1938 г., проводили бы такую же политику. Утверждения автора, что фундаментальной ошибкой, приведшей в конце концов к мюнхенскому сговору, были условия мирного урегулирования после первой мировой войны, тесно смыкаются по смыслу с широко распространенными в буржуазной историографии попытками оправдать агрессивный ревизионизм гитлеровской Германии ссылками на «несправедливость» по отношению к ней Версальского договора. Буржуазные историки сознательно не хотят замечать значительных изменений в европейской политической ситуации после прихода к власти в Германии нацистской партии, когда Германия стала на путь реваншизма и агрессии.

Т. Тейлор строит основную концепцию своей книги, исходя из документальных доказательств возможности и необходимости для Великобритании и Франции сдержать Гитлера в 1936 г. (реокупация Рейнской демилитаризованной зоны) и предпринять действенные акции против Италии в 1935 г. Мюнхенский сговор, по его мнению, был следствием постоянного снижения военного бюджета Великобритании по инициативе Чемберлена и непонимания необходимости сохранения Чехословакии как союзника западных держав. Автор не ставит под сомнение готовность СССР оказать военную помощь Чехословакии, что вызвало раздраженную реакцию у некоторых рецензентов [5].

Книги Р. Дугласа и Т. Тейлора существенно отличаются исходными позициями авторов и противоположны по своим выводам. Однако в целом они написаны в русле основных концепций, принятых в буржуазной историографии конца 60 — первой половины 70-х годов. В то же время за последние несколько лет в различных научных журналах капиталистических стран появилась серия статей, в которых продолжают попытки извратить политику СССР в период чехословацкого кризиса, рассмотреть роль военного фактора в политике Англии и Франции, выявить направленность общественного мнения, противопоставить Э. Даладье Ж. Бонна с целью оправдать французского премьер-министра. Эти вопросы поднимались не только в статьях, о которых мы скажем ниже, но и на международном коллоквиуме в Париже в ноябре 1978 г. [6]. Критический анализ статей, докладов буржуазных историков на конференциях представляется необходимым, так как во многих случаях в них выявляются определенные тенденции в исследовании проблематики в процессе формирования и апробации более общих концепций, который позже завершается монографическими исследованиями. Кроме того, зачастую статьи ускользают от внимания исследователей, что мешает увидеть истоки появления течений и направлений в буржуазной историографии.

Политика СССР по чехословацкому вопросу — предмет многолетних фальсификаций в буржуазной историографии. К настоящему времени опубликовано достаточно материалов о готовности Советского правительства оказать всестороннюю военную помощь Чехословакии. Однако эти материалы сознательно игнорируются. Известно, какую большую политическую поддержку оказывал Советский Союз Чехословакии, препятствуя ее международной изоляции. Но и в этом случае буржуазные историки акцентируют внимание лишь на тех заявлениях Советского правительства, в которых готовность СССР выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому договору связывалась с позицией Франции [7, p. 494; 8, p. 522, 531]. В последние годы буржуазная историческая наука предприняла попытки представить политику СССР в искаженном виде.

Й. Брюгель и Э. Таборски «пересматривают» известные высказывания чехословацкого президента Э. Бенеша о том, что он никогда не сомневался в готовности СССР оказать Чехословакии военную помощь в случае вооруженной борьбы с Германией [9, s. 316].

Й. Брюгель [10] подробно излагает отчет известного английского историка Д. Уилер-Беннета о беседе с Э. Бенешем в Праге в июле 1946 г., сохранившийся в архивах Форин оффис. В отчете приведены слова Э. Бенеша о его уверенности, что Советское правительство выполнит свои обязательства по договору 1935 г. Однако далее Э. Бенеш, судя по отчету английского историка, заявил, что «никогда ничего не было зафиксировано на бумаге и никогда Советский Союз конкретно не говорил о том, какую форму могла бы принять его помощь» [10, p. 57]. Й. Брюгель, много лет исследуя чехословацкую проблему 1938 года, не может не знать, что правительство Чехословакии никогда не обращалось к СССР с предложением конкретизировать соответствующие статьи советско-чехословацкого договора 1935 г. Более того, неоднократные предложения Советского правительства о проведении совещаний представителей генштабов Чехословакии, СССР и Франции постоянно отклонялись [11, с. 337—339].

Таким образом, Й. Брюгель пытается противопоставить Э. Бенеша — автора воспоминаний «Мюнхенские дни» — Э. Бенешу, собеседнику Д. Уилер-Беннета в 1946 г. По его мнению, отсутствие в воспоминаниях антисоветских выпадов связано лишь с конъюнктурными соображениями: работа над книгой началась в годы войны, когда «было в высшей степени нецелесообразно вызывать сомнения в советских обещаниях». В то же время Й. Брюгель вскользь говорит о стремлениях Э. Бенеша в 1946 г. и позже заручиться поддержкой западных держав. Если автор намеревался подвергнуть сомнению искренность действий СССР,

го добился он прямо противоположного, вызвав вполне обоснованное недоверие к политической искренности Э. Бенеша, что для исследователей проблемы мюнхенского сговора не является полной неожиданностью — на это обращали внимание историки-марксисты [12, с. 209; 13, с. 251; 14, с. 228]. Й. Брюгель постепенно отказывается от тех прогрессивных позиций, с которых была написана его известная монография [15], что он продемонстрировал и на упоминавшемся коллоквиуме в Париже, выступив в дискуссии в антисоветском духе [6, р. 139].

Э. Таборски [16] анализирует воспоминания Э. Бенеша с точки зрения реальности оказания Советским Союзом военной помощи Чехословакии. Он пишет, что, несмотря на уверения СССР выполнить свои обязательства, Бенеш не верил, что Советский Союз выступит в войне с Германией на стороне Чехословакии без участия Франции. Автор обосновывает свои утверждения сомнительными рассуждениями о том, что говорить о чувстве долга прийти кому-либо на помощь не обязательно означает действительного оказания помощи. Такие рассуждения можно расценить как провокационные, так как хорошо известно, что буржуазное правительство Чехословакии подчинилось мюнхенскому диктату и отказалось с оружием в руках защищать целостность и в конечном счете независимость своего государства. Кроме того, в Советском Союзе опубликованы документы, доказывающие, что Советское правительство не ограничивалось только заявлениями о готовности оказать Чехословакии военную помощь. К западной границе СССР были приближены 30 стрелковых дивизий, приведены в боевую готовность авиация и танковые части. Только в двух военных округах — Белорусском и Киевском — было сосредоточено 246 бомбардировщиков и 302 истребителя [17, с. 104—106, 107—109; 11, с. 340; 18, с. 391, 491—492, 515—517, 518, 535—536].

Вместе с тем, Э. Таборски со скептицизмом относится к оправданиям Бенеша [9, с. 319—320, 321], почему он не решился на войну с Германией, имея единственного союзника в лице СССР: беспокойство за СССР из-за его военной неподготовленности; опасения возможного объединения реакционных кругов в Европе, оказания ими прямой помощи Германии, чтобы установить барьер против распространения большевизма; осознание антисоветской настроенности чехословацких реакционных кругов, которые могли ему «вонзить кинжал в спину». Первый аргумент автор решительно отбрасывает, так как не верит, что Бенеша хоть в какой-то мере интересовала судьба Советского Союза. Второй аргумент, по мнению автора, имел под собой почву, но сомнительно, что для Бенеша он мог иметь настолько важное значение, чтобы поставить под угрозу существование чехословацкого государства. Что же касается третьего аргумента, то автор подчеркивает, что при наличии энтузиазма у широких народных масс и их готовности сражаться никакая группа в стране не имела возможности «вонзить ему кинжал в спину», если бы он выбрал войну против нацистской Германии, имея единственного союзника — Советский Союз. В чем же тогда состоял выбор Э. Бенеша в 1938 г. и на чем он основывался? Автор определяет его следующим образом: уступить пограничные районы с целью сохранения нации, пусть беспомощной и территориально искалеченной, и вернуть потерянное после поражения Германии в общей войне, которую, как Бенеш твердо верил, Гитлер обязательно спровоцирует. Но Бенеш не смог предвидеть, что Гитлер захватит Чехию и Моравию после Мюнхена, так как по мнению Э. Таборского, всегда грешил излишним оптимизмом. Э. Таборски видит оправдание президента в том, что его политика имела целью сохранить нацию, спасти ее от уничтожения, хотя политический оппортунизм, проявленный им во время кризиса, автор подвергает критике.

Й. Брюгель и Э. Таборски ни слова не пишут о классовой сущности внешней политики Чехословацкой республики, которая в конечном счете определила выбор Э. Бенеша в сентябре 1938 г. На Бенеша оказывала влияние угроза реакционного переворота со стороны аграрной партии. Он опасался столкновения в буржуазных правящих кругах страны, не

решился опереться на широкие массы трудящихся, готовых с оружием в руках защищать целостность республики. Солидарность с антисоветски настроенной европейской буржуазией привела чехословацкую буржуазию к предательству национальных интересов, подчинению мюнхенскому диктату, отказу от поддержки сохранившего верность Чехословакии союзника — СССР.

Статья преподавателя Бирмингемского университета Дж. Хэслема «Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 г.» [19], хотя по теме совпадает с двумя работами, о которых говорилось выше, существенно отличается от них своей источниковой базой. Редкий случай для буржуазного историка: она целиком основана на книгах и документальных публикациях, вышедших в СССР в 70-х годах. Автор знакомит читателя, не знающего русского языка, с выдержками из документов, освещающих политику СССР в период кризиса, особенно из 21-го тома публикации «Документы внешней политики СССР». Однако цитаты подобраны автором тенденциозно, чтобы, с одной стороны, сделать главный упор на упоминание советскими дипломатами обязательств Франции по отношению к Чехословакии, а с другой стороны, выдвинуть «сенсационные» предположения о наличии глубоких расхождений в проведении европейской политики СССР между Наркоминделом и Политбюро ВКП(б). Автор заимствует из практики американской дипломатии термин «изоляциялизм» для характеристики якобы существовавшего направления в советской внешней политике, что является откровенной фальсификацией. Да и сам автор, цитируя документы о внешнеполитических акциях Советского правительства, приходит к выводу: «Вплоть до самого последнего момента (т. е. до мюнхенской конференции.— В. Б., Е. В.) Советы все еще разрабатывали планы создания общего фронта против Гитлера, основываясь на мнении Литвинова, что это может заставить его отступить» [19, р. 454]. Но Дж. Хэслем пытается представить борьбу СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе личной политикой М. М. Литвинова. Такого рода утверждения свидетельствуют либо о полном незнании автором практики разработки Советским правительством внешнеполитической линии, либо о сознательной фальсификации фактов и дезориентации не слишком осведомленного читателя. Внешняя политика СССР за все годы его существования никогда не была, да и не могла быть, личной политикой кого бы то ни было. Она разрабатывалась и принималась Политбюро ЦК ВКП(б) при участии ведущих государственных деятелей, высших органов власти. И подтверждений этому в документальных публикациях больше чем достаточно. Погоня за «сенсационностью» привела автора к безответственному жонглированию фактами и произвольному перенесению черт внешнеполитической практики одной страны на почву другой, что искажает внешнюю политику Советского Союза. К сожалению, этот «новый взгляд» нашел приверженцев среди буржуазных исследователей [20].

Оценивая политику СССР, буржуазная историография в последние годы вынуждена под давлением документальных материалов несколько видоизменить популярную в течение долгого времени версию о якобы «неопределенной позиции» СССР по чехословацкому вопросу, выдвинутую Д. Уилер-Беннетом [21]. С целью ослабить влияние ставших известными на Западе документов о подготовке политических и военных мероприятий СССР, направленных на оказание действенной помощи Чехословакии, буржуазные историки занялись спекулятивными рассуждениями о необязательном соответствии официальных заявлений о готовности оказать помощь и действительном оказании ее, если бы таковая потребовалась. Буржуазная историография верна своим классовым предубеждениям и постоянно нацелена на искажение внешней политики СССР, используя, мягко говоря, сомнительные доводы.

В ноябре 1978 г. в Париже состоялся международный colloquium «Мюнхен 1938. Мифы и действительность», организованный Национальным институтом славянских исследований совместно с Лабораторией славистики Национального центра научных исследований и Парижским

университетом I-Пантеон-Сорбонна. В настоящей статье мы проанализируем ряд докладов, прочитанных на этом коллоквиуме.

Английский историк А. Адамсуайт выступил с докладом «Роль военного фактора в выработке решений Франции и Великобритании накануне Мюнхена» [6, р. 59—66]. Неподготовленность Великобритании и Франции к войне выдвигалась сторонниками мюнхенского соглашения в качестве основной причины его заключения. Обширная историческая литература на Западе после 1945 г. вплоть до настоящего времени преподносит военный фактор как решающий, определивший неизбежность Мюнхена. Автор не соглашается с этим, ссылаясь на одного из самых видных «мюнхенцев» С. Хора, который в своих воспоминаниях признает, что военная слабость не была принципиальной причиной мюнхенского соглашения [22, р. 289]. По мнению А. Адамсуайта, вплоть до оккупации Германией Праги в марте 1939 г. французские и английские лидеры надеялись на европейскую «разрядку», основанную на соглашении между Великобританией, Францией, Германией и Италией. В сентябре 1938 г. судьба Чехословакии была предопределена именно этой политической целью. Имеющиеся в распоряжении исследователей документы со всей очевидностью доказывают, по мнению автора, что еще в марте 1938 г. — за шесть месяцев до Мюнхена — в Лондоне и Париже были приняты решения о невозможности оказания помощи Чехословакии.

В период, предшествовавший мюнхенскому соглашению, отметил Адамсуайт, со стороны западных держав не было предпринято ни одной попытки организовать совместные действия против фашистских государств. Полностью отсутствовали какие-либо контакты между британским и французским штабами. Какую же роль мог играть военный фактор в ходе англо-французских переговоров о судьбе Чехословакии в период с апреля по сентябрь 1938 г.? Адамсуайт высказывает мнение, что ссылки на него использовались в политических и дипломатических маневрах Великобритании и Франции. Их политическая игра имела два взаимозависимых аспекта: внешнеполитический — оба правительства использовали военный фактор как средство убедить или вынудить другую сторону принять свою точку зрения. Англичане, желая избежать вовлечения своей страны во франко-германскую войну из-за Чехословакии, обескураживали французов, отказываясь взять на себя твердые обязательства и рисуя военные перспективы в черных красках. В свою очередь, французы, опасавшиеся остаться с Германией один на один, пытались склонить англичан к военному сотрудничеству, подчеркивая, что Франция готова выполнить свои обязательства по отношению к союзникам, и оптимистически оценивая стратегическое положение. Во-вторых, внутриполитический аспект — каждое правительство использовало позицию другого для сдерживания в своей стране сторонников действий более решительных, чем переговоры с Гитлером. Адамсуайт показал, что в действительности накануне Мюнхена военный фактор отнюдь не играл доминирующей роли. Например, 18 сентября 1938 г., когда кризис почти достиг кульминации, на англо-французской конференции вопрос о военной помощи не играл никакой роли в официальных дискуссиях.

А. Адамсуайт высказывает твердое убеждение в том, что если бы западные державы действительно хотели помочь Чехословакии, они могли бы в течение шести месяцев, предшествовавших Мюнхену (с момента аншлюса Австрии), найти для этого средства, вступив, например, в переговоры с Советским Союзом. Однако автор говорит о такой возможности лишь вскользь, хотя именно антисоветская направленность внешней политики Великобритании и Франции помешала создать единый фронт миролюбивых государств, который мог бы остановить развитие фашистской агрессии в самом начале и предотвратить развязывание второй мировой войны. Поэтому фактическое замалчивание того, что при обсуждении военного фактора в решении чехословацкого кризиса британское и французское правительства сознательно игнорировали военный потенциал как самой Чехословакии, так и ее союзника — СССР, невольно приводит автора к скороговорке в анализе важных проблем

развития европейской политической ситуации в 1938 г. В общей концепции оправдания «неизбежности» заключения мюнхенского соглашения есть аспект, который часто подчеркивается буржуазными историками, а именно: военная неподготовленность Великобритании и Франции. В таком духе выдержан доклад Э. Дю Рео «Эдуард Даладье и проблемы мобилизации промышленности накануне Мюнхена» [6, р. 71—98].

Э. Дю Рео утверждает, что в 1938 г. промышленное производство Франции не могло обеспечить потребности страны в случае вступления ее в войну. Отдавая себе в этом отчет, Даладье надеялся компенсировать нехватку продукции в ряде отраслей промышленного производства закупками за границей, прежде всего в Великобритании. Однако в сентябре 1938 г. Франция не могла серьезно рассчитывать на помощь Англии в случае военного конфликта, главным образом из-за слабости французского торгового флота. Таким образом, по мнению автора, мобилизация промышленности в 1938 г. была весьма далека от завершения. Это обстоятельство, как утверждает Э. Дю Рео, оказало большое влияние на позицию правительства Даладье по отношению к Чехословакии в сентябре 1938 г. Даладье считал, что без успешного осуществления мобилизации промышленности Франция обречена на поражение в войне. Поэтому глава французского правительства предпочел передышку, во время которой он хотел реализовать планы мобилизации промышленности и расширить экономическое сотрудничество с Великобританией и США. Эту передышку, как полагал Даладье, в сентябре 1938 г. Франции мог дать Мюнхен. И не удивительно, что таким образом Э. Дю Рео делает попытку объяснить (и оправдать) политическую линию Даладье во время кризиса неподготовленностью Франции к войне. Однако очень скоро премьер-министр смог убедиться в своей ошибке, пишет Дю Рео, повторяя известное положение буржуазной исторической науки, что ошибки отдельных государственных деятелей существенно повлияли на внешнеполитический курс западных держав, приведший к заключению позорного мюнхенского договора. «Теория ошибок» исключает подлинно научный анализ коренных причин выработки тех внешнеполитических решений, которые были приняты в сентябре 1938 г. В этой связи можно сослаться на А. Тейлора, который первым выступил с утверждением, что вторая мировая война была результатом дипломатических промахов и просчетов [23, р. 219].

Э. Дю Рео предприняла определенные усилия для того, чтобы представить Э. Даладье в более выгодном свете по сравнению с Ж. Боннэ. Подобное противопоставление уже проводилось в буржуазной историографии [24, р. 146; 25, р. 59], но широкой поддержки до последнего времени не имело. Однако сейчас положение меняется. Э. Дю Рео много пишет о колебаниях и сомнениях Даладье накануне мюнхенской конференции. Боннэ обвиняется в двойной игре, использовании трудностей министерства национальной обороны для достижения своих политических целей, а именно последовательного проведения политики «умиротворения». В этой связи следует отметить и статью историка из Новой Зеландии С. Баттеруорт [26], написанную в том же ключе. Любопытно, что, если раньше лишь позиция Н. Чемберлена объяснялась «глубоким ужасом перед возможной войной», мешавшем реально оценить ситуацию, то теперь этим объясняют и поведение Ж. Боннэ в период кризиса. Надуманность подобных объяснений, необоснованность утверждений о наличии якобы более твердой линии Даладье в противоположность Боннэ и Чемберлену глубоко и доказательно вскрыты в работах советских историков [27; 28].

До сих пор вызывает споры и противоречия вопрос об оценке реакции общественного мнения Великобритании и Франции на мюнхенский договор. В течение многих лет повторяемое утверждение, что общественное мнение двух стран в целом безоговорочно поддерживало внешнеполитический курс своих правительств и оценило соглашение как спасение от надвигающейся европейской войны, переходит из одной работы в другую вплоть до настоящего времени. Однако в 70-е годы в Велико-

Британии было предпринято несколько попыток провести действительное исследование этого вопроса [29; 30]. Во французской историографии проблемы общественного мнения Франции в связи с мюнхенским соглашением пока не привлекали достаточного внимания. Тем более интересен доклад на международном коллоквиуме А. Мареса «Французское общественное мнение о чехословацком вопросе в 1938 г.» [6, р. 109—122]. Автор, в основном, анализирует французскую прессу всех направлений. Такой подход к изучению проблемы является, на наш взгляд, однобоким, так как пресса не только отражает общественное мнение, но и в значительной степени формирует его, причем, если взять правую прессу, то до мюнхенского соглашения и после него она активно занималась дезориентацией общественности в интересах «умиротворения».

Проанализировав передовые и статьи, посвященные международной ситуации, А. Марес пришел к выводу, что в период, предшествовавший мюнхенскому соглашению, французская пресса, за исключением крайне правых изданий («L'Action française», «Le Jour», «Candide») занимала традиционную позицию, однако в целом высказывалась за продолжение традиционной политики Франции в Восточной Европе. В дни стовора подавляющее большинство газет эволюционировало вправо, выступив с решительной поддержкой политики Э. Даладьё и Ж. Боннэ. Солидные официозные издания («Le Petit Parisien», «Paris-Midi», «Paris-Soir», «Le Journal» и др.) пустили в ход все средства для оправдания политики «умиротворения»: одни факты замалчивались, другие — искажались. На истинный смысл мюнхенского соглашения большая пресса закрывала глаза. Прячась за лицемерным сочувствием по поводу судьбы Чехословакии, она расточала похвалы «спасителям мира».

В лагере противников политики «умиротворения» находились коммунисты, социалисты, радикалы. Однако их издания были гораздо более малочисленными и имели относительно небольшие тиражи. Кроме того, по мнению А. Мареса, этим изданиям, кроме коммунистических, был присущ общий недостаток: в статьях защитников принципа коллективной безопасности сама Чехословакия являлась второстепенным элементом, «чехословацкий вопрос» был лишь поводом для размышлений, на основе которых строились предположения о дальнейшем развитии событий в Европе. И только коммунисты в течение всего кризиса, как показал А. Марес, выступали против уступок Гитлеру за счет Чехословакии и призывали к международной солидарности в защиту неделимости и суверенитета Чехословацкой республики.

В докладе западногерманского историка Г. Роде на коллоквиуме [6, р. 99—108] рассматривается национальный вопрос в Чехословакии с точки зрения германского общественного мнения. С самого начала автор оговаривается, что изучение этой проблемы в таком тоталитарном государстве, каким являлась нацистская Германия, наталкивается на существенные трудности. Все газеты выступали в одном русле, отличаясь лишь тоном и стилем. Сомнительны и донесения агентов гестапо о состоянии общественного мнения на местах. Автор сосредоточился на анализе прессы и печатной продукции 20—30-х годов, показав, что к моменту прихода к власти Гитлера проблемы немецкого национального меньшинства в Польше были хорошо известны в журналистских, армейских кругах, но особенно в среде интеллигенции. В то же время проблемы немецкого меньшинства в Чехословакии практически не были известны и не вызывали почти никакого интереса.

Однако сближение гитлеровской Германии с Польшей изменило ситуацию. В прессе с 1934 г. стало появляться все больше статей, направленных против внутренней и внешней политики Чехословацкой республики, особенно против министра иностранных дел, а затем президента республики Э. Бенеша.

После заключения в 1935 г. советско-чехословацкого договора нацисты, по словам автора, получили хороший предлог для нападков на Чехословакию, называя в своей пропаганде этот договор актом агрессии против Германии, а Чехословакию — советским аэродромом в центре

Европы, аванпостом большевизма, с успехом подогревая античехословацкие настроения в капиталистических странах мира. Автор подчеркивает, что действия судето-немецкой партии Генлейна (СНП) направлялись из Берлина. Это важно отметить; так как в буржуазной историографии продолжают появляться работы, в которых утверждается, что судето-немецкая партия Генлейна на практике якобы «всегда была демократической» [31]. В таком же ключе было выдержано сообщение на коллоквиуме профессора Дюссельдорфского университета Г. Лемберга [6, p. 171—176] о положении немцев в Чехословакии. Он рассматривает деятельность судето-немецкой партии Генлейна и в связи с этим ставит вопрос — была ли эта партия пятой колонной Гитлера с самого начала своего существования? Автор утверждает, что до 1937—1938 гг. в лагере Генлейна имелись различные точки зрения на решение вопроса о положении судетских немцев и что значительная часть СНП вместе с некоторыми демократическими партиями Чехословакии стремилась к автономии судетских немцев внутри Чехословацкой республики, к независимости от «германской нации рейха». Балансирование Генлейна между правительством ЧСР и Гитлером отражало якобы борьбу двух крайних, противоречивых тенденций в его партии. Автор необоснованно утверждает, что лишь с конца 1937 г. судетские немцы окончательно отказываются от своих планов добиться автономии в рамках Чехословакии и Генлейн и его партия начинают безоговорочно поддерживать античехословацкую политику Гитлера.

Выступивший в ходе дискуссии Й. Брюгель справедливо отметил, что, хотя до 1937—1938 гг. в лагере сторонников Генлейна действительно имелись серьезные противоречия, все группировки внутри СНП были фашистскими. Не существовало никакой оппозиции линии Генлейна. СНП являлась «элементом, абсолютно чуждым и враждебным чехословацкой демократии» [6, p. 178]. Позднее Й. Брюгель опубликовал статью, в которой на основе архивных материалов доказал, что с 1920 г. судетские национал-социалисты считали Гитлера своим верховным лидером, даже если по понятным причинам этот факт открыто не подчеркивался [32]. Более того, Р. Юнг, главный теоретик судето-немецкой национал-социалистической партии, в 1919 г. опубликовал в г. Опава книгу «Национальный социализм», которая вскоре была переиздана в Мюнхене как первая «библия» национал-социализма до книги Гитлера «Моя борьба».

Политика судето-немецкой партии Генлейна, направленная на уничтожение территориальной целостности и независимости чехословацкого государства, получила принципиальную оценку в марксистской историографии [33; 34; 35; 36; 37]. Буржуазная историография во многих случаях пытается оправдать и обелить деятельность этой партии, находя в ее политике и практике несуществующие демократические черты и искусственно отделяя ее от нацистской партии Германии. Нежелание четко и определенно показать Генлейна и его партию агентами нацизма и проводниками гитлеровской агрессивной политики в отношении Чехословакии, помимо прочего, связано и с попытками защитить «умиротворителей», особенно английских, которые намеренно принимали за чистую монету «демократические» разглагольствования Генлейна.

Произвольна и бездоказательна в толковании фактов статья сотрудника Мичиганского университета Дж. Зорака [38]. Научная несостоятельность автора настолько очевидна, что, возможно, эта статья и не заслуживала бы упоминания. Но тенденции, обозначившиеся в ней, достаточно симптоматичны в общей направленности буржуазной историографии последних лет.

Дж. Зорак решил объяснить, почему в правительственных кругах Великобритании с неприязнью относились к чехам и чехословацкому государству. Прежде всего он отмечает, что в Лондоне основную информацию о Чехословакии получали от крайне враждебно к ней настроенных послов в Германии и самой Чехословакии. Автор пытается оправдать такую настроенность, утверждая, что до сих пор историки якобы неоправданно описывали внутреннюю ситуацию в стране как основанную на

принципах буржуазной демократии. По мнению автора, Э. Бенеш и министр национальной обороны Ф. Махник были чешскими националистами экстремистского толка и создавали самые благоприятные возможности для Генлейна в реализации нацистских требований в отношении Чехословакии. Кроме того, чехословацкое правительство обвиняется в антибританских настроениях. Поводом для этого послужили два незначительных инцидента с британскими гражданами в Праге в 1928 и 1934 гг., что в свою очередь, по мнению автора, вызвало ответные античехословацкие настроения в Лондоне, которые лишь усилились к 1938 г. И одну из главных причин этого автор видит в политике Э. Бенеша, отношении к которому в Великобритании характеризовалось неприязнью, раздражением и досадой. Поэтому-де в Форин оффис и правительстве больше склонялись к сочувственному выслушиванию Генлейна. Автор сознательно обходит молчанием вопрос о соотношении значения Чехословакии и Германии в политике Великобритании в течение чехословацкого кризиса, не желая замечать, что британское правительство, настойчиво проводя политику «умиротворения», стремилось достичь взаимопонимания с Германией за счет интересов Чехословакии. И именно поэтому Генлейну в Лондоне был обеспечен благосклонный прием.

Статья Дж. Зорак — выдержанная в духе западногерманского реваншизма попытка исказить внутривнутриполитическую ситуацию в межвоенной Чехословакии с неприглядной целью оправдать политику «умиротворения». Поверхностные оценки и нелепые аргументы автора показывают, что он не понимает не только специфического развития внутривнутриполитической ситуации в межвоенной Чехословакии, но и коренных проблем европейской политики этого периода. Враждебность к Чехословакии со стороны Великобритании определялась не надуманными причинами, которые выдвигает автор, а тем, что Чехословакия имела союзнические договоры с Францией и особенно с СССР.

Анализ материалов международного коллоквиума в Париже и серии статей в научной печати показывает, что волна критического отношения к политике «умиротворения» с либеральных позиций в последние годы постепенно спадает, что несомненно связано с обострением международной обстановки. Буржуазная историческая наука чутко реагирует на изменения во внешней политике и внешнеполитической пропаганде правительств своих стран. Однако попытки найти новые доказательства оправданности политики «умиротворения» несостоятельны, так как тенденциозность, вольное обращение с фактами, надуманность аргументации объективно приводят к искажению реальной действительности, сомнениям в научной добросовестности исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Douglas R. In the Year of Munich. New York, 1977.
2. Taylor T. Munich: The Price of Peace. New York, 1979.
3. Barnett C. The Collapse of British Power. London, 1972.
4. Middlemas K. Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany. 1937—1939. London, 1972.
5. Eubank K. Munich Revisited. — Journal of Contemporary History, 1980, № 1, p. 97—101.
6. Munich 1938. Mythes et réalités — Revue des études slaves. Paris, 1979, t. 52, № 1—2.
7. Gathorne-Hardy G. M. A Short History of International Affairs, 1920—1939. London — New York, 1950.
8. Northedge F. S. The Troubled Giant. Britain Among the Great Powers, 1916—1939. London, 1966.
9. Beneš E. Mnichovské dny. Paměti. Praha, 1968.
10. Bruegel J. W. Dr. Beneš on the Soviet «Offer of Help» in 1938. — East Central Europe, 1977, № 1, p. 56—59.
11. История внешней политики СССР. Т. I. 1917—1945. М., 1980.
12. Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974.
13. Овский И. Д. Тайна, в которой война рождалась. (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). Изд. 2-е, доп. М., 1975.
14. Крап В. Плян Зет. Пер. с чеш. М., 1978.
15. Bruegel J. W. Czechoslovakia Before Munich. The German Minority Problem and British Appeasement Policy. Cambridge, 1973.

16. *Taborsky E.* President Edvard Beneš and the Crises of 1938 and 1948.— East Central Europe, 1978, № 2, p. 203—214.
17. История второй мировой войны. 1939—1945. В 12-ти томах. Т. 2. Накануне войны. М., 1974.
18. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. Июнь 1934 — март 1939. М., 1978.
19. *Haslam J.* The Soviet Union and the Czechoslovakian Crisis of 1938.— Journal of Contemporary History, 1979, № 3, p. 441—457.
20. *Manne R.* The Foreign Office and the Failure of Anglo-Soviet Rapprochement.— Journal of Contemporary History, 1981, № 4, p. 725—756.
21. *Wheeler-Bennett J. W.* Munich. Prologue to Tragedy. London, 1948.
22. *Lord Templewood.* Nine Troubled Years. London, 1954.
23. *Taylor A. J.* The Origins of the Second World War. London, 1961.
24. *Gilbert M., Gott R.* The Appeasers. London, 1966.
25. *Thorne C.* The Approach of War, 1938—1939. London, 1967.
26. *Butterworth S.* Daladier and the Munich Crisis: A Reappraisal.— Journal of Contemporary History, 1974, № 3, p. 191—216.
27. *Белоусова З. С.* Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М., 1976.
28. *Стегаль С. А.* Дипломатия Франции перед второй мировой войной, М., 1980.
29. *Eatwell R.* Munich, Public Opinion, and Popular Front.— Journal of Contemporary History, 1971, № 4, p. 122—140.
30. By-Elections in British Politics. London, 1973.
31. *Smelser R.* Nazis without Hitler: The NSDAP and the First Czechoslovakian Republic.— East Central Europe, 1977, № 1, p. 1—19.
32. *Bruegel J. W.* Nazis without Hitler? Nazis before Hitler! The Story of NSDAP.— East Central Europe, 1979, № 1, p. 40—46.
33. *César J., Černý B.* Politika německých buržoazních stran v Československu v letech 1918—1938. D. 1, 2. Praha, 1962.
34. *Král V.* Die Deutschen in der Tschechoslowakei 1933—1947. Dokumentsammlung. Praha, 1964.
35. *Novák O.* Legalizace Henleinova hnutí.— K národnostní problematice českých zemí v 19. a 20. století. Acta Universitatis Carolinae. Praha, 1977, s. 83—104.
36. *Novák O.* Počátky henleinovského hnutí a československo-německé vztahy.— K mezinárodnímu postavení Československa. Acta Universitatis Carolinae. Praha, 1978, s. 7—39.
37. Dějiny socialistického Československa. Sv. 5. Československý lid v boji proti imperialismu a fasismu v Evropě v letech 1933—1945. Praha, 1982.
38. *Zorach J.* The British View of the Czechs in the Era before the Munich Crisis.—The Slavonic and East European Review, 1979, № 1, p. 56-70.

ГРЕКОВ В. И.

ВОСТОЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ ГЕРМАНИИ В 1900—1914 ГОДАХ (ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ)¹

В конце XIX в. империалистические круги Германии выдвинули новую доктрину «мировой политики», которая предусматривала установление их господствующего положения на европейском континенте путем создания государственного объединения под эгидой Германии, так называемой «Срединной Европы», а затем и утверждения немецкого лидерства в мировом масштабе.

Основные положения проекта «Срединной Европы» заключались в следующем: во-первых, создание широкого европейского таможенного союза, который подготовил бы почву для экономического и политического подчинения германскому империализму сначала Австро-Венгрии, а потом Франции, Бельгии, Италии, ряда скандинавских государств, значительной части России, во-вторых, образование «ядра Срединной Европы», которое составили бы Германия и Австро-Венгрия, объединенные в тесный экономический, политический и военный союз. Накануне первой мировой войны этот проект был дополнен программами государственного-монополистического регулирования, а также территориальных притязаний, о которых заявил в сентябре 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег [1, S. 215].

Важное место в проекте «Срединной Европы» занимала восточная экспансия. Германский империализм стремился подчинить себе Россию в экономическом и политическом отношениях, планировал захват значительных ее территорий. Эта проблема рассматривалась во многих работах и основные ее аспекты более или менее изучены. Тем не менее представляется актуальным дальнейшее ее исследование, ибо в последние годы данная проблематика часто привлекает внимание представителей того направления буржуазной, в основном американской, историографии, которое широко использует междисциплинарную методику исследования. При этом, как правило, в подобных работах дается искаженная картина дипломатической предыстории первой мировой войны (см., в частности, [2]).

В настоящей статье предпринята попытка применить системный подход и моделирование для освещения основных тенденций восточной экспансии Германии в сопоставлении с экспансионистскими тенденциями в европейской политике царской России. Экспансия германского империализма на Восток была сложным явлением в экономической и политической жизни Европы. Ее суть раскрыта в ряде ленинских работ

¹ Автор выражает глубокую признательность д-ру физ.-мат. наук П. П. Пашинину и канд. физ.-мат. наук И. К. Красюку за помощь в работе.

Акционерные банки России и Германии и их основные капиталы

Год	Число банков		Основные капиталы	
	русские	германские	русские, млн руб.	германские, млн марок
1900	39	118	188,4	1959,5
1905	35	137	193,6	2223,6
1909	31	168	236,6	2732,4
1912	45	156	518,1	2963,1

Примечание: данные по России за остальные годы [7, с. 534]; данные по Германии [6, с. 113], недостающие данные по Германии получены в результате экстраполяции.

Таблица 2

Величины, определенные по формуле (I) по данным табл. 1

Год	K ^Г	K ^Р	Год	K ^Г	K ^Р
1900	6975	910	1908	11800	1698
1901	7200	910	1909	13242	1712
1902	7500	1014	1910	14700	2275
1903	7850	924	1911	16200	4553
1904	8300	1051	1912	18218	8808
1905	8742	1074	1913	20000	16410
1906	9600	1103	1914	21800	22600
1907	10600	1423			

[3, т. 27, с. 299—426, т. 28, с. 177—178]. Империалистическую экспансию можно рассматривать в виде системы, состоящей из взаимосвязанных элементов. Мы сосредотачиваем внимание на таких элементах экспансии, как концентрация капиталов, вывоз капиталов за рубеж, таможенная политика, борьба за территориальный передел мира, военные расходы. Считая все указанные факторы элементами системы, мы получаем в результате их взаимодействия некоторое новое системное качество, которое может быть представлено в виде теоретической модели, с определенной точностью представляющей историческую действительность [4]. При этом применяется математическая методика «анализ данных» [5], имеющая много общего с классической статистикой. В отличие от последней «анализ данных» позволяет провести исследование в тех случаях, когда ощущается недостаток в исходном цифровом материале. Эта методика оперирует наряду с точными количественными величинами качественными показателями, которые характеризуют общие тенденции изучаемого исторического процесса.

Рассмотрим сначала вопрос о концентрации капитала — элемент X_1 предлагаемой модели. Этот элемент характеризует концентрацию банковских капиталов в России и Германии в 1900—1914 гг. Известно, что в эпоху империализма происходит сращивание промышленного и банковского капиталов и возникает финансовый капитал. Банки превращаются во всемогущих монополистов (см. табл. 1).

Можно процесс концентрации производства и капитала (K) аналитически выразить следующей формулой:

$$(1) \quad (\text{Осн. кап. акц. банков}) \left(\frac{\text{Осн. кап. акц. банков}}{\text{Число акц. банков}} \right) = K.$$

Все данные берутся для Германии и для России за 15 лет (1900—1914 гг., см. табл. 2)

Данные табл. 2 в графической форме представлены на рис. 1.

Некая функция X_1 от отношения K^G/K^P является первым «независимым» элементом (переменной) модели:

$$(II) \quad X_1 = \left(-1 + \frac{K^G}{K^P} \right),$$

где K^G — показатель концентрации банковского капитала для Германии, K^P — тот же показатель для России, определенные по формуле (I). Выбранный вид функции X_1 объясняется следующими соображениями: если показатели для Германии и России равны ($K^G = K^P$), то вклад элемента X_1 в общую величину экспансии Германии в Россию равен нулю, если $K^G > K^P$, то этот вклад — положителен, если $K^G < K^P$, то этот вклад — отрицателен. При этом на величину K^P накладывается естественное требование: $K^P \neq 0$. Подставляя численные данные для K^G и K^P из табл. 2 в (II) получаем величину X_1 в 1900—1914 гг. соответственно: 6,66; 6,9; 6,4; 7,5; 6,9; 7,1; 7,7; 6,4; 5,9; 6,7; 5,5; 2,6; 1,1; 0,2; —0,1. В дальнейшем численные значения элемента X_1 , а также других элементов используются для расчетов на ЭВМ.

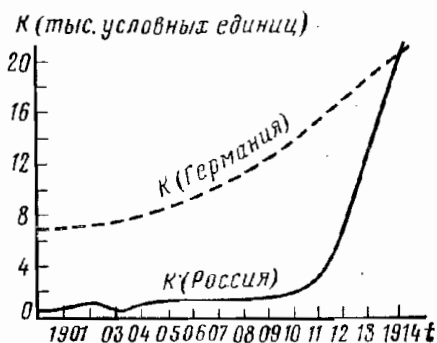

Рис. 1

Теперь об элементе модели X_2 (вывоз капиталов). Важнейшей чертой империализма является вывоз капиталов. Существует прямая связь между экспортом капиталов и экспансионистскими тенденциями во внешней политике. В. И. Ленин неоднократно отмечал тесную связь вывоза капитала «с экономическим и политически-территориальным разделом мира» [3, т. 30, с. 164].

Между двумя империалистическими группировками — Англией и Францией, с одной стороны, и Центральными державами, с другой, — существовала острая конкуренция по вопросу о контроле над финансовыми операциями в России. Не следует рассматривать иностранный капитал в виде единой силы, поскольку противоречия между отдельными его компонентами весьма сильны. При анализе вывоза капитала в какую-либо страну необходимо учитывать соотношение банковских вкладов различных империалистических конкурентов. Такой подход вытекает из ленинского закона неравномерности развития империалистических государств.

Элемент X_2 конструировался так: его значение достигает минимума, если величины инвестиций основных конкурентов равны между собой ($X_2 = 0$), т. е. намечается равновесие сил; X_2 учитывает также, что возможность экспансии увеличивается при некотором изменении «своего» вклада по сравнению с вкладом конкурента. Более конкретно элемент X_2 учитывает величину банковских вкладов Англии и Франции в России, а также величину банковских инвестиций Германии в России. Таким образом, функция X_2 приобретает вид:

$$(III) \quad X_2 = \left| -1 + \frac{A + \Phi}{\Gamma} \right|,$$

где A , Φ , Γ — величины банковских вкладов Англии, Франции, Германии соответственно.

Сведения об иностранных инвестициях в акционерных банках России весьма противоречивы. Поэтому для наших расчетов были использованы различающиеся данные, которые дают не совсем однозначные конечные результаты.

Ниже приводятся близкие к оптимальным, с нашей точки зрения, цифровые данные, взятые из работ И. Ф. Гиндина [8], П. В. Оля [9], Б. Ипхханиана [10] и др.

Иностранные капиталовложения в русских акционерных банках (млн руб.)

Год	Немецкие	Английские	Французские
1900	21,2	—	8,8
1902	—	—	6,7
1914	77,2	13	95,25
1915	—	—	102,0

Примечание: данные взяты из источников [8, с. 85; 8, с. 379; 10, S. 242; 11, с. 362]; данные за остальные годы получены в результате линейной экстраполяции и представлены в табл. 4 и рис. 2.

Таблица 4

Год	Капиталы в млн руб.			Х ₃
	германские	французские	английские	
1900	21,2	8,8	—	1,4
1901	25,3	7,4	1	2
1902	29,4	6,7	2	2,3
1903	33,2	14	3	1
1904	37,2	21,5	4	0,5
1905	41,2	28,5	5	0,23
1906	45,4	36	6	0,08
1907	49	43,5	6,8	0,02
1908	53,4	50,5	7,6	0,09
1909	57,4	57,4	8,5	0,15
1910	61,4	65	9,5	0,21
1911	65	72	10,5	0,27
1912	69,6	79,5	11,2	0,3
1913	73	87	12,2	0,36
1914	77,2	95,25	13	0,4

К сожалению, интересующий нас цифровой материал за многие годы отсутствует. Поэтому, восполняя недостаток информации, мы пользовались линейной экстраполяцией. Эта методика правомерна, ибо почти все цифры, имеющиеся в источниках об иностранных капиталовложениях в русские акционерные банки, являются, как правило, результатом экспертных оценок, расчетов, проведенных с помощью той же методики экстраполяции.

В табл. 3 и 4 и графике (рис. 2) приведены цифры для расчета. На рис. 2 графически приведены данные табл. 4.

Рассмотрим теперь элемент Х₃ — таможенную политику. В начале века господствующей экономической доктриной в Европе становится протекционизм. Таможенная политика приобретает большое экономическое и политическое значение. Важно отметить, что вопрос о таможенных тарифах занимал центральное место в русско-германском торговом договоре 1894 г., в русско-германской конвенции 1904 г., в намечавшемся на 1917 г. русско-германском торговом договоре. Проблема «оптимизации» таможенной политики являлась существенным компонентом плана «Срединной Европы», который отражал и начальную стадию европейской капиталистической интеграции. Последняя, в свою очередь, усиливала экспансионистские тенденции Германии. Проявившаяся еще в начале XX в. взаимосвязь между тенденцией капиталистической интеграции, таможенной политикой, экспортом капиталов и внешнеполитической экспансией получила дальнейшее развитие в последующие годы. А. А. Громыко, рассматривая международную экспансию капитала, в частности, констатировал: «С одной стороны, рост вывоза капитала — это результат быстрого развития производительных сил, углубления интернационализации производства, расширения мирохозяйственных

связей под воздействием научно-технического прогресса. С другой стороны — и это имеет особое значение ... быстрый рост вывоза капитала является показателем неспособности современного высококапитализма решать проблемы своего развития иначе, чем через ускоренную интернационализацию, форсирование внешней экспансии, подавление национального суверенитета народов, подчинение их своим гегемонистским устремлениям путем перекалывания бремени своих противоречий на плечи народов других стран» [12, с. 22].

Исходя из выше приведенных соображений, элемент X_3 , характеризующий отношение наиболее показательных немецких и русских пошлин, приобретает следующий вид:

$$(IV) \quad X_3 = \left(-1 + \frac{P^P}{P^R} \right),$$

где P^P — наиболее показательные русские пошлины для Германии, P^R — наиболее показательные немецкие пошлины для России.

В качестве P^P нами выбраны пошлины на электротехнические товары. «Электрическая промышленность, — писал В. И. Ленин, — самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма конца XIX и начала XX вв. И всего более развилась она... в Соединенных Штатах и Германии...» [3, т. 27, с. 365]. Всеобщему Обществу Электричества (А. Е. Г.) «достается» Германия, Австрия, Россия [3, т. 27, с. 367].

Как известно, русская электроиндустрия была в значительной степени подчинена именно А. Е. Г. Тем не менее российское правительство придерживалось политики максимально высоких пошлин на ввоз немецких электротехнических товаров, считая, по-видимому, для себя более выгодным развитие электроиндустрии при помощи германских капиталов внутри страны.

В качестве P^R можно назвать пошлины на хлеб, который широко экспортировался Россией в Германию. Протекционизм в Германии во многом носил аграрный характер. В многочисленных дискуссиях о целесообразности той или иной таможенной политики, проходивших в Германии в конце XIX — начале XX в., вопрос об аграрных пошлинах занимал существенное место. В итоге возобладала та точка зрения, что Германии «необходимо сохранить свою самостоятельность, а для этого... надо заботиться о сохранении и поддержании земледелия. При этом не надо останавливаться перед жертвами» [13, с. 82]. Под жертвами подразумевались высокие ввозные пошлины на хлеб.

Средние пошлины на ввозимые в Россию из Германии динамо-электрические машины и электродвигатели (P^P) составляли в 1900—1905 гг. — 19%; 1906—1909 — 35; 1910—1913 — 34% [14, с. 86] (пошлины измеряются отношением суммы пошлин к сумме стоимости ввезенных товаров).

Пошлины на русский хлеб, ввозимый в Германию (P^R) исчислялись в 1900—1912 гг. в % соответственно: 23; 23; 24; 23; 21; 26; 27; 25; 24; 28; 25; 23. Сопоставляя эти данные (P^R и P^P) и добавляя недостающие путем экстраполяции, получаем численное выражение элемента X_3 по формуле (IV). Величина элемента X_3 за 1900—1914 гг. равна соответственно: -0,18; -0,18; -0,18; -0,2; -0,18; -0,1; +0,35; +0,3; +0,4; +0,45; +0,2; +0,2; +0,4; +0,5; +0,5; +0,5.

Следующий элемент — X_4 — является функцией от отношения величин военных расходов Германии и России:

$$(V) \quad X_4 = \left(-1 + \frac{B^G}{B^P} \right),$$

где B^G — военные расходы Германии, B^P — военные расходы России.

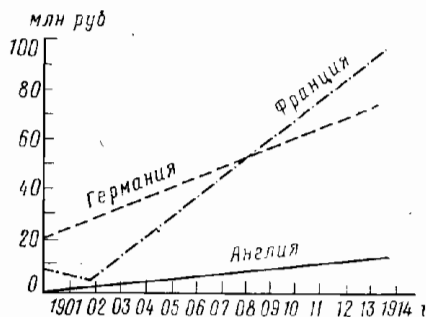

Рис. 2

Этот показатель не выражает экономических причин, обуславливающих экспансию. Однако империалистические державы делят мир, как известно, «по силе» и военные расходы связаны с экспансией [3, т. 27, с. 372—373, 417]. Военные расходы Германии за 1900—1913 гг. составляли в тыс. руб.: 366 600, 409 303, 403 370, 409 556, 368 691, 441 635, 468 696, 513 324, 545 293, 578 470, 578 868, 591 000, 610 870, 856 235 [15; 16].

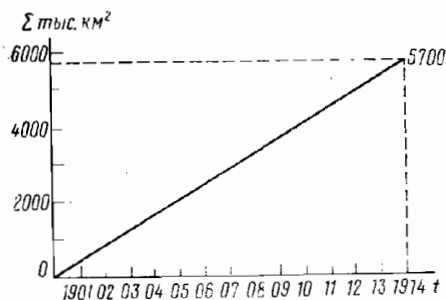

Рис. 3

Военные расходы России в тыс. руб. за те же годы были: 423 392, 430 038, 447 006, 468 433, 1 166 057, 1 635 395, 1 034 769, 680 675, 675 627, 649 852, 652 406, 673 496, 817 716, 964 879 [16, 7, с. 525—529].

Сопоставляя эти данные (V^r и V^p) за 1900—1914 гг., получаем численные значения элемента X_4 : $-0,1$; $-0,05$; $-0,1$; $-0,13$; $-0,68$; $-0,73$; $-0,55$; $-0,24$; $-0,2$; $-0,25$; $-0,11$; $-0,12$; $-0,25$; $-0,11$; $-0,1$.

Наконец, элемент X_5 — территориальная экспансия. Территориальные притязания Германии к России официально были определены в 1914 г. Германия наметила включить в зону своего влияния, т. е. в «Срединную Европу» и так называемую «расширенную Срединную Европу» (регион, тесно связанный со «Срединной Европой» в политическом, экономическом и военном отношениях), следующие территории, входившие в состав России: Прибалтику, Украину, Белоруссию, Королевство Польское, Финляндию, область Войска Донского, Крым, Кавказ, значительные территории Средней Азии общей площадью 5730 тыс. км².

Источники, которыми мы пользовались, определяя численные выраженные величины экспансии, можно разделить на две группы. Первая содержит свидетельства о том, какие именно принадлежавшие России территории германское правительство наметало захватить в 1914 г. [1]. Вторую группу составили справочники, определяющие площади данных территорий [16].

К первой основной группе источников относятся правительственные документы кайзеровской Германии лета и осени 1914 г. В них подробно излагаются военные цели Германии относительно России. Подобные документы опубликованы в специальных сборниках, приводятся в ряде монографий, посвященных кануну и ходу первой мировой войны. Разумеется, германские территориальные претензии к России существовали на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако официальных данных об их размере в 1900—1913 гг. не имеется. Между тем, нам представляется возможным определить экспансионистские потенции Германии в указанные годы.

Если в качестве начальных условий задачи допустить, что экспансия Германии с начала века нарастала, то можно изобразить ее в виде наклонной прямой, представленной на рис. 3. Нарастание территориальной германской восточной экспансии в тыс. км² за 1900—1914 гг. численно выражено: 0; 413; 791; 1135; 1617; 1995; 2408; 2821; 3234; 3646; 4060; 4472; 4885; 5297; 5700. Но эта зависимость дает очень грубое, усредненное и условное представление об изменении величины «экспансии». Рассматривая в системном единстве элемент X_5 с элементами X_1, \dots, X_4 , мы можем существенно ее уточнить.

Модель можно было бы расширить дополнением ряда других элементов. Однако, как будет показано ниже, для решения поставленной в данной работе задачи имеющаяся точность, по нашему мнению, достаточна.

Перейдем теперь к рассмотрению взаимосвязей между элементами X_1, \dots, X_5 , образующими определенную систему. Составляется переопределенная (уравнений больше, чем неизвестных) система уравнений вида:

$$(VI) \quad \mu_1 X_1 + \mu_2 X_2 + \mu_3 X_3 + \mu_4 X_4 = X_5.$$

Система (VI) состоит из 15 уравнений (по одному на каждый год из исследуемых 15 лет за период с 1900 по 1914 г.). В правой части уравнений находится зависимая переменная «экспансия» (X_5), в левой части независимые переменные — набор элементов X_1, X_2, X_3, X_4 , определяющих территориальную экспансию X_5 . $\mu_1, \mu_2, \mu_3, \mu_4$ — коэффициенты (тренды) при соответствующих X_1, \dots, X_4 . Определение этих коэффициентов является первой нашей задачей.

Коэффициенты μ_1, \dots, μ_4 , стоящие перед каждым из независимых переменных X_1, \dots, X_4 определяют масштаб вклада, который вносит каждый из элементов в общую величину «территориальной экспансии», характеризуют удельный вес каждого из четырех слагаемых (X_1, \dots, X_4) общей суммы X_5 , что достигается путем умножения поочередно величин всех элементов X_1, \dots, X_4 на соответствующие тренды μ_1, \dots, μ_4 . Таким образом, тренды определяют степень взаимодействия между несколькими, в нашем случае четырьмя тенденциями в политике империалистической державы, равнодействующей которых в области внешней политики и является величина «территориальной экспансии». В то же время с точки зрения системного подхода тренды характеризуют величину «связей» между «элементами» системы.

При решении системы уравнений (VI) мы обязаны знать ее правую часть X_5 за 1900—1914 гг., а также величины X_1, \dots, X_4 за те же годы. На основании этих данных можно определить коэффициенты μ_1, \dots, μ_4 , при X_1, \dots, X_4 . Система уравнений (VI), вообще говоря, несовместима и для неизвестных μ_1, \dots, μ_4 ищутся наиболее вероятные решения за 15 лет (1900—1914). При этом используется «метод наименьших квадратов». Затем, зная величины X_1, \dots, X_4 , и используя полученные теоретическим путем величины μ_1, \dots, μ_4 , можно найти на основании ниже приведенной формулы теоретическую величину X_5 за каждый год рассматриваемого периода:

$$(VII) X_5 = \mu_1 X_1 + \dots + \mu_4 X_4.$$

где μ_1, \dots, μ_4 — найденные методом «наименьших квадратов» коэффициенты, X_1, \dots, X_4 — элементы модели, рассчитанные на основании статистических данных.

Далее используется метод последовательных приближений для проверки решения на сходимость. Иными словами, мы сначала подставляем в систему уравнений (VI) величину X_5 , взятую из начальных условий, т. е. из рис. 3 и соответствующего цифрового материала. Получаем ответ, отличающийся от начальных условий (данных рис. 3). Подставляем этот новый ответ еще раз в систему (VI) и т. д. Оказывается, что система уравнений (VI) при заданном нами начальном условии сходится к определенному решению, представленному на рис. 4 кривой сплошной линией. Это решение содержит в себе вполне конкретный исторический смысл, что позволяет отнести рассматриваемую модель к классу отражательно-измерительных моделей [4, с. 29].

Зависимость, представленная на рис. 4 (сплошная кривая линия), имеет ряд максимумов. В 1904—1906 гг. наметилось значительное увеличение германской экспансии на восток в Россию, обусловленное русско-японской войной и невозможностью России проводить экспансию в западном направлении. В 1912 — начале 1913 г. имел место еще один максимум германской экспансии. Данное заключение находится в соответствии с ходом исторических событий. Итак, мы получаем наглядную и компактную картину развития экспансионистских тенденций в восточной политике Германии за 1900—1914 гг.

Предлагаемая модель дает возможность изучать во взаимодействии различные факторы, определяющие экспансию, исследовать удельный вес каждого из ее факторов в общей сумме (Σ), которая, как это следует из системы уравнений (VI), является величиной X_5 . Для расчета величины какого-либо фактора следует умножить соответствующий коэффициент μ на соответствующую величину X (см. уравнение VI и табл. 5). Так, например, оказывается, что фактор «военного преимущества» ($\mu_4 X_4$) Герма-

нии над Россией в 1905 г. доминировал полностью, в 1906 г. составлял 37% от всей величины X_5 , в 1912 г. — 13, а в 1914 г. — всего 6%. За тот же период времени факторы, определяющие экономическое проникновение на Восток ($\mu_1 X_1 + \mu_2 X_2 + \mu_3 X_3$), изменили свой удельный вес по отношению ко всей сумме факторов, составляющих величину X_5 , следующим образом. В 1906 г. «экономические» факторы составляли примерно 63%, а в 1914 г. —

Рис. 4

94% (табл. 5). Приведенные цифры не являются, конечно, абсолютно точными. Они иллюстрируют в первую очередь тенденции, а затем — количественные изменения рассматриваемых факторов.

Таким образом, очевидно постепенное уменьшение фактора «военного преимущества» Германии перед Россией при одновременном увеличении экономической экспансии Германии на Восток, что, по нашему мнению, в значительной мере побуждало Германию к развязыванию первой мировой войны.

Предлагаемая модель может быть использована в качестве прогностической [17; 18]. Она дает возможность осуществлять ретроспективное прогнозирование возникновения первой мировой войны, что существенно для дальнейшей разработки теории конфликтов. В самом деле, максимум зависимости X_5 от времени можно рассматривать как необходимое условие вооруженного конфликта, а тенденцию к уменьшению фактора «военного преимущества» — как одно из достаточных условий. Другим достаточным условием может быть, например, тенденция к увеличению фактора экономической экспансии. Число достаточных условий возникновения вооруженного конфликта может быть, в принципе, увеличено.

В то же время необходимо подчеркнуть, что данная методика прогнозирования вооруженных конфликтов в начальный период эпохи империализма может быть в дальнейшем уточнена и проверена на другом фактическом материале.

Существовали также территориальные притязания паризма к Центральным державам, в частности Германии [3, т. 27, с. 2; 19, S. 374]. Предлагаемая модель показывает их незначительность по сравнению с программой обширных захватов германского империализма в России.

Территориальные притязания правящих кругов царской России рассчитываются следующим образом: полагая, что найденные коэффициенты μ_1, \dots, μ_4 универсальны для Германии и России в рассматриваемый промежуток времени, просчитывается теоретическая величина этих притязаний. В результате становится возможным сравнить изменения двух величин за 1900—1914 гг.: немецкой экспансии на Восток и притязаний России на западе. При этом мы полагаем, что μ_1 связывает X_5 с первым элементом модели (X_1), т. е. показателем концентрации банковских капиталов как для Германии, так и для России за период 1900—1914 гг.; μ_2 свя-

зывает X_5 со вторым элементом (X_2), т. е. величиной иностранных инвестиций и т. д.

Величина X_5 для России показана на рис. 4 пунктиром. Расчет с очевидностью показывает, что на протяжении всего периода 1900—1914 гг. русская экспансия либо равна нулю, либо очень незначительна, либо даже отрицательна. «Заход» в область отрицательных значений величины X_5 для России следует рассматривать, в первую очередь, как увеличение разности (в пользу Германии) в экспансионистских тенденциях во внешней

Таблица 5

Сводные величины ($X_1, \dots, X_5, \mu_1, \dots, \mu_4$)

Год	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5 Германии тыс. км ²
1900	+6,66	+1,40	-0,18	-0,1	+378
1901	+6,9	+2,0	-0,18	-0,05	+963
1902	+6,4	+2,3	-0,18	-0,1	+1445
1903	+7,5	+1,0	-0,2	-0,13	-206
1904	+6,9	+0,5	-0,18	-0,68	+1135
1905	+7,1	+0,2	-0,1	-0,73	+1479
1906	+7,7	+0,08	+0,35	-0,55	+4301
1907	+6,4	+0,02	+0,3	-0,24	+2959
1908	+5,9	+0,09	+0,4	-0,2	+3681
1909	+6,7	+0,15	+0,45	-0,23	+4128
1910	+5,5	+0,21	+0,2	-0,11	+2030
1911	+2,6	+0,27	+0,4	-0,12	+3681
1912	+1,1	+0,3	+0,5	-0,25	+4954
1913	+0,2	+0,36	+0,5	-0,11	+4713
1914	-0,1	+0,4	+0,5	-0,1	+4713

Примечание: $X_2 = X_{1\mu_1} + X_{2\mu_2} + X_{3\mu_3} + X_{4\mu_4}$.

X_1, \dots, X_4 — элементы модели (их значений взяты из источников). μ_1, \dots, μ_4 — усредненные за 15 лет (1900—1914) коэффициенты при X_1, \dots, X_4 , полученные теоретическим путем (метод наименьших квадратов). μ_1, \dots, μ_4 являются отражением взаимосвязей между элементами модели X_1, \dots, X_4 и «экспансией» X_5 ; $\mu_1 = -24985,6$; $\mu_2 = +1\ 189\ 872$; $\mu_3 = +7\ 913\ 840$; $\mu_4 = -2\ 959\ 088$. $X_5 = \mu_1 X_1 + \dots + \mu_4 X_4$; величина X_5 получена теоретическим путем на основании «начальных условий» (см. рис. 3) и величин X_1, \dots, X_4 за рассматриваемый период времени.

политике Германии на востоке Европы и России на западе, и, лишь во вторых, как невозможность для России в рассматриваемый промежуток времени вести экспансионистскую внешнюю политику на западе, что ни в коем случае не исключает увеличения в эти же годы экспансионистских тенденций во внешней политике России в каком-либо другом направлении, например, восточном.

Таким образом, незначительность (почти отсутствие) экспансионистских тенденций во внешней политике России по отношению к Германии за 1900—1914 гг. опровергает, в частности, утверждение ряда американских ученых-структуралистов [2] о преобладающем влиянии «русского экспансионизма» в Европе.

Полезно рассмотрение и такой зависимости, как изменение во времени (1900—1914) разности немецкой экспансии на восток и устремлений России на запад (см. рис. 5).

Данная зависимость может служить в качестве дополнительного источника для формулировки достаточных условий возникновения международных вооруженных конфликтов в рассматриваемый период. В самом деле, тенденция к уменьшению величины площади под приведенной на рис. 5 кривой свидетельствует об усилении международной напряженности.

Приведенные соображения могут быть выражены следующим образом:

$$(VIII) \quad A_1 = \int_{1904}^{1909} \Delta X_5(t) dt > \int_{1909}^{1914} \Delta X_5(t) dt = A_2,$$

где A_1 — площадь под кривой за 1904—1909 гг., A_2 — площадь под кривой за 1909—1914 гг., $\Delta X_5 = X_5^r - X_5^p$.

Учитывая, что элемент модели X_5 является суммой элементов X_1, \dots, X_4 можно обозначить его буквой Σ , которой принято обозначать величину суммы. Соответственно $\Delta X_5 = \Delta \Sigma$ (см. рис. 5).

Важно отметить, что предлагаемая модель позволяет теоретически определить не только величину «экспансии» (X_5), но и любой другой элемент X . Для этого следует поменять переменные местами, т. е. рассматривать X в качестве зависимой переменной, а все остальные элементы, включая «экспансию» в качестве независимых. Это обстоятельство дает нам возмож-

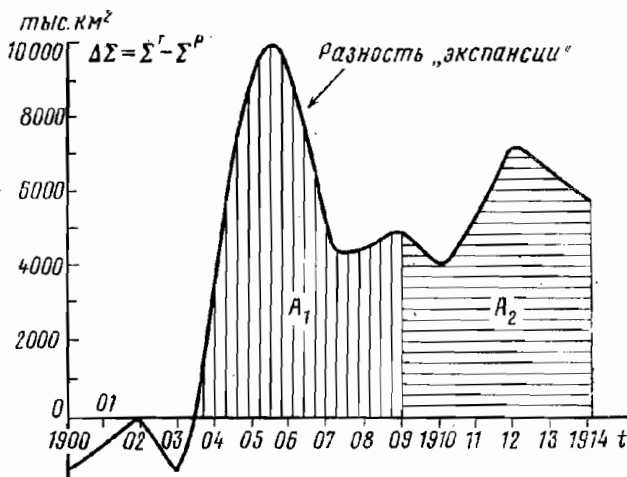

Рис. 5

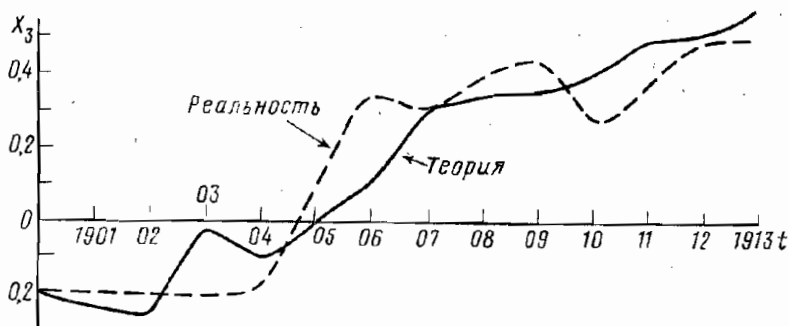

Рис. 6

ность косвенно оценить величину «ошибки» модели, несмотря на применение методики «анализа данных». В качестве примера приведем соотношение теоретических и реальных русско-германских пошлин за 1900—1914 гг. (рис. 6). Пошлины представлены в формуле (IV). Пунктиром обозначена теоретическая величина. Сплошной линией — реальные показатели.

О правильности предлагаемой модели в целом свидетельствует совпадение качественного хода представленных на рис. 6 теоретической и «реальной» зависимостей. Совпадение количественных показателей также неплохое, особенно за 1906—1914 гг.

Существенным представляется нам то обстоятельство, что тот «скачок», который претерпевает «реальная» зависимость (реальное соотношение русско-германских пошлин) в 1906 г. повторяется и теоретической зависимостью. Иными словами, на основании теоретического расчета возможно «предсказать» тот значительный поворот в ущерб России русско-германских таможенных отношений, который произошел в результате русско-японской войны и был зафиксирован русско-германской конвенцией 1904 г. Как показывает теоретический расчет, именно с этого времени (примерно 1904—1906 гг.) начинается активное экономическое проникновение Германии в Россию, именно в эти годы Германия начинает практическое осуществление концепции «Срединной Европы» по отношению к Восточной Европе.

Результат предлагаемого моделирования, конечно, не является фотографическим отображением реальной исторической действительности. Такими качествами модель в принципе обладать не может. Как известно, «в основе моделирования лежит теория подобия, а модель выступает в качестве приближенного аналога явлений и процессов» [4, с. 24]. Итак, предлагаемая модель может указать на тот промежуток времени (один — два года), когда то или иное событие становится особенно вероятным. Для дальнейшего уточнения следует вводить субъективные факторы. Тем не менее, точность, которая обеспечивается данной моделью, оказывается достаточной для того, чтобы, во-первых, подтвердить и детализировать некоторые из уже достигнутых в советской историографии очень значительных результатов в изучении рассматриваемого периода, наглядно и компактно представить многие из этих результатов; во-вторых, получить новую информацию о развитии экспансионистских тенденций во внешней политике Германии и России за 1900—1914 гг., расширить представление о динамике взаимодействия некоторых экономических, военных и внешнеполитических факторов, определявших основные тенденции во внешней политике Германии накануне войны; в-третьих, наметить новые дополнительные пути к выявлению причин трансформации внешнеполитического курса Германии от методов «мирного» проникновения в Восточную Европу к методам военной экспансии (последнее обстоятельство, как уже указывалось, имеет прямое отношение к активно разрабатываемой сейчас теории конфликтов).

Рассмотрение данной проблемы позволяет сделать вывод о возможности моделирования общих тенденций во внешней политике империалистических государств начального периода эпохи империализма. Результатом моделирования является компактная, информативная картина зависимости величины «экспансии» от времени, картина, которая способна «обострить интуицию» историка для дальнейшего изучения данной проблемы или сходных проблем, что весьма расширяет возможности исследования указанной тематики в целом. В частности, появилась возможность проследить взаимодействие различных факторов, определявших внешнеполитическую экспансию Германии за 1900—1914 гг. Использование модели в качестве прогностической существенно для дальнейшей разработки теории конфликтов (хотя, конечно, требуется дальнейшее расширение предлагаемой методики на примерах различных государств в рассматриваемую эпоху).

ЛИТЕРАТУРА

1. Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900—1945. Herausgegeben von R. Opitz. Köln, 1977.
2. *Choucri N., North C.* Nations in Conflict. National Growth and International Violence. San Francisco, 1975.
3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
4. *Ковальченко И. Д.* О моделировании исторических явлений и процессов. — В кн.: Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.
5. *Миркин Б. Г.* Анализ качественных признаков и структур. М., 1980.
6. *Ронин Л. С.* Иностраный капитал и русские банки. М., 1926.
7. *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1950.
8. *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948.
9. *Оль П. В.* Иностранные капиталы в России. Петроград, 1922; *Оль П. В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925.
10. *Ichchanian B.* Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913.
11. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1948.
12. *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1982.
13. *Шапошников Н. И.* Протекционизм и свобода торговли. Петроград, 1915.
14. *Кун Е.* Развитие нашего таможенного обложения в последние десятилетия. Петроград, 1917.
15. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Berlin, 1900—1913.
16. Almanach de Gotha. Gotha, 1900—1913.
17. Аналитические методы в исследовании международных отношений. Сборник научных трудов. Под ред. И. Г. Тюлина, А. С. Кожемякова, М. А. Хрусталева. М., 1982.
18. Международные конфликты современности. Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1983.
19. Deutschland im ersten Weltkrieg. Bd. 1. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von F. Klein. Berlin, 1971.

ПЯТИГОРСКИЙ Г. М.

ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 20-Х ГОДОВ XIX В. И ГРЕЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ОДЕССЫ

О восточном кризисе 20-х годов XIX в. в советской исторической науке написано немало (см., например, [1—8]). Вместе с тем некоторые аспекты этой большой темы почти выпали из поля зрения ученых. Речь идет, в частности, об отношении к восточному кризису греческого населения России. Настоящее сообщение, в основу которого легли неопубликованные материалы советских архивов, посвящено содействию греческого населения Одессы восстанию в Греции и русской армии в войне против Турции.

Крупнейший международный конфликт XIX в. — восточный кризис 20-х годов явился следствием начавшейся в марте 1821 г. национально-освободительной революции в Греции. Продолжаясь почти десятилетие, этот кризис еще больше обострил противоречия между великими державами и, в конечном итоге, подорвал основы Священного союза, отстаивавшего в этом регионе status quo. Ускорила завершение восточного кризиса русско-турецкая война 1828—1829 гг. Правительство России пыталось использовать греческое восстание для укрепления своего влияния на Балканах. Несмотря на реакционность режима, война способствовала успешной борьбе греческого народа за свою независимость.

К началу восточного кризиса в Одессе существовала греческая община, насчитывавшая примерно полторы тысячи человек [9, с. 12]. Фактически греков в Одессе было значительно больше — они приезжали сюда по торговым делам и в поисках заработка из Греции и других стран Средиземноморья. Среди многочисленных зарубежных греческих общин одесская выделялась своим благосостоянием, основу которого создало деятельное участие местных греков в торговле и судоходстве России на Черном море. Отличала ее и большая национально-патриотическая активность. Хотя царское правительство отнюдь не поощряло каких-либо революционных замыслов православного населения Балкан, официальная политика «покровительства» поработанным балканским народам и сочувствие им широких слоев населения создавало в России благоприятный климат для национально-патриотической деятельности греческих эмигрантов.

В 1814 г. греческими патриотами была создана в Одессе тайная патриотическая организация «Филики Этерия» («Дружеское общество»), поставившая своей задачей подготовку вооруженного восстания против османского ига. В течение нескольких лет организация распространила свою деятельность на всю Грецию и многие греческие зарубежные колонии. В апреле 1820 г. тайное общество возглавил видный греческий патриот, генерал-майор российской службы Александр Ипсиланти. В августе — сентябре того же года он посетил Одессу с целью мобилизации людских и финансовых ресурсов местной греческой общины для нужд освободительной борьбы. 22 февраля (6 марта) 1821 г. А. Ипсиланти, перейдя русско-турецкую границу, прибыл в Яссы. «Отсюда, — доносил 25 февраля

(9 марта) 1821 г. из Одессы австрийский агент, — уже как четыре дня назад около 1200 греков отправились в Яссы» [10, оп. 1, д. 4007, л. 7]. Спустя считанные дни пришли в движение и другие греческие общины России, сразу после того, как 24 февраля (8 марта) 1821 г. А. Ипсиланти там же, в Яссах, опубликовал свое знаменитое воззвание «В бой за веру и отечество», в котором призвал греков к оружию. За счет добровольцев из России и греческих патриотов, живших в самих Дунайских княжествах, численность армии А. Ипсиланти была доведена в конечном итоге до шести—семи тысяч человек. Наиболее надежной и зрелой в политическом отношении ее частью являлась так называемая «Священная дружина». Насчитывающая 400 бойцов, она состояла в значительной части из одесских греков¹.

Как известно, правительство Александра I осудило революционное выступление Ипсиланти. Войскам 2-й армии, расположенным вдоль турецкой границы, был дан приказ не оказывать никакой помощи восставшим [11, с. 312]. «Греков, спасающихся от ярости турок, — уточнялось в предписании русской пограничной страже, — если они являются безоружными, пропускать в наши карантинные пункты, туркам же везде, где сие возможно, оказывать наше дружественное расположение...»². Факт осуждения царем действий этеристов был предан широкой огласке. Причем не только по дипломатической линии, но и путем оповещения населения России, особенно ее юга. Так, было «официально объявлено недовольствие государя императора на князя Ипсилантия» в одном из номеров одесской городской газеты «*Messenger de la Russie Méridionale ou feuille commerciale*» в конце марта 1821 г.³ Вопрос о том, что предпримут теперь греки, находившиеся в Южной России, не был безразличен царскому правительству: власти на юге России согласно полученных инструкций прекратили выдачу им паспортов на следование за границу. Прежде всего волновала позиция одесских греков. Александру I хорошо было известно о многих патриотических начинаниях греческой общины Одессы, делегации которой не раз прибывали в Петербург для решения задач, связанных с ее деятельностью. В процветании этой греческой общины царь убедился во время посещения Одессы весной 1818 г., когда в сопровождении своего статс-секретаря по иностранным делам, видного греческого патриота И. Каподистрии, совершал поездку по южным губерниям России. «Император не сомневается, — говорилось в секретной донесении руководителя внешнеполитического ведомства России К. В. Нессельроде новороссийскому генерал-губернатору А. Ф. Ланжерону от 2(14) апреля 1821 г., — что за их поведением (греков Одессы. — Г. П.) не было внимательного надзора со стороны *вашего/с/иятельства/* в том, что касается соблюдения интересов общественного порядка» [14, т. IV (XII), с. 640].

Позиция царского правительства по отношению к повстанцам явилась для них, а также для греческих патриотов, находившихся в России, полной неожиданностью. Многим тогда казалось, что Ипсиланти действует с санкции Александра I. Те же из этеристов, кто знал истину, полагали, что русское правительство не будет препятствовать их деятельности на территории России.

Однако, несмотря на осуждение царем восстания Ипсиланти и принятые в связи с этим меры, в том числе «бдительный» надзор за греческой общиной Одессы, одесские этеристы, получая сведения об ухудшении положения повстанцев, не только не прекратили, но и активизировали свою деятельность. 14 (26) мая 1821 г. Ланжерон вынужден был докладывать в министерство иностранных дел: «Ни уверенность в полном неодолении

¹ О национально-патриотической деятельности греческих общин России в период восстания А. Ипсиланти см. [11, с. 297—328].

² Наместник Бессарабии И. Н. Инзов — окружному начальнику бессарабской карантинной линии Навроцкому, 28 мая (9 июня) 1821 г. [12, оп. 1, д. 1, л. 12].

³ Об этом говорится в письме феодосийского градоначальника к главнокомандующему 2-й армией П. Х. Витгенштейну от 9 (21) апреля 1821 г. В нем также сообщается, что после получения такой газеты «здесьние греки... почти совсем успокоились» [13, ф. МА, оп. 11/182^a, св. 6, д. 18, ч. 1^a, л. 265—265 об.].

предприятия Ипсиланти, высказанная столь категорически, ни помехи, которые я непрерывно создаю их интригам, ни печальные новости, полученные из Молдавии и Валахии, не могут приостановить их ловкую, приводящую в отчаяние деятельность, которая вновь возобновляется во всех формах и ведется с помощью всех средств»⁴. Конечно, помощь из Одессы повстанцы уже не могли получать в том большом объеме, в котором она приходила ранее. Но желаемого эффекта — свести на нет эту помощь — мероприятия правительства дать не могли. В государственных учреждениях Одессы: городской думе, полиции, портовых службах, призванных практически осуществлять контроль за действиями греков, находилось немало греческих патриотов, занимавших различные, в том числе и руководящие должности. Самого Ланжерона связывала тесная дружба с городским главой Д. Инглези, которому принадлежала главенствующая роль и в греческой общине Одессы. Покровительствовал Ланжерон и начальнику одесского карантина греку Э. Персияни, имевшему непосредственное отношение к выпуску из порта купеческих судов с оружием и добровольцами на борту, отбывающих для оказания помощи восставшим. В близком знакомстве находился Ланжерон с видными этеристами, богатыми купцами города — И. Амвросиу, Ф. Родоканаки, К. Кумбари, К. Паппудовым и др., у которых нередко одалживал денежные суммы в крупных размерах. Городские власти, — как отмечал одесский публицист С. Сакеллариос, проделавший большую работу по сбору документов о деятельности этеристов в Одессе, — «для отвода глаз делали замечания на открытые действия этеристов, а на все, что делалось незаметно, не обращали внимания» [15, с. 188].

Как ни старалось царское правительство отмежеваться от выступления Ипсиланти, избежать конфликта с Портой не удалось. Русско-турецкие отношения с весны 1821 г. начали быстро ухудшаться. Восстание в Дунайских княжествах стало искрой, от которой в апреле того же года зажглось пламя революции в Греции. В Константинополе уже не скрывали убеждения, что Россия — главная виновница «бунта» подданных султана. Между тем, в различных местах Османской империи и прежде всего в ее столице началась волна террора против греческого населения. Правительство Александра I, осуждая революционные действия повстанцев Ипсиланти, не собиралось мириться с политикой огульных репрессий, обрушившихся на единопольных греков: эти репрессии наносили удар по престижу русского государства как «покровителя» православного населения на Востоке. Не могло оно допустить и грубого нарушения русско-турецких договоров о свободе торгового судоходства в проливах. Турецкие власти задерживали русские суда и конфисковывали их грузы, затрагивая тем самым интересы государственной казны, русских помещиков и купцов. Проблема проливов, имевшая для России серьезное экономическое значение, будет влиять на ее политику на всем протяжении восточного кризиса 20-х годов. 29 июля (10 августа) 1821 г., после неоднократных безрезультатных дипломатических демаршей русского правительства по поводу незаконности всех этих акций, отношения с Турцией были разорваны. В России велась практическая подготовка к новой русско-турецкой войне [8, с. 147].

О войне как уже решенном вопросе шли разговоры в самых широких кругах населения России. Особенно эта тема была популярной в Одессе. От исхода восточного кризиса зависело будущее молодого города, бурное развитие которого определялось прежде всего его большой ролью в черноморской торговле. Так как Россия в те годы имела в южных портах лишь незначительное количество судов торгового флота, она пользовалась услугами греческих судовладельцев, плававших, как правило, под русским флагом. Например, по имеющимся данным за 1806—1811 гг. до 90% всех судов, участвовавших во внешней торговле Одессы, были греческими [16, р. 135]. В те времена, по словам современника, «число приходящих к одесскому порту кораблей простиралось от 500 до 600» ежегодно

⁴ Цит. по: [11, с. 314].

[17, ч. 1, с. 81—82]. Прекращение греческого судоходства после начала восстания нанесло огромный урон этой торговле.

Кроме того, скорейшего вмешательства правительства в греческие дела желали и многочисленные выходцы из балканских стран, жившие тогда в Одессе и ее окрестностях: болгары, албанцы, сербы, валахи. С будущей русско-турецкой войной они связывали освобождение от османского ига и тех земель, откуда они прибыли. Не вызывает сомнений, конечно, и позиция самих греков Одессы.

Ни в одном городе России не чувствовалось так остро дыхание греческой революции, как в Одессе. Здесь оказалась большая часть греческих беженцев из Османской империи — жертв турецких репрессий, ибо путь в этот город был для них наикратчайшим. В июне 1821 г. их число в Одессе только по официальным данным достигло почти 4 тыс. человек. В здании городской думы начала свою работу Одесская греческая вспомогательная комиссия. Она была создана русским правительством с целью распределения денежных средств, поступающих в фонд помощи греческим беженцам. Всего от населения России в комиссию за десять лет ее работы поступило 1 149 224 руб. 70 коп.⁵ Сбор пожертвований с разрешения властей происходил и в Одессе. Глубоко сочувствуя борьбе греческого народа за национальное освобождение, в нем активно участвовали и русские, украинцы, молдаване, составлявшие большинство населения города. Эти настроения, характерные прежде всего для малоимущих слоев, хорошо выразил живший тогда в Одессе А. Скальковский — впоследствии автор ряда трудов по истории и экономике Новороссийского края: «...будучи в 1821 году в гимназии, я должен был по приказу начальства, говорить речь... собравшимся в большом актовом зале и в коридорах о пособии бедным грекам, стонавшим под турецким игом. Надобно было видеть, с каким жаром ученики, мещане, поселяне, солдаты... и нищая братия бросали в кружки и тарелки свои скудные гроши, пятаки и даже гривеники»⁶.

Не лишены были расчетов в отношении скорого благоприятного для Греции поворота в царской политике и городские власти Одессы. Более того, А. Ф. Ланжерон представил в Петербург конкретные предложения насчет участия в будущей войне одесских греков. Их национально-патриотическая деятельность и влияние, которые оказывали на своих соотечественников как в самом русском государстве, так и за его пределами, а также преданность России, позволяли рассчитывать на их активное содействие в войне против Турции. После предварительных консультаций с видными представителями греческой общины Одессы А. Ф. Ланжерон 1 (13) августа 1821 г. направил начальнику главного штаба П. М. Волконскому предназначенное для царя секретное письмо, где подробно изложил свой план [13, ф. 1, оп. 1, т. 3^а, д. 3429, л. 1—2]. Из местных греков, а также прибывающих в Одессу греческих беженцев, — писал А. Ф. Ланжерон, — можно «сформировать батальоны, которыми командовали бы греческие офицеры (находящиеся на русской службе. — Г. П.). Эти батальоны воевали бы очень хорошо...». Ланжерон обращал также внимание и на то, что в одесском порту находится немалое количество греческих судов⁷, в том числе уже участвовавших в боевых действиях против турецкого флота. И было бы разумным, по его мнению, сформировать из них военную флотилию, поручив это дело «самому бесстрашному из идриотов капитану Скурти», находящемуся в порту на «корвете с 18 пушками». Такая флотилия могла бы быть «полезной в различных диверсиях» на Дунае, в Босфоре, у морских берегов Турции. Ланжерон брался в короткий срок экипировать флотилию всем необходимым. В заключение письма Ланжерон просил ответа царя на его предложение. Вскоре новороссийского генерал-

⁵ О деятельности Одесской греческой вспомогательной комиссии подробнее см. [18, с. 135—152].

⁶ Рукопись неопубликованной статьи А. Скальковского «„Греческие пожницы“, на Россию и славян». Без даты [19, оп. 2, д. 258, л. 3—3 об.]

⁷ См. также [20, т. 1, с. 146].

губернатора известили о том, что «его величество не может принять никакого решения..., так как неизвестно, как развернутся события»⁸.

Александр I не решился пойти дальше разрыва дипломатических отношений с Портой. Он учитывал угрозу создания в случае войны коалиции западных держав, направленной против России. Восстания в Дунайских княжествах и в Морее не остались событиями внутрибалканского значения. Каждая из великих держав имела на Балканах свои экономические и политические интересы. Было ясно, что столкновение России и Турции позволит царскому правительству оказать решающее влияние на ход событий в Греции. Попытки правительства Александра I добиться соглашения с союзными державами в выработке единого плана действий на Востоке успеха не имели [8, с. 147—158]. В результате Восточный кризис растянулся на долгие годы: лишь спустя семь лет русским войскам будет отдан приказ о выстулении.

Греческое же население России искало свои пути оказания помощи восставшей Элладе. 1 (13) августа 1821 г. одесские греки открыли новую страницу в истории этеристского движения. В этот день на собрании 76 представителей греческой общины Одессы и беженцев из Османской империи, состоявшемся в помещении Греческого коммерческого училища, было принято решение о создании Греческого филантропического общества. В состав его исполнительного комитета были избраны видные одесские этеристы: И. Амвросиу, А. Мавро, К. Кумбари, Г. Маразли и В. Палеолог. Согласно своим действиям с Одесской греческой вспомогательной комиссией, общество стало оказывать материальную помощь греческим беженцам — жертвам турецких репрессий. Помимо этого, оно проявляло заботу об укрывшихся в России бывших повстанцах из армии А. Ипсиланти. Общество взяло на учет и поддерживало в той или иной форме свыше 2 тыс. воинов в Одессе и примерно 3 тыс. в Бессарабии [11, с. 337]. Вторгшиеся в Валахию и Молдавию в середине 1821 г. турецкие войска численностью 30 тыс. человек разбили греческие революционные отряды. Тем, кто успел спастись, царское правительство помощи не оказывало.

Несмотря на свою филантропическую вывеску, новая организация являлась прямой преемственницей одесской эфории «Филики Этерии». Усмотрев в ней политическую организацию под маской благотворительного общества, Александр I поспешил закрыть ее. Общество просуществовало всего пять месяцев. Однако за этот срок оно сделало немало для мобилизации сил греков, находившихся в России и за границей, в поддержку национально-освободительной войны, разгоревшейся на греческой земле. Эта деятельность Греческого филантропического общества проявлялась в различных формах. Исполнительный комитет общества обратился к видным представителям русских и зарубежных греческих общин с призывом организовать сбор денежных средств в помощь бывшим солдатам Ипсиланти, а самое важное — для закупки оружия сражающейся Греции. Общая сумма собранных пожертвований достигла 1 млн рублей. Греческая же община Одессы была подвержена таким большим расходам, которые могла бы выдержать только царская казна» [15, с. 24]. Греческое филантропическое общество стремилось обеспечить не только материальную, но и политическую поддержку греческого дела. Оно выступило с инициативой направить в европейские столицы наиболее видных представителей греческих заграничных колоний, для того чтобы попытаться склонить на сторону греческого дела правительства европейских держав. Было решено начать с Петербурга. В 20-х числах ноября 1821 г. из Одессы выехало два делегата — М. Назо и Д. Схина. О предстоящем приезде двух «депутатов филантропического общества» министерство внутренних дел уже знало⁹. Неизвестны были лишь истинные мотивы их миссии. Царь делегатов не принял. Время их приезда в Петербург совпало с распоряжением Александра I о роспуске филантропического общества. Царское правительство пыталось

⁸ П. М. Волковский — А. В. Ланжерону, 15 (27) августа 1821 г. [13, ф. 1, оп. 1, т. 3^а, д. 3429, л. 3].

⁹ Министру внутренних дел В. П. Кочубею от этом еще 15 (27) октября 1821 г. сообщил одесский градоначальник Н. Трегубов [21, ф. 1165, оп. 2, д. 107, л. 13].

сдержат патриотический энтузиазм одесских греков и направить его в русло благотворительности по отношению к соотечественникам — беженцам из Османской империи, в большом числе прибывавшим в город.

В начале 1822 г. как раз выявилась явная недостаточность денежных средств, находившихся в распоряжении Одесской греческой вспомогательной комиссии. Хотя пожертвования продолжались до 1831 г., частота их поступлений со временем менялась. Одним из таких «провалов» оказался 1822 г. На неоднократные просьбы А. Ф. Ланжерона о выделении необходимой денежной суммы из государственной казны царское правительство откликнулось лишь в январе 1825 г. [18, с. 141]. Что касается греков Одессы, то они достаточно активно помогали греческим беженцам, хотя основную свою задачу видели в организации содействия сражающимся на фронтах греческой революции. Многие разделили с беженцами свой кров, одежду, пищу. А в конце лета 1822 г. был организован сбор пожертвований среди греков, проживающих в Одессе, в котором приняли участие более 100 человек. Было собрано 11 775 руб.¹⁰

Свою лепту одесские греки внесли и в организацию сбора денежных средств на выкуп пленных хиосцев. В 1822 г. военные действия в Греции приняли большой размах. Одной из крупных операций Порты с целью подавления восстания была высадка десанта в апреле 1822 г. на о. Хиос. Сломив сопротивление небольшого отряда повстанцев, султанские войска устроили кровавую резню на острове: 23 тыс. мирных жителей были убиты, а 47 тыс. проданы в рабство. Александр I в том же 1822 г. дал согласие на проведение среди греков, проживавших в России, а также среди российских подданных, подписки с целью выкупа попавших в турецкий плен жителей о-ва Хиос¹¹. Организация сбора пожертвований и самого выкупа пленных была возложена на созданный в конце 1822 г. в Кишиневе специальный комитет¹². Более чем в десяти городах России, там, где имелись греческие общины, были образованы отделения этого комитета. Одесское отделение состояло из четырех человек: Д. Инглези, А. Кумбари, А. Мавро и В. Скина. Согласно правилам, составленным Кишиневским комитетом, денежные суммы по мере из поступления отправлялись «к благонадежным и известным греческой нации купцам, торгующим в городах: Триесте, Ливорно, Анконе, Венеции и Марселе, через корреспондентов, коих те купцы имеют в Одессе». Далее деньги пересылались «в разные города турецкой империи к своим корреспондентам», которые там и должны были производить выкуп пленных греков [23, ф. 1308, оп. 1, л. 85, л. 27—32].

Греческие патриоты Одессы использовали оказавшийся в их распоряжении канал связи с Грецией для пересылки туда денежных средств, необходимых на вооружение повстанческой армии. Однако назначенный в мае 1823 г. новый генерал-губернатор Новороссии М. С. Воронцов, которого отличала осторожность и угодливость по отношению к Петербургу, сумел обнаружить эту нелегальную деятельность. Он доложил о ней Александру I, который поспешил назначить Воронцова председателем выше названного комитета вместо кишиневского архиепископа Димитрия. Позднее, в конце 1826 г., проводилось специальное расследование обстоятельств «злоупотреблений», имевших место в деле организации выкупа пленных греков. Например, «по собранным сведениям оказалось, что с начала открытия войны греческой многие живущие в Москве греки действительно собирали суммы на выкуп попавших в плен греческих семейств и

¹⁰ См. «Воззвание об оказании помощи немущим грекам, спасающимся в России от турецкой тирании», составленное в Одессе 28 августа (9 сентября) 1822 г. (рукопись, без подписи, греч. яз.). На оборотной стороне этого документа проставлены размеры денежных сумм и росписи их жертвователей [22, д. 94, л. 45].

¹¹ Основанием для этого решения послужило поданное на имя царя прошение о проведении такого сбора, подписанное руководителями греческого духовенства во главе с митрополитом иринопольским Григорием, в Кишиневе 3 (15) июля 1822 г. О его содержании, а также резолюции Александра I см. [14, т. IV (XII), с. 719, примеч. 288].

¹² И. Н. Иззов — В. П. Кочубею, 30 января (11 февраля) 1823 г. [23, ф. 1308, оп. 1, д. 85, л. 25—26]. К этому докладу Иззова о деятельности названного комитета были приложены и правила, по которым он функционировал (без даты их составления): Речь о них пойдет ниже.

на содержание многих таковых же, прибывших в Одессу, куда все собранные деньги и были отправляемы» посредством московских греков И. Бубы и Н. Почимади, назначенных и «поверенными для собрания от соотечественников добровольных пожертвований на формирование войск (в Греции.— Г. П.)...», но собрание вскоре прекратилось и уже более двух лет...» (от времени начала данного расследования) не производилось¹³. Возглавив комитет по сбору пожертвований на выкуп пленных греков, М. С. Воронцов стал искать «надежные средства» пересылки денежных сумм. Как отчитывался уже при закрытии комитета сам М. С. Воронцов, он обратился в июне 1824 г. за содействием к находившемуся тогда в Константинополе со специальными поручением русского правительства дипломату М. Я. Минчаки. «Минчаки предложил учредить в Константинополе комиссию из благонадежных и известных ему лиц под его ведением, которая с согласия моего (М. С. Воронцова.— Г. П.) была там учреждена и в скором времени открыла свои действия»¹⁴.

Закономерным было и стремление многих одесских греков принять непосредственное участие в боевых действиях на греческой земле. В мае 1823 г. в Кишиневе были арестованы три грека, организовавших в погребе одного из домов производство патронов. На допросах они показали, что «наняты были для того неким греком, неизвестно куда скрывшимся, который объявил им, что приготовляет оные для греков, намерившихся отправиться из Одессы морем в свое отечество»¹⁵. Воронцову от греческих эмигрантов поступали просьбы «о выдаче им паспортов для проезда в Грецию, чтобы ехать служить против турок»¹⁶. Мы не располагаем конкретными фактами о тех, кто сумел добраться до Греции и принять участие в ее освобождении. Повезло в этом, видимо, далеко не всем. Паспорта на выезд из России в Османскую империю выдавались лишь возвращающимся на родину недавним беженцам — жертвам обрешившихся на них там репрессий, а таких желающих в те годы было еще мало. Грекам же, постоянно проживающим в Одессе, особенно с приходом Воронцова, чинились всякие препятствия. «...Чрезвычайные обстоятельства нашего времени, происшествия, доселе волнующие турецкую империю, влияние оных... на умы и расположение жителей (юга России.— Г. П.), все сие требует беспрестанного надзора и необыкновенной деятельности начальства», — так объяснялись причины назначения Воронцова на должность новороссийского генерал-губернатора, в котором царское правительство не ошиблось¹⁷.

Между тем, несмотря на враждебность со стороны европейских держав, греческая национально-освободительная революция продолжала развиваться. Были и крупные победы греческих повстанцев в 1821—1822 гг., в результате которых стало очевидным, что Порте не удастся легко и быстро восстановить «порядок» в Греции. В отношении к греческому восстанию в Западной Европе наметились важные изменения. Британское правительство, стремясь ослабить русское влияние в Греции, в 1823 г. признало греков воюющей стороной. Была и жестокая гражданская война, разразившаяся внутри греческого лагеря в 1823—1825 гг., ослабившая его военные силы и позволившая турецким войскам взять инициативу в свои руки. Начиная с 1825 г., греки оказались в трудной военной ситуации. Наступающая турецкая армия разоряла и грабила страну.

¹³ Московский военный генерал-губернатор Д. В. Голицын — начальнику Главного штаба И. И. Дибичу, 8 (20) декабря 1826 г. [24, оп. 31, д. 206, л. 4—5].

¹⁴ М. С. Воронцов — Николаю I, 14 (26) августа 1828 г. [23, ф. 1409, оп. 2, 1828 г., д. 5234, л. 1^о — 2 об.].

¹⁵ И. Н. Инзов — В. П. Кочубею, 29 мая (10 июня) 1823 г. [21, ф. 109, оп. 112, 1827 г., д. 95, л. 9—9 об.].

¹⁶ С таким названием копия одной из поданных на имя Воронцова просьб значится в перечне бумаг, принадлежавших видному греческому патриоту графу Я. Н. Булгари, обнаруженных у него во время расследования деятельности эгеристов в России, производившегося царским правительством в 1825 г. [13, ф. ВУА, д. 873, л. 36 об.].

¹⁷ В. П. Кочубей — И. Н. Инзову, 12 (24) мая 1823 г. [25, оп. 214, 1823 г., д. 14, л. 1^о].

Существенную материальную помощь борющейся Греции оказывали филэллинские комитеты, возникшие в различных городах Европы и США. Собранные ими деньги использовались для набора добровольцев и закупки военного снаряжения¹⁸. Из России во второй половине 20-х годов денежные суммы греческим повстанцам пересылались уже с разрешения царских властей. Поступали переводы и из Одессы. А в 1827 г. ее греческое население приняло активное участие в денежном займе (выпуске ценных бумаг), объявленном в Греции. Все средства от этого займа должны были пойти на нужды армии. 28 июня (10 июля) 1827 г. И. Каподистрия, избранный президентом греческого государства, обратился с письмом к уже упоминавшемуся нами видному одесскому греку Дмитрию Инглези: «Я льщу себя надеждой, что вы не только сами подадите руку помощи нации, но и предложите сделать это другим патриотам родины...» [26, в. 1, р. 142]. А уже 27 июля (8 августа) 1827 г. И. Каподистрия писал на о. Корфу одному из организаторов займа — своему брату Виаро о том, что Инглези «8 (20) июля дал приказ своим корреспондентам (торговым агентам.— Г. П.) на Занте принять участие в займе или одолжить греческому правительству 3 миллиона талеров», что, кроме того, среди греческих жителей Одессы в пользу названного займа было собрано 4 тыс. фунтов стерлингов [26, в. 1, р. 176]. Всего в результате займа как в самой Греции, так и за ее пределами было собрано 150 тыс. франков¹⁹.

По некоторым подсчетам, финансовая помощь, полученная в Греции от русского правительства в течение 1827—1830 гг., составляла 3,5 млн франков (свыше 1 млн. руб.), не считая средств, предоставленных русской церковью и дипломатическими агентами [4, с. 287; 27, с. 65—66]. Еще в 1824—1825 гг. намечалось изменение курса политики царского правительства в восточном вопросе. Отказавшись от бесплодных переговоров в целях выработки приемлемых для всех союзных держав условий вмешательства в греко-турецкую войну, оно решило вести независимую политику в отношении Турции. До войны дело не дошло. Ее начало отодвинули смерть Александра I и восстание декабристов. В последующие годы Россия и Англия, а затем и Франция пришли к соглашению о совместных действиях против Порты (Петербургский протокол 1826 г., Лондонский договор 1827 г.). Однако в дальнейшем лишь Россия готова была вооруженной акцией поддерживать греков.

14 (26) апреля 1828 г. Николай I подписал манифест о войне с Турцией. Главнокомандующему 2-й армией П. Х. Витгенштейну было дано указание о занятии княжеств и перенесении действий за Дунай. Война началась. Интерес населения Одессы к сообщениям о военных действиях был исключительно высок. Вот что, например, сообщалось в 1828 г. в одном из номеров рукописного журнала «Ареопаг», выпускаемого студентами Одесского Ришельевского лицея: «Чтобы следить, как заняты все одною всеобщей мыслью — войною России с Турцией, нужно было заглянуть в Одессу 3-го октября к вечеру, когда получили известие о взятии Варны, и посмотреть какое волнение в городе произвела сия весть... Едва только загредел желанный пушечный выстрел (с корабля, прибывшего с этим известием в одесский порт.— Г. П.), Одесса оживилась и жители, перебегая из улицы в улицу, передавали друг другу с иступленной радостью на лице радостную весть о взятии Варны»²⁰. Офи-

¹⁸ Подробнее см. 3, с. 140—142.

¹⁹ См. примечание редакции издания к вышеуказанному письму Каподистрии па имя Инглези [26, в. 1, р. 145].

²⁰ См. Ареопаг, 1828, № 7 [28, картон 14, д. 451, л. 108—109]. «Журнал литературы, критики, наук и художеств», «Ареопаг», выходил с 1828 по 1830 гг., когда рождался исход борьбы греков за свободу. Сохранилось всего несколько номеров этого журнала, названного в честь одного из высших органов власти древних Афин. Помещенные в них материалы: «О памятнике полковника арнаутов Кисогло», «О трагедии „Отступник или янычарский бунт“ и др. свидетельствуют о глубоком сочувствии редакторов и авторов статей делу греков; см. Ареопаг, 1828, № 6 и 8 [28, картон 13, д. 450, л. 189—192; картон 14, д. 451, с. 169—173].

циальным источником информации для населения города был «Одесский вестник». События войны сделали эту газету одной из интереснейших в России. В Петербурге было принято решение о том, чтобы все известия из действующей армии печатались прежде всего в «Одесском вестнике», ставшем органом «главной царской квартиры» [29, с. 63]. В газете публиковались также и сообщения с фронтов греческой революции. С особым волнением следили за ними греки Одессы. Освобождение Греции и возвращение на родину казалось им уже недалеким будущим.

Начало русско-турецкой войны привело к улучшению всей военно-политической обстановки в Греции. Турция сосредоточила основные военные силы по линии фронта с действующей русской армией и уже не могла развивать наступательные операции в греческих землях. От результатов развития событий на этом фронте зависело успешное завершение греческой революции.

Как только стало известно о переходе русских войск через Прут, к местам их сосредоточения стали прибывать добровольцы, среди которых были и греки. Несомненно, что многие греки, в том числе жившие в Одессе, стремились принять непосредственное участие в сражениях русской армии. Но реализовать свое желание им было не так просто. 19 июня (1 июля) 1828 г. по 2-й армии был отдан специальный приказ, предписывавший войсковым командирам отправлять всех добровольцев из России обратно домой [13, ф. 14057, оп. 16/183, св. 717, д. 37, л. 1]. На этом основании оказались отосланными греки Инглези, Афиндули и др.²¹ Царское правительство не торопилось привлекать к участию в военных действиях и жителей Дунайских княжеств и Болгарии. Боясь развертывания широкого освободительного движения, правительство Николая I надеялось только собственными силами молниеносно завершить войну. Но надежды на легкую победу быстро рухнули. В течение кампании 1828 г. удалось овладеть лишь двумя турецкими крепостями — Браиловым и Варной. Были переоценены свои силы и недооценены противник. Одна из причин неудачных действий 2-й армии заключалась в ее малочисленности и отсутствии подготовленных резервов [30, с. 421]. Русское военное командование понимало необходимость использования помощи местного балканского населения. В ноябре 1828 г. в Главном штабе России была составлена «Записка о сформировании батальонов стрелков, пандуров или арнаутов из греков и других свободного состояния людей, в Молдавии и Валахии обитающих»²². «Один из сих батальонов, — говорилось в записке, — мог бы формироваться в самой Одессе или в Кишиневе, один в Яссах и два в Бухаресте» [13, ф. ВУА, д. 4731, л. 2 об.].

«Приступить к образованию сего земского ополчения» было поручено А. Ф. Ланжерону — в то время командующему войсками на левом берегу Дуная. Однако к предписанию, данному ему на этот счет в январе 1829 г. П. Х. Витгенштейном взамен предыдущего, был приложен особый «Проект образования пандуров» [13, ф. ВУА, д. 4731, л. 13—16]. В основном повторяющий содержание первого варианта, он исключал Одессу и Кишинев как места формирования батальонов. Патриотический энтузиазм греков, живших на юге России, казался царскому правительству опасным. В памяти были свежи события 1821 г. Во время подготовки своего выступления этеристы большое внимание уделяли организации всеобщего восстания на Балканах. Не осуществленное в 1821 г. оно могло стать реальностью в связи с русско-турецкой войной 1828—1829 гг., когда общественно-политическое положение балканских народов находилось в сильной зависимости от военных событий. Правительству Николая I уже поступали предложения относительно способов организации такого восстания [8, с. 222]. Но царское правительство не собиралось пользоваться «революционными» методами, а тем более пере-

²¹ Командующий войсками «при реке Карасе» К. Х. Бенкендорф — начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву, 22 июня (4 июля) 1828 г. [13, ф. 14057, оп. 16/183, св. 717, д. 37, с. 11].

²² Этот документ уже частично использован в литературе [31, с. 47—49].

ступать границы заранее определенных целей войны. Между тем на юге России находились тысячи бывших повстанцев из армии А. Ипсиланти, недавних «бунтовщиков» и «нарушителей спокойствия» в Европе. 20 июня (2 июля) 1828 г. последовало распоряжение Николая I о том, чтобы «греческие эмигранты, принимавшие участие в происшествиях 1821 года при князе Ипсиланти, отнюдь не были выпускаемы в княжества (Дунайские. — Г. П.)»²³. Остальным грекам, живущим в России, разрешалось ездить туда лишь в отдельных случаях и только с коммерческими целями. Разрешение на выезд из России в Грецию всем бывшим участникам выступления Ипсиланти последовало лишь в 1830 г.

Успех боевых операций русской армии в огромной степени зависел от состояния ее вооружения, обеспечения продовольствием, фуражем и др. Однако эта готовность к войне оставляла желать лучшего. Уже через два месяца после объявления войны на армейских складах обнаружилась нехватка ружей. В ближайшем к театру военных действий киевском арсенале нужного количества — 4 тыс. годных к употреблению ружей не оказалось. Армейские интенданты вынуждены были организовывать их доставку из далекого Ижевска [1, с. 210].

В обеспечении русских войск оружием важную услугу оказали греки Одессы: ими был организован его сбор и закупка. К сожалению, мы не располагаем данными о времени начала и географии этого сбора, его участниках, общем количестве отправленного в действующую армию оружия. Среди собранного оружия, видимо, было и то, которое годами накапливалось у многих греков — жителей Одессы, не потерявших надежду принять непосредственное участие в продолжавшейся войне на греческой земле. Имеющиеся сведения носят отрывочный характер. Известно, однако, что оставшееся в Одессе к концу войны оружие местные греки решили отправить в возрожденную Грецию. Об этом поставили в известность ее президента И. Каподистрию. Интересно отметить, что с Вайано Палеологом (в прошлом активным членом одесской эфории «Филики Этерии»), игравшем в кампании по сбору оружия, видимо, заметную роль, Каподистрия был знаком еще во время своей дипломатической службы в России²⁴. 9 (22) ноября 1829 г. Воронцов доложил министру иностранных дел России К. В. Нессельроде: «Одесский купец Вайано Палеолог вследствие полученного им требования правителя Греции графа Каподистрии об отправлении в Навплион имеющихся у него, Палеолога, трех тысяч ружей и тысячи сабель российского изделия, просит меня о дозволении ему погрузить означенное оружие на судне под российским флагом» [34, оп. 98, III—3, 1829 г., д. 5, л. 1—2]. Осторожный Воронцов в этом же донесении просил уведомить его о решении, которое примет на этот счет Нессельроде. Нам не известен данный Воронцову ответ. Представляется, что он мог быть положительным.

Греческое население Одессы участвовало и в снабжении русской армии продовольствием. Прежде всего необходим был хлеб, но справиться с его заготовкой в освобожденных русскими войсками землях главная провиантская комиссия 2-й армии не смогла²⁵. В связи с этим в помощь ей летом 1828 г. в Одессе под председательством М. С. Воронцова была создана «Одесская комиссия по провиантской части», которая обратилась за содействием к населению Повороссийского края. «Жители Одессы, — сообщал 14 (26) августа 1828 г. Николаю I М. С. Воронцов, — на свой счет обратили в сухари в два месяца более 18 тыс. четвертей муки и это стоило им по верному исчислению около 100 тыс. рублей... После Одес-

²³ Цит. по: [32, ч. 2, с. 24].

²⁴ Так, в 1817 г. он ходатайствовал перед царем о принятии Палеолога в русское подданство, награждении его чином и выделении ему под Одессой участка земли [33, оп. 1, д. 697, л. 99—99 об.].

²⁵ За счет местных ресурсов правительство надеялось получить значительную часть продовольствия для снабжения армии. Эти просчеты явились следствием бюрократических методов руководства и неправильной оценки перспектив войны. Следовавшие за армией полевые подвижные магазины могли обеспечить ее лишь на несколько месяцев [30, с. 76].

сы отличились особенно города Херсон, Николаев, Евпатория, Феодосия, Бериславль, Таганрог, Ростов с уездом, Тирасполь и Дубассары» [23, ф. 1409, оп. 2, д. 5232, л. 3—3 об.]. Изготавливали сухари в Одессе булочники, монополию в этом ремесле тогда в городе держали греки. Кроме того, на заготовление необходимого количества продовольствия для действующей русской армии одесская комиссия послала в различные южные губернии ряд закущиков. При этом был учтен тот опыт ведения торговых операций на юге России, который приобрели греческие купцы. В частности, среди посланных в Киевскую губернию оказались жившие в Одессе греки П. Спиридонов и Г. Рази²⁶.

Снабжение армии продовольствием было рассчитано на его подвоз купеческими кораблями. Уже 23 июня (5 июля) 1828 г. «Одесский вестник» опубликовал следующие известия, полученные из штаба 2-й армии: «Сообщения с Одессой производятся морем с большой деятельностью: почти каждый день суда, нагруженные съестными припасами, бросают якорь на рейде Кистендаки (Кюстенджа, современная Констанца. — Г. II.) [36, 1828, № 50]. Такая картина была характерна и для других освобожденных приморских городов. Для транспортировки продовольственных грузов государственной казной в различных русских черноморских портах было зафрахтовано до 180 коммерческих судов. Из них 137 в Одессе²⁷. Как показывают архивные материалы, большая часть этих кораблей была под русским флагом, а их хозяевами и шкиперами являлись греки. Греческие судовладельцы в условиях жестокого гнета и произвола, царившего в Османской империи, еще до начала революции 1821 г., стремясь обезопасить свое имущество, заключали фиктивные договора о продаже своих судов русским подданным, проживавшим в основном в Одессе²⁸. Вместе с тем, многие греческие купцы Одессы, владея одними мореходными судами формально, другими обладали фактически. Имеется немало свидетельств их активного участия в морских перевозках по снабжению русской армии продовольствием, фуражем и др. Например, одесский купец Георгий Вуцино взял обязательство перевезти на своих судах «прямо в Варну до 13 тыс. четвертей овса в мешках и кулях»²⁹. На судне, принадлежавшем греческому купцу Одессы Григорию Росолимо, кроме продовольствия и фуража, сверх договора доставлялись артиллерийские снаряды³⁰. А одесские купцы грек Кирьяк Кумбари, Джуро Милонович и Балтич Джуранович «с начала войны с Портою Оттоманскою употребляли все средства к успешнейшему совершению вояжев их шкиперами и... согласились понизить цены за фрахт судов, чем сделали пример для других»³¹. Содействовал боевым операциям русской армии и проживавший в Одессе Христодул Иоаниди. Будучи одновременно и шкипером, он на принадлежавшем ему судне «Святой Спиридо» непрерывно перевозил продовольствие в течение всей войны. Кроме этого, «не упускал ни одного случая оказывать... и особенные услуги: переправил на своем судне в мае месяце 1828 года через Дунай второй батальон Низовского пехотного полка и 17-ю егерскую мушкетерскую роту со всеми тягостями; в феврале 1829 года принял из Варны и доставил в Одессу тяжелые казенные орудия... В мае (1829 г. — Г. II.)

²⁶ М. С. Воронцов — киевскому военному губернатору П. Ф. Желтухину 24 декабря 1828 г. (5 января 1829 г.) [35, оп. 2, д. 449, л. 1].

²⁷ М. С. Воронцов — И. И. Дибичу, 23 февраля (7 марта) 1829 г. [13, ф. 14058, оп. 1/184^a, св. 85, д. 37, л. 86—86 об.].

²⁸ Для тех, кто жил в других портах северного побережья Черного моря, получение патентов на поднятие русского флага было хлопотным. Кроме правительства, право на выдачу таких патентов было предоставлено в 1804 г. лишь одесскому градоначальнику [37, с. 138].

²⁹ Одесский градоначальник А. В. Богдановский — начальнику Главной провиантской комиссии 2-й армии Абакумову [13, ф. 14058, оп. 1/184^a, св. 85, д. 37, л. 20].

³⁰ М. С. Воронцов — И. И. Дибичу, 19 (31) декабря 1829 г. [13, ф. 14058, оп. 1/184^a, св. 85, д. 37, л. 504—504 об.].

³¹ М. С. Воронцов — военному министру А. И. Чернышеву, 3 (15) января 1830 г. [13, ф. 35, оп. 2/243, св. 97, д. 1299, л. 1—1 об.].

вторично перевозил войска с артиллерией через Дунай в течение трех дней. При перевозке больных... страждующих воинов облегчал участь их своею прислугою, дровами и другими потребностями...»³².

Греки из Одессы — Александр Кумбари, Антон Феогности и Константин Коккинос, были посланы М. С. Воронцовым в начале апреля 1829 г. с согласия царя в Восточную Румелию. Перед ними была поставлена задача склонять жителей Румелии, как на уже освобожденных русскими войсками территориях, так и на находившихся еще под турецкой властью, к переселению в Россию. Это диктовалось необходимостью дальнейшего заселения и освоения земель Новороссийского края. Свою миссию, продолжавшуюся год, т. е. и после окончания войны, названные эмиссары выполнили успешно. За этот срок в результате их агитации и организации отправки беженцев на зафрахтованных государственной казной судах в Одессу прибыло до 7 тыс. человек. Причем «Коккинос и Феогности сами перевезли в Одессу по несколько сот семейств, а Кумбари, будучи их богаче, сверх таковых заслуг отправил 409 душ из Мисември на своих судах без платежа за фрахт»³³. Заметим, что переселение греков и болгар во время войны с территории, занимаемой турецкими войсками, означало для Порты утрату налогоплательщиков и ослабляло в свою очередь тыл этих войск. Но Кумбари, Феогности и Коккинос вышли далеко за пределы той задачи, которую перед ними поставил Воронцов. Они развернули активную деятельность по сбору сведений о турецких войсках, расположенных в районах боевых действий. О результатах сообщали русскому военному командованию. Показательным в этом отношении является, например, одно из первых их донесений. 20 апреля (2 мая) 1829 г. они докладывали командиру 5-го пехотного корпуса 2-й армии генералу Роту: «В Агафополе и Василико находится малый гарнизон турок, в Месеврии же, Ахеле, Бургазе и их окрестностях найдется турецкого войска, полагая самое большее число, до 20 000; за пять верст от Сизополя находятся рассеянные по лесам турки...» [25, оп. 190, 1829 г., д. 50, л. 59]. Генерал Рот, с которым они в основном и имели письменную связь, всячески благодарил «трех граждан Одессы» «...за известия о движениях и намерениях неприятеля, прося... и впредь стараться узнавать что только возможно»³⁴.

Содействие русской армии в меру своих возможностей оказывали и другие греки Одессы. Например, русские солдаты и офицеры, воевавшие в незнакомой для них местности, пользовались переводом «...дорожника главных путей сообщения Европейской Турции, над переложением коего с турецкого языка трудился проживающий в Одессе князь Николай Суццо»³⁵. Спиридон Леондари, служитель одесской портовой таможни, проявил активность «во время доставления к здешнему (одесскому. — Г. П.) порту на судах из действующей армии больных и раненых воинов»³⁶. Раненых русских воинов в Одессу доставляли на тех же купеческих судах, которые после выгрузки продовольствия забирали и румелийских переселенцев. На собранные жителями Одессы денежные пожертвования по подписке, объявленной в городе, для раненых солдат был открыт госпиталь [36, 1828, № 77]. Не всех раненых отправляли в

³² Прощение Х. Иоаниди на имя М. С. Воронцова от 23 февраля (7 марта) 1830 г. о том, чтобы оказанная им русской армии «услуга доведена была до высочайшего воззрения» [13, ф. 35, оп. 2/243, св. 98, д. 1314, л. 4—5]. Очевидно, хозяевам зафрахтованных для перевозки продовольствия русской армии судов были выплачены немалые деньги. Однако их участие в этом деле было добровольным — гарантировать безопасность купеческих кораблей в условиях военного времени никто не мог. Имели место случаи, когда такие суда вынуждены были вступать в боевые действия. Об этом появлялись сообщения в «Одесском вестнике» (см. например, [36, 1828, № 62]).

³³ Военный министр А. И. Чернышев — Николаю I, 8 (20) октября 1830 г. [13, ф. 35, оп. 2/243, св. 98, д. 1355, л. 1—2 об.].

³⁴ Л. О. Рот — А. Кумбари, А. Феогности и К. Коккиносу, 30 апреля (12 мая) 1829 г. [25, оп. 190, 1829 г., д. 50, л. 266].

³⁵ И. И. Дибич — М. С. Воронцову, 8 (20) октября 1828 г. [13, ф. 35, оп. 2/243, св. 95, д. 1177, л. 5].

³⁶ Капитан одесского порта и инспектор карантин Зонтаг — М. С. Воронцову, январь 1830 г. [13, ф. 35, оп. 2/243, св. 98, д. 1315, л. 11—12].

в Россию, госпитали создавались и в освобожденных от турецких войск районах. Не лишен интереса в связи с этим и следующий документ. 31 июля (12 августа) 1829 г. русское генеральное консульство в Валахии уведомило полномочного президента диванов, что «российский подданный Зисо Карапано, движимый чувством признательности к покровительству России, при кончине своей в прошедшем июне месяце отказал по духовному завещанию в пользу учрежденных в Валахии военных госпиталей двадцать тысяч турецких пиастров» [13, ф. 14058, оп. 1/184^а, св. 89, д. 183, л. 1—1 об.]. К сожалению, место жительства в России этого грека в документе не указано.

Всевозможная помощь греков Одессы русской армии: доставление войскам оружия, продовольствия, вывоз раненых и т. д. в определенной мере способствовала военным усилиям России.

Международный конфликт 20-х годов XIX в. за первенство на Востоке завершился в пользу России. В кампании 1829 г. в ходе войны с Турцией произошел перелом. Русские войска разгромили турецкую армию у деревни Кулевчи, взяли крепость Силистрию, совершили быстрый переход через Балканские горы и заняли Адрианополь, что вынудило Порту просить мира.

Победа в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. была завоевана прежде всего героизмом и кровью русских солдат. Подписанный 2 (14) сентября 1829 г. Адрианопольский мирный договор предоставил Греции широкую автономию, а в 1830 г. была провозглашена полная независимость греческого государства.

В общественно-политическом плане царизм и греческое национально-освободительное движение принадлежали к разным лагерям. Поэтому и в период восточного кризиса 20-х годов XIX в. процесс взаимодействия между ними оставался достаточно сложным. Руководствуясь национально-патриотическими чувствами, греческие эмигранты, жившие в России, были непреклонны в своей решимости внести посильный вклад в дело национального освобождения Греции. Наглядным примером является деятельность греков Одессы, оказывавшая определенное влияние на ход греческой революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958.
2. *Кияштина Н. С.* Внешняя политика России: Первая половина XIX в. М., 1963.
3. *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965.
4. *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.
5. *Гуткина И. Г.* Греческий вопрос на заключительном этапе Восточного кризиса 20-х годов XIX века. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.
6. *Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории Восточного вопроса. М., 1975.
7. Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII — начало XX в. М., 1978.
8. Международные отношения на Балканах 1815—1830 гг. М., 1983.
9. Греческая церковь Св. Троицы в Одессе. Одесса, 1908.
10. Государственный архив Черновицкой области (ГАЧО), ф. 1.
11. *Ариш Г. Л.* Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970.
12. Филиал государственного архива Одесской области в Измаиле, ф. 532.
13. Центральный государственный военно-исторический архив СССР.
14. Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВНП). Сер. вторая. 1815—1830 гг. М., 1974—1982. Т. I—V (IX—XIII).
15. Σαρχελλάρου Σ. Φιλότης Ἐταιρεία. Ἐν Ὀδησσῶν, 1909.
16. *Kremydas V.* La Grèce au début du XIXe siècle: conjoncture et commerce (Les conséquences sociales et idéologiques d'une activité commerciale). — Etudes balkaniques, 1981, № 1.
17. *Неболин Г.* Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835.
18. *Пятигорский Г. М.* Деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии в 1821—1831 гг. (По материалам Государственного архива Одесской области). — В кн.: Балканские исследования, вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. (Документы и исследования). М., 1982.
19. Архив Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР, ф. 200.

20. Σιδποπουλου Κ. Πώς είδαν οι ξένοι τήν 'Ελλάδα του' 21. Αθήνα, 1979.
21. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР).
22. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, ф. 250.
23. Центральный государственный исторический архив СССР.
24. Центральный государственный исторический архив г. Москвы, ф. 16.
25. Государственный архив Одесской области, ф. 1.
26. Correspondance du comte J. Capodistrias, président de la Grèce comprenant les lettres diplomatiques, administratives et particulieres, ecrites par lui depuis le 20 avril 1827 jusqu'au 9 octobre 1831. Genève — Paris, 1839.
27. Нарочницкий А. Л. Греческое национально-освободительное движение и Россия.— Вопросы истории, 1980, № 12.
28. Государственная научная библиотека им. А. М. Горького в Одессе. Отдел рукописей, ф. 17.
29. Скальковский А. Одесса за 40 лет назад.— Труды Одесского статистического комитета. Одесса, 1870, вып. 4.
30. Ляхов В. А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828—1829 годах. Ярославль, 1972.
31. Мещеряк И. Переселение болгар в южную Бессарабию в 1828—1834 гг. Кишинев, 1965.
32. Оганян Л. Н. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX в. Кишинев, 1974.
33. Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 10.
34. Архив внешней политики России, ф. Главный архив.
35. Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве, ф. 533.
36. Одесский вестник.
37. Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793—1823). Одесса, 1837.

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ЖИТИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО» ЗАХАРИИ ОРФЕЛИНА

Во второй половине XVIII в. новая сербская литература только начала развиваться, шел процесс трансформации старой жанровой системы, возникали новые жанры. В это время появились первые национально-патриотические и лирические стихотворения («Плач Сербии» 1762 г., «Весенняя мелодия» 1765 г. З. Орфелина), первая поэма («Бой дракона с орлами» 1791 г. Й. Райча), первая драма («Траедокомедия» 1733 г. Э. Козачинского, издана с исправлениями Й. Райчем в 1798 г.). Однако в области художественной прозы, в том числе романа дело обстояло гораздо сложнее. Оригинальной художественной прозы в сербской литературе XVIII в. практически не было, существовали лишь переводные романы («Велизарий» Ж. Мармонтеля в переводе П. Юлинца 1776 г., «Нума или процветающий Рим» М. М. Хараскова в переводе Г. Трлаича 1801 г.). Функции оригинальной художественной прозы исполняла, с одной стороны, мемуарная литература, с другой — историография. Сочинения мемуарного характера были довольно многочисленны в тогдашней сербской литературе: произведения П. Павловича, С. Пишчевича, Г. Зелича и др. [1, с. 355—365]. Однако они не были достоянием широкого круга читателей и не могли оказать серьезного влияния на литературную жизнь, так как были опубликованы лишь в XIX в. Своего наивысшего развития мемуарная литература достигает в «Жизни и приключениях» Досифея Обрадовича (1783), книге, несомненно принадлежавшей уже к художественному творчеству [2, с. 364—443; 3]. Настоящая статья посвящена произведению, относящемуся к другому прозаическому «жанру» сербской литературы — историческим сочинениям.

В 1772 г. в Венеции вышла в свет объемная (почти 800 страниц) книга сербского писателя Захарии Орфелина (1726—1785) «Житие и славные дела государя императора Петра Великого», представляющая значительное явление в истории новой сербской литературы. Проблемы жанрово-стилевого своеобразия сербских исторических сочинений практически остались вне поля зрения исследователей. А между тем изучение этого вопроса, выявление элементов художественности представляет достаточно важным. Оно позволяет проследить зарождение и развитие художественной прозы в новой сербской литературе, формирование в ней историзма как нового компонента художественного мышления.

«Житие Петра Великого» принадлежит обширной славянской историографии нового времени. Этот «жанр» был характерен для Ренессанса, барокко и Просвещения и получил свое развитие практически во всех славянских странах, как в развитых и независимых (Россия, Польша), так и в тех, где лишь начинался процесс национального возрождения (Болгария, Сербия). В развитых странах историография существовала с системой собственно литературных прозаических жанров и сыграла довольно значительную роль. В странах, лишенных национальной независимости

сти, культурное развитие было замедленным, историография могла выполнять функции художественной литературы, точнее прозаических ее жанров, и служить не столько научным, сколько просветительским и познавательно-популяризаторским целям, была занимательным чтением. Она получила название «историография славянского Возрождения» и имеет хронологические рамки XVI—XVIII вв. [4, с. 6]. Славянская историография этого периода является, по мнению А. Н. Робинсона, «международным течением общественной мысли и литературы, основные черты и характер которого связаны с общими признаками национально-общественной идеологии и культуры славянских народов в период формирования славянских наций, в переходный период от феодальной к буржуазной общественно-экономической формации» [4, с. 11]. Сам термин «историография славянского Возрождения» представляется не очень удачным. Если имеется в виду Ренессанс, то он подходит лишь для польской литературы. Сюда можно отнести «Хронику» М. Стрыйковского, «Хронику всего света» М. Бельского и др. [5]. Правомочно говорить о Ренессансе дубровницко-далматинской литературы XV—XVII вв. Для болгарской и сербской литературы применим лишь термин «национальное возрождение» [6, с. 97—98], историография которого будет представлена «Историей славеноболгарской» П. Хилендарского, «Историей во кратце о болгарском народе славенском» иеромонаха Спиридона, «Хрониками» Г. Бранковича, «Житием Петра Великого» З. Орфелина, «Историей разных славянских народов» Й. Раича и т. д. Однако нельзя обойти тот факт, что историографический «жанр» был широко представлен в русской и украинской литературе: «Сипопсис» И. Гизеля, «Летопись» Д. Ростовского, сочинения Ф. Грибоедова, А. Манкеева, П. Крешина, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Ф. Эмиша, Николая Мих. Карамзина, последнего в России представителя этой историографии. Более подходящим, на наш взгляд, могут быть термины «славянская историография XVI—XVIII вв.» или «славянская историография Ренессанса, барокко и Просвещения». Это позволит объединить типологически сходные явления во всех славянских странах, учитывая специфику каждой из них и не прибегая к уязвимому на наш взгляд термину «славянское Возрождение».

В России и Польше, на Украине и в Болгарии, в Сербии и Хорватии появились произведения нового «жанра» — многочисленные «истории». Их предшественники — средневековые летописи и хронографы, отличительной особенностью которых была провиденциальность мировоззрения автора, а также деловая целенаправленность. Новая же историография выполняла прежде всего национально-патриотические и просветительские задачи. По своему характеру эти сочинения еще не были строго научными историческими работами. Историография славянского национального возрождения «занимала промежуточное положение между феодально-средневековой хронографией и буржуазной исторической наукой, по-видимому, также с последующими ответвлениями ее сюжетов в сторону исторического романа и исторической драмы» [7, с. 94].

В разных социально-исторических условиях это общее для славянской историографии XVI—XVIII вв. направление принимало различные формы. В отличие от подлинно научных трактатов с их строгостью изложения материала, системой доказательств и т. д., в этих произведениях факты подбирались и освещались, исходя из основной цели автора, его версии, исторический же анализ отсутствовал.

Надо сказать, что драматизм воспроизводимых событий, конкретность описаний, нередко отчетливо выраженное авторское отношение, оценка действующих лиц (например, идеализация героев) в принципе сближают исторический «жанр» с художественным творчеством. Тем более это относится к начальной фазе формирования исторического мышления. Многие события, речи героев могли быть вымышленными, такими, какими они, по мнению автора, должны были быть. Литературное значение этих произведений в их сюжетах, легендарной окраске, популярной занимательности изложения и др. Таким образом этот «жанр» нес в себе элементы будущей науки и содержал черты художественности.

Такой во многом была и книга Орфелина, однако корни ее особенностей следует искать не только в хронографиях, но и в средневековых агиографических жанрах, поскольку это история одного героя, унаследовавшая и соответствующее название — «житие». В средние века «жития» выполняли прежде всего задачу духовного воспитания человека, нередко выражая важные политические идеи. На рубеже нового времени агиография, бывшая по своей сути «душеполезным чтением», «претерпевает сложный процесс превращения в религиозно-полемическую, а затем даже в поучительно-просветительскую автобиографию» [7, с. 95] и биографию. По традиции эти новые произведения продолжают еще называться «житиями», однако они содержат уже черты, свойственные литературе нового времени. Это ясно видно и на примере «Жития Петра Великого». От старой литературы здесь остались способы идеализации главного героя: еще в младенчестве он отмечен печатью избранности, своего высокого предназначения; в детские годы — время многочисленных смут и бунтов — сам бог хранит Петра и защищает от врагов, чтобы он смог выполнить свою великую роль; он «подобен солнцу» [8, т. 2, с. 358] и поэтому не имеет недостатков. Черты нового выражены в «Житии» также достаточно ярко и проявляются прежде всего в самом выборе героя. Это не святой, не монах, а человек светский, царь, управляющий огромным государством. Если главной заслугой героев средневековых «житий» было следование во всем божественному предначертанию, то Петр поступает по собственному усмотрению. Все просветительские реформы — главная заслуга Петра, согласно Орфелину, рождаются в его гениальном уме. Самым важным для Орфелина является именно просветительство Петра, его многосторонняя деятельность на благо отечества, а вовсе не благочестие и набожность, присущие житийным героям (впрочем Петр у Орфелина не лишен и этих черт). Таким образом, если «Историю» Иована Раича можно отнести к «жанрам» новой историографии, а «Жизнь и приключения» Досифея Обрадовича — к биографии, то «Житие Петра Великого» Захарии Орфелина сочетало черты обоих «жанров».

В «Житии» бросается в глаза его двойственность: с одной стороны это исторический труд, с другой — определенные особенности: идеализация главного героя, морально-дидактическая направленность, литературные вставки, пышность ряда описаний и т. д. — позволили некоторым исследователям назвать эту книгу первым сербским романом [9, с. 411; 10, с. 372]. Это, конечно, только первые шаги к роману, так как отсутствуют такие важные его черты, как вымысел, показ героя в жизненном процессе, переплетение сюжетных линий и т. д. Но характерна сама постановка этого вопроса.

3. Орфелин старается показать величие России, ее развитие и особенно деяния Петра I, придерживаясь исторической истины, в то же время — интерес именно к данным событиям, выбор и оценка их, так же как восприятие и истолкование их определенно связаны с интересами самого Орфелина, диктуемыми ему современностью. Факты автор подбирает, исходя из основной своей цели — возвеличивания Петра. И, мало того, что образ героя рисуется только яркими, восторженными штрихами и имеет исключительно положительные черты, но и вся обстановка в России, т. е. фон, на котором восходит звезда Петра, показан максимально неприглядно, все худшее акцентировано и расписано, чтобы читатель был сильнее поражен и проникся бы удивлением и восхищением величием Петра. В России до него — «дикость», «свое отечество, которое нашел он глубочайшею тмою и чрез то крайним неблагополучием обято» [8, т. 1, с. 209], Петр должен был «из ничего быть оному учинити» [8, т. 1, с. 10 непагинированная].

Орфелину важно также заставить читателя прочувствовать и понять, что единственно правильное — это законная власть; захватчики были, есть и будут злом на земле. Поэтому и в оценках своих Орфелин не объективен: для законной власти, даже и для опричнины при Иване Грозном есть смягчающие обстоятельства. Неблаговидность поступков Петра — жестокость пыток и казни стрельцов, жестокость при строитель-

стве града на Неве, к сыну, жене и др. обязательно поясняется и оправдывается необходимостью. При этом интересно строится повествование: сначала объяснение личного участия Петра в допросах и казнях — «сам царь не мог совершенно положиться на своих бояр», и только «запиравшихся в исповедании точной истины, отдавал на ужасные мучения» [8, т. 1, с. 233]. Далее расписываются заслуги Петра, «который, странствуя по чужим краям, ищет им (подданным.— В. Б.) благополучия; терпит яко незнакомый бесчестие, чтоб их честными зделати», «смиряет себя до самой последней низкости, чтобы их возвести на самой большой верх высочества и славы. Вот! на какого они благодетеля устремились» [8, т. 1, с. 234]. После этого бесстрастно-протоколно перечисляются казни: «230 стрельцов, по двое на ни большой колеснице держащих свечи в руках, которых всех повесили», «пятым стам стрельцов были усечены утеса и выкинуты ноздры, и тако сосланы в Сибирь» [8, т. 1, с. 234] и т. д. Вслед же дается заключение: «Коль жестокое, а оно было и весьма достойное, наказание, получили изменники, толь милостивейшее следовало награждение оным, кои верность и храбрость свою оказали» [8, т. 1, с. 235]. Это скрытое обращение к читателю и определенный эмоциональный прием, заставляющий принять точку зрения автора.

Ссылка и пострижение Евдокии, напротив, упоминаются почти вскользь вслед за рассказом об усмирении стрельцов. «Царица была единого мнения с изменниками противу своего Государя и ради того подпала она своему несчастию» [8, т. 1, с. 237]. А чтобы читатель не сомневался, Орфелин исторические данные подкрепляет сообщением об этом ему лично «за подлинно» неким сербом, служившим в Москве у Шереметьева, а теперь живущим в Венгрии. По сути — тоже скрытое обращение к читателю, убеждение его. Итог — «истребив царь Петр с такою жесткостью (нужною в такой земле, где народ в суровстве находится) неприятелей своего правления, получил удобнейший случай к заведению в своем государстве» всего нового и полезного [8, т. 1, с. 238]. Появление Екатерины Орфелин объясняет, концентрируя внимание на достоинстве ее такому великому государю: «просвещенный разум Петров при первом взгляде, усмотрел в ней все те качества, которые до высочайшаго степени не оспоримо возводят», «усмотрел он в ней аки некое своему свету отсвещение, то есть, что она одарена такими же высокими свойствами, которые почти во всем соответствовать могли егож свойствам» [8, т. 1, с. 344—345].

Совершенно иначе подбираются и освещаются Орфелиным факты царствования Бориса Годунова. И он сам, и его дела рисуются только темными красками, так как это захватчик и «путь, по которому он шел к престолу российскому, был путь ... самого мерзостнейшего злодеяния» [8, т. 1, с. 111].

Прослеживая историю России, Орфелин старается, где можно, подчеркнуть необходимость единой сильной законной власти и недопустимость раздробления государства: «Оное разделение (Владимиром своим сыновьям.— В. Б.) привело Россию в безсилie, и заделало позорищем властолюбия, мерзостнейшего свирепства и почти конечныя погибели» [8, т. 1, с. 74]. В целом Орфелин старается дать максимально полное освещение истории, по, конечно, под углом своего зрения.

«Житие Петра Великого» не может рассматриваться просто как исторический труд не только из-за односторонности изображения и отбора лишь таких фактов, которые помогают создать задуманный автором идеальный образ героя. Одна из главных особенностей «Жития» — многообразие типов повествования, используемых автором. Простое изложение и развернутое описание, выражение горячего авторского отношения и яркая живописность, местами даже поэтичность, сухая документальность и эпическая широта, контрастность противопоставлений так или иначе характерны для литературного произведения.

Высказывания самого Орфелина свидетельствуют о новом понимании им роли автора. Уже в предисловии к «Житию» отмечается, что во всяком сочинении должны быть собственные рассуждения, а пользующийся чужими трудами не является «сочинителем» [8, т. 1, с. 16 непагинированная].

Эта мысль была во многом новой, так как еще многие современные Орфелину писатели рассматривали труды своих предшественников и современников как «общее достояние» и без стеснения включали в свои книги чужие обширные отрывки. Теперь в представление об авторе входит и понятие о его самостоятельности.

Важный художественный элемент сочинения Орфелина — ярко выраженное авторское отношение к происходящему, нередко получающее прямое экспрессивное выражение. Рассказывая, например, об измене польского короля Августа и заключении им сепаратного мирного договора с Карлом XII, по которому он обязался выдать шведам царского генерала Паткуля, Орфелин восклицает: «Злосчастливый трактат! Лучше было Августу с обнаженным мечом умереть, неже такой заключити трактат, по силе которого не токмо корону, но и всю свою честь потерял» [8, т. 1, с. 328]. Отмечая жестокость Карла XII, перед глазами которого «в едином марше до две тысячи человек... замерзли», писатель восклицает: «Какое тиранство!» [8, т. 1, с. 361]. С возмущением пишет Орфелин и о жестоким обращении Карла XII с русскими военнопленными и казнях пленных казаков, давая прямую авторскую оценку: «Безчестная виктория за единого христианского государя!» [8, т. 1, с. 324].

Иногда Орфелин так передает события, как будто он сам был их участником. Например, описывая бой между армиями Петра и шведского генерала Левенхаупта, он отмечает: «Не можно было видети без ужаса, коль в великом жаре стояли обе армии к сражению» [8, т. 1, с. 354]. «Коль великий ропот стал быти в войске!» — пишет он об отношении украинских солдат к предательству Мазепы [8, т. 1, с. 358]. Повествуя о храбрости Петра I на море, Орфелин восклицает: «Отважность неменьше опасная, коль удивительная! Без моего напоминания можно себе представить, что все с ним в корабле его бывшие господа офицеры ужаснулись от такового объявления...» [8, т. 2, с. 61].

Все приведенные примеры субъективного авторского отношения, когда чувства автора должны были передаваться и читателю, придают изложению Орфелина черты художественности. Многократно встречаются в «Житии» и прямые обращения к читателю. Их функции — придать произведению более эмоциональный характер и внести элемент более тесного общения автора с читателем, что обяжет его с большим доверием отнестись к событиям, изображенным в произведении.

Формы проявления авторского оценочного отношения к изображаемому у Орфелина различны: прямое обращение к читателю, повествование от первого лица, элементы патетики и т. д. С точки зрения внутреннего содержания обнаруживается целая градация оценок: восхищение, возмущение, ирония, порицание и т. д.

Иронически Орфелин говорит, в частности, о различных недобросовестных с его точки зрения исторических сообщениях. Рассказывая об учреждении Петром ордена Андрея Первозванного, он приводит легенду о том, что апостол Андрей проповедовал на Руси. Правда, лютеранские и протестантские историки отрицают это, отмечает он, «но без сомнения ради того, что святой апостол не хотел им об том релляции подати» [8, т. 1, с. 236]. Иронизирует Орфелин и над хвастливыми заявлениями шведских писателей, что их армия бывала разбита русской только при соотношении войска один к десяти. «Сие токмо было самохвальство их, — замечает он, — понеже отдаленные таких ведомостей читатели не могли присутствовати тамо, что бы счет едних и других водити» [8, т. 1, с. 287].

Сочинению Орфелина присуща такая важная особенность как создание контрастов. Писатель строит своеобразные оппозиции — Петр Великий противопоставляется Карлу XII как олицетворение просвещенности и гуманности с одной стороны, и дикости и жестокости — с другой. Особенно тщательно Орфелин подчеркивает разницу между допетровской Россией и Россией после реформ царя. Контрастная оппозиция «просвещение — бескультурье», как и предыдущая (Петр — Карл) отражала морально-дидактическую направленность «Жития», просветительскую назидательность автора.

Орфелин использует контраст с целью поразить читателя (в данном случае величию Петра), подчеркивая, что Петр — «корабледелатель Сардамский». Орфелин сообщает, что он поддержал избрание Августа Саксонского польским королем и отправил «из своей плотничьей лавки» приказ русским войскам быть готовыми помочь новому монарху [8, т. 1, с. 222]. Русская армия при этом называется «войнство Сардамского корабельного Мастера». Тем самым создавался необычный образ Петра-плотника, вершащего судьбы целых государств.

Художественность повествованию З. Орфелина придают и картины, явно рассчитанные на зрительное восприятие читателя — это ужасы битв и торжества побед, пышные описания различных церемоний: триумфальных въездов, коронаций и похорон — все они отличаются помпезностью, изысканностью, резким контрастом между картинами сухопутных и морских сражений и величественных торжеств, которыми завершалась каждая русская победа. Для петровской эпохи вообще характерны зрелища триумфов, фейерверков, процессий. Среди их описаний на страницах «Жития» выделяется коронация императрицы Екатерины, супруги Петра I. Подробно и тщательно передает Орфелин убранство церкви, где должна была состояться церемония: «Успенская церковь ... была убрана следующим образом: вдоль пред олтарем сущие три степени, такожде и патос или пол церковный от олтаря до трона ... постланы богатыми с златом тканными коврами. Посреди церкви против олтаря повешен был балдахин зделанной из кармазиновой бархата ... Упомянутый балдахин был весь златом штикован и украшен прегогато бахромою, кистми и шнурами ...» [8, т. 2, с. 314]. Так же красочно описаны костюмы придворных и участников церемонии: «Дамы и фрейли имели на себя придворное из златых и серебряных парчей, златом штикованное платье, как-то и многими драгими каменьями украшенные шмуки» [8, т. 2, с. 316]. Особой торжественностью отличается величественная процессия к храму. Под сводами Успенской церкви звучат речи Петра и архиепископа Новгородского (Феофана Прокоповича), приведенные полностью в тексте «Жития». После коронации, «при выходе из церкви учинен третий залп из пушек и из ружья с играющими трубами, литаврами и барабанами, и во вся колокола звоном, при радостном восклицании безметного множества народу» [8, т. 2, с. 323]. Так же детально показаны и похороны Петра I, занимая в «Житии» 88 выделенных частей (пунктов). Пышность и торжественность описаний отдельных событий вполне отвечали стилю барокко, они даны «с исключительной подробностью, со склонностью к помпе, с представлением человека той эпохи, которая сущность своего бытия пыталась выравить декором, и суть дела заменяли игрой иллюзии и блеском» [9, с. 408; 1, с. 348—349].

Как уже отметил сербский ученый Т. Остоич, при изучении «Жития» бросается в глаза в целом доступность изложения, что и отвечало потребностям тогдашней сербской читательской публики. Сербская литература того времени не достигла еще в своем развитии уровня, скажем, английской или русской. Не было еще массового читателя вследствие низкого уровня грамотности и образованности сербского населения Воеводины. В собственно Сербии, находящейся тогда под турецким владычеством, образование и культура населения были еще ниже. Понимая это, Орфелин стремился по возможности к простоте изложения. Поэтому, «как все писатели-популяризаторы, Орфелин любит эпическую широту и объективное перечисление фактов, вместо краткости и доказательства» [11, с. 165]. Он дает обширное описание русско-китайских пограничных переговоров, упоминая при этом и об убранстве посольских шатров, и о ходе самих переговоров [8, т. 1, с. 187—190]. Интересен в этом же отношении и рассказ о церемониях, происходивших во время приема Петра I в Кенигсберге: перечисляются все участники парада, торжественного въезда Петра, описываются их наряды. В «Житие» введены полный текст приветствия Великого посольства курфюрсту и его ответ. Сам Орфелин так мотивировал подробность изложения: «Я надеюсь удовольствовати читателя с сообщением здесь описания церемонии, которая в приеме сего

Посольства наблюдаема была, понеже от начала света никто сиевого Посольства не видел, а едва-ли кто когда и увидит» [8, т. 1, с. 215—220]. Таким образом, Орфелин, как уже было сказано, ставил перед собой не столько исследовательские, сколько познавательные-популяризаторские задачи в духе исторических представлений своего времени.

В «Житии» часто повествуется о различных военных действиях, битвах, сражениях, однако, по сравнению с другими событиями, прежде всего культурно-реформационного характера, они занимают подчиненное место. По мнению сербского историка Н. Радойчича, сербы, живущие в Воеводине, больше интересовались культурной историей, так как не имели своей государственности и прежде всего стремились бороться за язык и веру. Поэтому и Орфелин в «Житии Петра Великого» как можно «короче описывал царские войны и дипломатические переговоры, чтобы обширнее рассказать о его культурных начинаниях. Орфелина совсем мало занимал царь-воин, более — царь-политик, а всего больше — царь-просветитель» [12, с. 132—139]. Эта категоричная оценка верна лишь отчасти: военные описания занимают в «Житии», хотя и второстепенное, но вполне достаточное место, не говоря уже о дипломатических переговорах, договорах и т. д. Например, повествование о русско-турецкой войне и взятии Азова в 1694 г. занимает 12 страниц и охватывает подготовку военных действий и формирование войска, ход самой войны, перечисленные русских трофеев и даже речь коменданта крепости при сдаче ее русским [8, т. 1, с. 192—204]. С пышностью и помпезностью обрисован и триумфальный въезд армии Петра в Москву после победы.

В истории XVIII в. вообще значительное место занимают войны, поэтому в «Житии» им уделено достаточное внимание: подробно описываются позиции и расположение войск, их количество и род, сообщаются имена полководцев обеих сторон, сведения о резервах, подкреплениях, трофеях, количестве раненых и убитых, о самом ходе сражения. Т. Остоич считает, что это отвечало вкусам сербской читательской публики [11, с. 166]. И, пожалуй, он более прав, чем Радойчич, который видел в Орфелине прежде всего публициста, пропагандировавшего культурно-просветительскую политику Петра. По справедливому мнению И. Мокутера, Радойчич «не понял, что Орфелин имел и чисто литературное намерение создать всесторонний образ своего героя. Показывая царя воином и полководцем, Орфелин отмечал его важные положительные черты. Без этих достоинств образ Петра был бы далеко не таким привлекательным, „идеальным“» [10, с. 369].

Специально следует сказать о документальном элементе в «Житии». Это речи героев, приводимые в книге, — барона Блумберга [8, т. 1, с. 166—169], Петра I «О любви к наукам» [8, т. 2, с. 56], черноморского сардара Савы Петровича [8, т. 2, с. 80] и т. д.; диалоги (например, Петра с пленным шведским адмиралом Эреншидом) [8, т. 2, с. 64—65]; различного рода письма (Петра, турецкого султана, царевича Алексея и др.); манифесты и договоры; грамота Елизаветы Петровны о сербских переселенцах [8, т. 1, с. 18—23]; мирный договор России со Швецией [8, т. 2, с. 236—250] и т. д. Все это приведено очень подробно, в большинстве случаев полностью с целью усилить достоверность повествования и дать читателю по возможности целостное, документально подтвержденное представление о происходящем. Документальный стиль повествования не был характерен для тогдашней историографии, и сочинение Орфелина свидетельствует о его зарождении. Поэтому трудно согласиться с Т. Остоичем, считавшим документальный элемент балластом, отягощающим книгу и указывающим на старинную манеру писания истории [11, с. 166]. Напротив, с точки зрения исторического изложения в собственном смысле слова здесь были уже элементы новаторства. С другой стороны, прямая речь героев, их монологи и диалоги, письма могут рассматриваться как формы, родственные художественной подаче материала. Они не сочинены автором, как это бывает в художественной прозе, однако подобраны не безлично, а с целью создания определенного впечатления у читателя, для усиления достоверности изложения.

Повествованию Орфелина свойственна образность, создающая особую торжественность или своеобразную «приподнятость». Рассказывая о Борисе Годунове, Орфелин отмечает, что «престол его, на которой сел, был подперт толь жалостными воздыханиями, что он никак не могл без поколебания остаться» [8, т. 1, с. 111]. Очень образен призыв: «Разломайте крепостию рук ваших ослабевшую Порту, а мечом отворите врата к получению великих земель» [8, т. 1, с. 167] и таких примеров можно привести много.

Стремясь высказать свое личное отношение, усилить выразительность речи, Орфелин широко применяет тропы. Особенно часто встречаются разнообразные метафоры: «глубокой тме неучения» [8, т. 1, с. 14 непагинированная], «жестокая зима и суровая весья» [8, т. 1, с. 93], «быстро-текущие на все страны его очеса» [8, т. 1, с. 218] и др. Нередки примеры образного олицетворения: «Горы отворили внутренности свои, из которых пролились в великом множестве разные металлы и минералы» [8, т. 1, с. 10 непагинированная]; «Швеция лежит спрятана за Балтийским морем, и о России худого и помыслить не дерзает» [8, т. 1, с. 7 непагинированная]. Прибегает Орфелин и к перифразам: «были на разных местах пойманы и награждены вечностию» [8, т. 1, с. 145]; «все кои в польском одеянии на улицах увиделися, были порублены не щадно, а равный завтрак дан и тем, которые в граде по домам квартиры имели» [8, т. 1, с. 129]. Интересно иносказание при восхвалении фельдмаршала Шеина, который побил турок и татар и «помрачил их полную луну, коя ныне по взятии Азова еще больше умалятся будет» [8, т. 1, с. 202]. Есть в «Житии» и красочные сравнения: стена Азова русской артиллерией «такo была разбита, что казалось, будто град уже за сто лет пред тем развалился» [8, т. 1, с. 199—200]. Лжедмитрий в «безчинных увеселениях и в сквернейшей не чистоте не уступал нимало ассирийскому царю Сарданапалу, да еще и превосходил» [8, т. 1, с. 125]. Все перечисленные приемы придают живописную выразительность повествованию Орфелина и несомненно являются элементами художественности.

Приведенные примеры вновь показывают, что изложение фактов в «Житии» часто было далеко не «сухим», а отражало явную пристрастность автора. Иногда текст приближался к стихотворному, например, в характеристике Александра Невского: «Сей князь был богобоязнен, кроток, умерен, правосуден, храбр, красен и дороден» [8, т. 1, с. 82]. Подобного рода описания были характерны для средневековых «житий» и тем самым отражают здесь черты старой литературы.

Характеристики у Орфелина вообще отличаются удивительной яркостью, несмотря на их краткость: «Голицына, мужа искусна, остроумна и дальних замыслов, а притом и смела» [8, т. 1, с. 161], «нынешний султан есть баба, не прясти но плакати знающая» [8, т. 1, с. 167] и т. п. Интересен еще пример развернутой антитезы: «Царь желил надети на них (подданных. — В. Б.) самое лучшее платье, и кудрявое лице их угладити, чтоб чистых и убранных возможи политичным и чисто-держашимся народам представи; а они радее хотели татарские кожухи, шлики и от коры липовой опанки носити; от политичных людей бегати, а содружествовати с скотами» [8, т. 1, с. 318]. Подобная образная манера способствовала созданию оппозиции «просвещение — бескультурие», о чем говорилось выше.

Очень часто Орфелин прерывает повествование, чтобы рассказать о более современных событиях или вернуться к ранее прерванным и продолжить их. Для этого он употребляет прием, который условно можно назвать «переходом». Следует отметить, что это более характерно для художественного произведения (романа, повести и т. д.), чем для исторического сочинения. В сущности это был перенос действия. Приведем некоторые характерные примеры. «Оставим мы утружденного нашего Гхероя (Петра I. — В. Б.), в своих ново-завоеванных градах несколько отдохнуть, а обратимся в Польшу, видети дела бедного Августа, Краля Польского» [8, т. 1, с. 307]. Или: «Коль долго трактат сей (договор между польскими конфедератами и Петром. — В. Б.) в нерушимости траяти будет, последование по-

кажет, а мы между тем пойдем к Азовским пределам видети новые бунты и новые изменничества против его царского величества» [8, т. 1, с. 334]. Или: «Пускай веселятся россияне о такой подлинно-славной победе (в Полтавской битве. — В. Б.), мы же посмотрим в каком мнении Карл Второй-надесять о мире находится» [8, т. 1, с. 381]. Если разрыв в повествовании большой, Орфелин заново коротко пересказывает соответствующие события, чтобы легче ввести читателя в курс дела: «Карл XII надеясь на обещание неверного козацкого гетмана Мазепы, предпринял поход на Днепр, чтобы пройти на Украину, как мы уже в ином месте говорили» [8, т. 2, с. 1].

Прием «перехода» позволяет Орфелину показывать события параллельные по времени и разновременные, но взаимосвязанные. Иногда автор прерывает повествование прошлого и вводит современное ему и читателю время, реже обращается к будущему. В большинстве случаев временное сопоставление помогает создать более выразительную для восприятия картину. Нередко это по сути те же илюбленные Орфелиным контрасты: перенос от торжества побед русских в лагерь побежденных и т. п.

Для оживления повествования Орфелин нередко использует средства сатиры и юмора, включая в текст «Жития» соответствующие эпизоды.

Встречаются в «Житии» и забавные эпизоды анекдотического характера, как, например, история с заблудшим турецким придворным, чья болезнь «состояла токмо в том, что он думал все, будто у него муха на носу стоит, которая, когда он ее отгонит, тотчас опять на прежнее место садится», и его остроумным исцелением [8, т. 2, с. 9].

Часто Орфелин для подкрепления убедительности своих положений использует пословицы и поговорки — сербские, русские, латинские, являющиеся также художественным элементом в произведении: «копаяй другому яму, сам впадетса вьюю» [8, т. 1, с. 127], «липсует а псует» (подыхает, но ругает) [8, т. 1, с. 304], «bellum est causa pacis» (война есть причина мира) [8, т. 2, с. 236], «бог высоко, а царь далиоко» [8, т. 1, с. 315] и т. д. Некоторые фразы Орфелин строит сам на подобие пословиц: «Лишь только един властолюбец двингнут с пути, то другой уже готов был» [8, т. 1, с. 100]. Или, говоря, что черногорские митрополиты были не только духовными, но и светскими властителями, он отмечает, что «народ им сие тем доброхотнее позволяя, что другому того поручити было не возможно, за тем, что последовали они славено-сербскому обыкновению: когда не я, то не и ты (кад нисамья, нек ниси ни ты)» [8, т. 2, с. 79].

Для Орфелина характерно хорошее знание не только русской богословской и церковно-полемической литературы (что не редкость для сербских писателей того времени), но и русской светской литературы XVIII в. Это знание проявилось и в «Житии Петра Великого», отдельные эпизоды в котором иллюстрируются тем или иным литературным произведением. Наиболее близким по духу оказался для Орфелина А. П. Сумароков, много писавший о Петре Великом. Русский славист П. А. Заболотский в свое время утверждал, что в Сербии «русские драматурги-ложноклассики Сумароков и Фонвизин остались ...неизвестными даже по имени», в отличие от поэтов, которые «не прошли незамеченными в делавшей свои первые шаги сербской литературе» [13, с. 380]. И хотя здесь Заболотский не имел в виду Сумарокова, однако в свете материалов «Жития» это верное замечание надо отнести и к нему: стихотворения русского поэта, хотя и без имени автора, вошли в «Житие Петра Великого», тем самым оказав влияние на сербскую литературу, проникнув в нее еще во второй половине XVIII в. Речь идет о стихотворных надписях и эпитафиях А. П. Сумарокова, посвященных отдельным фактам и событиям петровского времени. Таких произведений в «Житии» шесть: «К домику Петра Великого» [8, т. 1, с. 30], «Эпитафия государыне царице Наталии Кирилловне» [8, т. 1, с. 191], «К столцу на Полтавском поле» [8, т. 1, с. 400], «Эпитафия Карлу XII» [8, т. 2, с. 197], «К ботику» [8, т. 2, с. 299], «К статуи государя императора Петра Великого» [8, т. 2, с. 362]. Пять из них, как обнаружила М. Бошков [14, с. 50], были напечатаны в июльском номере журнала «Ежемесячные сочинения» за 1756 г. под рубрикой «Надписи» и подписаны инициа-

лами А. С. В нашей литературе эти инициалы расшифровываются как Александр Сумароков [15, с. 54]. Однако принадлежность одного из них — «К статуи государя императора Петра Великого» — А. П. Сумарокову считается спорной; оно было напечатано также и в журнале «Всякая всячина», издававшемся Екатериной II в 1769—1770 гг.

Стихотворение «К домику Петра Великого» не упомянуто в статье М. Бошков, однако оно тоже принадлежит перу Сумарокова [16, с. 106].

Введение лирических стихотворных отступлений используется Орфелиным для создания большей наглядности описаний, для придания им художественной убедительности. Рассказ о памятнике в честь Полтавской битвы, например, Орфелин завершает приведением надписи «К столпу на Полтавском поле»:

На сих полях имел сражение с Карлом Петр
И шведов разметал, как прах бурливый ветр,
Вселенну устрашил Российскою державой
И шел отселе вспять с победою и славой
[8, т. 1, с. 400].

Подобные стихи возвеличивали Петра, поднимали его образ на недостижимую высоту, а это и было главной задачей Орфелина.

Есть в «Житии» и другие литературные «инкрустации». В главе X Орфелин подробно повествует об измене гетмана Мазепы, о его переходе на сторону Карла XII. Низость поступка подчеркивают приводимые здесь же силлабические стихи митрополита Рязанского Стефана Яворского, написанные по этому случаю:

Изми мя боже, вопиет Россия,
От ядовита и лютого змия,
Его же ждаша адския заклени
Бывшего вожда Ивана Мазепи (...)

Се второй Ирод исполнь смертна яда,
Мазепа лютый убил мой чада
Уподобися Россия Давиду,
Иже от сына терпяще обиду (...)

[8, т. 1, с. 359—361].

В «Житие» включены и русские прозаические произведения, выдержанные в жанре рассказа очевидца и писем. Первое Орфелин включает уже в предисловие, его условно можно назвать «О красоте и величии Петербурга», взято оно явно из русского источника, пока не установленного [8, т. 1, с. 11—13 непагинированные]. Содержанием трех писем является восхваление русской императрицы Екатерины II и генерала И. И. Бецкого в связи с открытием в Москве 1 сентября 1763 г. Воспитательного дома для сирот и незаконнорожденных детей. Все три письма нам удалось обнаружить в декабрьском номере журнала «Ежемесячные сочинения» за 1764 г., где они были напечатаны под названием «Письмо к господину Де ла Пласу». В журнале указано, что это — «перевод из „Меркурия“ французского, месяца июля 1764 году, стр. 204». Отмечается также, что два письма из трех были впервые напечатаны в России в журнале «Примечания к Ведомостям», однако скорее всего здесь явная хитрость написавшего их русского автора, который, видимо, для придания письмам большего веса и значительности выдавал их за иностранные: «Примечания к Ведомостям» перестали выходить еще в октябре 1742 г. [17, с. 23], а Воспитательный дом был открыт, как уже было сказано, в 1763 г. Эти «письма» служили у Орфелина прославлению России и ее просвещенной правительницы.

Кроме приведенных литературных «вкраплений», необходимо отметить и сербскую (черногорскую) народную песню «Сада ова книга щиег», приведенную Орфелиным с целью показать отклик черногорцев на послание царя Петра:

Сада ова книга щиег
Дасе Москов с Турци биет
Християнисе Богу молет
Када свому цару волет
А сада те Боже молю,
Ты исполни нашу волю...
Сада валя вино пити.
Сваки право чашу пуну

За цареву светлу круну,
Сильна цара Московита,
Господина основита.
От Истока до Запада
Многалице душа рада
Да пошале свое слуге
Да христианом ние туге

[8, т. 2, с. 81—84].

(«Эта царская грамота ныне объявляет, что Русский бьется с турками. Христиане молятся Богу, желая лучшего своему царю. И ныне тебя, Боже молят: исполни наше желание... Теперь надо пить вино. Каждый наливай полную чашу за царскую светлую корону, за сильного московского царя, надежного владыку. От востока до запада многие желают ему добра. Да пошлет он своих слуг, чтобы христианам не было печали»).

В целом все эти литературные «инкрустации», иллюстрируя те или иные повороты сюжета, также сообщали «Житию» определенные черты художественности, разнообразили повествование и облегчали читателю его восприятие.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что произведение Орфелина «Житие Петра Великого» имеет «двойственный» характер. Это во многом обусловлено тем, что предшественниками «Жития» были как средневековые хронографии — предтечи новой историографии, так и произведения агнографического жанра, предтечи будущей художественной прозы. Многоплановость была свойственна идейной направленности книги, в которой решались не только национально-патриотические, но и просветительские и морально-дидактические задачи, познавательные-популярные цели.

От старой литературы сочинение Орфелина унаследовало отдельные житийные элементы сказочности, провиденциальности. Однако, несомненно, «Житие Петра Великого» было уже произведением, принадлежащим новой литературе. Это проявилось в идейной направленности, в выборе главного героя, в активном и независимом авторском начале в «Житии».

Жанровую структуру «Жития» также отличает «двойственность». С одной стороны, это был полноценный исторический труд, содержащий историю России до смерти Петра I. С другой стороны, многочисленные элементы художественного освоения и подачи материала позволяют говорить о нем как о литературном произведении (многообразие типов повествования, авторская оценка, контрастность, эпическая широта, пышность, декор, образность письма, частые переносы действия). Сюда же можно отнести и широкое введение речей и диалогов героев, сатирические и юмористические эпизоды, иронию, а также литературные «инкрустации» — стихи, народную песню, пословицы и поговорки.

В русской и сербской историографии XVIII в. заметна тенденция сближения с художественным творчеством. В этом случае возникали своеобразные произведения смешанного типа, которым был свойствен своего рода синкретизм. В России, например, таким произведением была «История государства Российского» Н. М. Карамзина, в Сербии — «Житие Петра Великого» З. Орфелина. Современные исследователи совершенно правомерно сближают «Историю» Карамзина с романами Вальтера Скотта, поскольку в них «вырабатывалось новое качество художественного мышления — историзм» [18, с. 84]. Тем самым создавались предпосылки к появлению исторического романа, повести, драмы. Следует сказать, что историзм начал вырабатываться в русской литературе еще до Карамзина, в исторических сочинениях В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Ф. Эмина, М. В. Ломоносова и др. В сербской литературе также появлялись различные «истории», однако наличие историзма как категории художественного мышления можно признать лишь в одной из них, а именно в «Житии» Орфелина. Пусть пока это были всего лишь начатки, элементы историзма, но и они имели важное значение для сербской литературы. «Житие Петра Великого» Захарий Орфелина по праву можно считать первым крупным прозаическим произведением в новой литературе Сербии, в котором сделана попытка освоения действительности художественными средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павић М. Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII в.). Београд, 1970.
2. Од барока до класицизма. — Српска књижевност у књижевној критици. Т. 3. Београд, 1973.
3. Деретић Ј. Доситеј и негово доба. Београд, 1969.

4. *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский.— Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963.
5. *Розов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрийковский и его «Хроника». М., 1966.
6. *Никольский С. В.* Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения.— В кн.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.
7. *Робинсон А. Н., Дылевский Н. М.* Софроний Врачанский и его жизнеописание.— В кн.: Софроний Врачанский. Жизнеописание. Л., 1976.
8. *Орфелин З.* Житие и славные дела государя императора Петра Великого. Т. 1 — 2. Венеция, 1772.
9. *Павић М.* Уз Орфелинову књигу о Петру Великом.— В кн.: Орфелин З. Петар Велики. Савремена језичка верзија. Т. 2. Београд, 1970.
10. *Mokuter J.* Petar Veliki u srpskoj književnosti XVIII v.— *Studia Slavica*, 1965, т. XI, ф. 3—4.
11. *Остојић Т.* Захарија Орфелин. Живот и рад му. Београд, 1923.
12. *Радојчић Н.* Српска схватања културне историје у осамнаестом веку.— *Летопис Матице Српске*, књ. 335. Нови Сад, 1933.
13. *Заболотский П. А.* Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Т. I, вып. 1. Варшава, 1908.
14. *Бошков М.* Захарија Орфелин и књижевност руског просветитељства.— *Зборник за славистику*, књ. 7. Нови Сад, 1974.
15. *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874.
16. *Сумароков А. П.* Стихотворения. Л., 1953.
17. История русской журналистики XVIII—XIX вв. М., 1973.
18. История русской литературы. Т. 2. Л., 1981.

ИЗ ИСТОРИИ СЕРБСКО-РУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

(ЖИТИЕ САВВЫ СЕРБСКОГО И РУССКИЕ АГИОГРАФЫ XVI в.)

Науке уже сравнительно давно стало известно о бытовании в русской книжности одного из наиболее читаемых в сербской литературе агиографических сочинений — Жития Саввы Сербского феодосиевской редакции. Труд хиландарского монаха Феодосия — второе пространное житие, посвященное архиепископу сербскому Савве (около 1175—1235, память 12 янв.), крупному церковному и государственному деятелю того времени, стоявшему у истоков автокефальной сербской церкви. В XIII в., вероятнее всего в 1253 г., обширное житие «первоучителя сербского» было написано по заказу короля Уроша (1243—1276) хиландарским иеромонахом Доментианом. Переработку Жития Феодосий осуществил в конце XIII или в первой половине XIV в. Это вполне самостоятельное сочинение, отличающееся от труда Доментиана занимательностью изложения и развитым повествовательным началом. Исследователи отмечают «реалистические склонности» автора [1, с. 171]. Что касается мотивов, побудивших Феодосия приступить к составлению нового жития, немаловажно следующее: труд Доментиана, очевидно, не удовлетворял требованиям, предъявленным к житию общенационального святого, образ которого должен быть близок и понятен достаточно широкому кругу читателей. К. Мюллер-Ландау, пользуясь классификацией К. Крумбахера, относит его к числу житий «риторических», предназначенных для высших слоев общества [2, с. 161]. Феодосий отказывается от сложной символики и тех богословских построений, которые мы находим в труде его предшественника. В сочинении Феодосия, как отмечают исследователи, прослеживается связь с устным народным творчеством [3, с. 121].

Во вступлении к Житию [4, с. 1—3] агиограф выдвигает в качестве своей основной цели не похвалу Савве, а назидание¹. Путь подвижника трактуется как непосредственный образец для подражания, и изначальная предопределенность судьбы Саввы, столь важная для Доментиана, отступает на второй план. Движение по пути духовного совершенствования определяется прежде всего человеческой волей, стремлением Саввы к единению с богом. Прославляя Савву и его отца Симеона как избранников божиих, Доментиан возносит их над обыкновенными людьми. В феодосиевском Житии подобного противопоставления мы не замечаем. В то же время агиограф считает должным показать читателю, что отличает подвижника в его поведении, мыслях и чувствах от других людей, чьей душой еще не овладел «божественный огонь». Феодосия интересуют взаимоотношения подвижника и мирян, и это — один из источников «реалистичности» его житийного повествования.

¹ Вступление к Житию, как это доказано С. П. Розановым [5], заимствовано Феодосием из Жития Саввы Освященного.

Интересна судьба феодосиевского сочинения в русской книжности. Оно попало на Русь, видимо, не ранее XV в. в составе минеи-четьи, однако широкое распространение получило лишь начиная с XVI в. Есть сведения о принесении Жития великому князю Василию III в 1517 г. в отдельной книге со Святой Горы. Русские списки памятника содержатся в минеях, сборниках и отдельных рукописях; известны пространная и краткая его редакции, а также переработки; относящиеся к XVII—XIX вв. О степени популярности Жития свидетельствует факт его включения в Русский Хронограф первой редакции (1512). К настоящему времени обнаружено около 90 русских списков феодосиевского сочинения XVI—XIX вв. [6]. Особого внимания заслуживает вопрос о влиянии Жития Саввы на творчество русских агиографов XVI в.

В процессе работы с древнерусским рукописным наследием нам удалось установить, что в Житии Александра Свирского, составленном в 1545 г. по повелению новгородского архиепископа Феодосия игумена Иродиона², содержатся обширные заимствования из Жития Саввы Сербского в феодосиевской редакции. В 1567 г. биография Александра Свирского была использована монахом Ошевенского монастыря Феодосием при составлении жития местного подвижника Александра Ошевенского³, где также сохранились (однако в несколько ином варианте) отрывки текста, восходящего к сербскому памятнику.

Одной из главных отличительных особенностей развития житийного жанра в северной Руси в XV—XVI вв. В. О. Ключевский считает усиление в житиях церковно-ораторских элементов [7, с. 363]. По его наблюдению, агиографы того времени стремились извлечь из описываемой ими деятельности подвижников практические уроки жизни и представить в биографических чертах нравственные парадигмы [7, с. 432]. «Жизнеописания русских святых и похвальные слова им, — пишет П. Николаевский, — были самым лучшим родом проповеди в XV и XVI веках, наиболее понятным для народа и наиболее любимым им» [8, с. 365]. В интересующих нас житиях отмеченные особенности проявились достаточно ярко. Так, составитель биографии Александра Свирского почти полностью заимствует вступление к своему сочинению у Феодосия, надеясь пробудить в слушателях стремление «соревновать» подвижнику и возродиться для добродетельной жизни [9, л. 214—215]. Феодосий подробно останавливается на важнейшей вехе в судьбе Саввы — выборе пути. В сцене беседы Саввы с пришедшим с Афона русским монахом агиографу удается показать, как в душе юноши под впечатлением от услышанного из уст старца созревает твердое решение покинуть «мир» [4, с. 6—9]. Важно отметить, что разговор строится как «проповедь» старца в ответ на «исповедь» княжеского сына.

Иродион приводит беседу Саввы со старцем полностью, изменяя применительно к своему герою лишь обстоятельства встречи и добавляя конкретные детали. В этом эпизоде проявилось стремление русского агиографа к сценичности изложения, весьма характерной и для Феодосия. Юноша замечает на берегу реки поющих псалмы монахов и, испросив благословения, заводит разговор с одним из них. Монах не решается увести отрока в монастырь, чувствуя себя не вправе отнимать детей у родителей. Тогда будущий подвижник приглашает старца зайти в дом. Тот благословляет отца и мать юноши, и, открыв им, что их сын будет велик перед богом, удаляется [9, л. 220 об.—224].

В Житии Александра Ошевенского феодосиевская сцена беседы со старцем не использована. Но здесь мы находим аналогичный по значению в судьбе отрока его разговор с матерью о Кирилле Белозерском [10, л. 17 об.—18].

² Иродион — ученик и преемник Александра Свирского, основавшего в 1487 г. близ р. Свири, в 36 верстах от г. Олонца монастырь, названный по его имени. Александр Свирский был игуменом монастыря с 1506 г., скончался в 1533 г. Житие его помещено в Великих Минеях-четьих под 30 авг., канонизирован в 1547 г.

³ Александр Ошевенский — основатель монастыря на р. Чуруге, в 44 верстах от Каргополя, впоследствии названного Успенским Ошевенским. Скончался в 1479 г., память 20 апр.

Описаниям в психологическом ключе детства подвижника и его первых шагов на иноческом поприще отводится значительное место как в Житии Саввы, так и в рассматриваемых русских житиях. Иноческий идеал дан в них на широком фоне окружающей подвижников мирской жизни. Яркую картину переживаний мирских людей рисует агиограф, описывая поведение родителей Саввы, получивших известие о его пострижении. Отец и мать, родственники и приближенные Немани оплакивают Савву: «сетованними яко мирьскими обычай почитають юношу» [4, с. 27]. Подобную же сцену находим в Житии Александра Ошевенского, и хотя текст русского жития в данном случае независим от биографии Саввы, в двух памятниках наблюдается порой удивительное сходство описаний:

Житие Саввы Сербского
[4, с. 27].

«и да не плачемь повесть
умножимь, вси знаете, аште мати,
отьць же и братаи о таковыих до
сьмьрти жалеть».

Житие Александра Ошевенского
[10, л. 24 об.]

«бе бо видети позорь жалостень
и умилениа достоинь. кто бо
весть какова скорбь родителем о
чадах бываесть. скрунасть сердце
жалость, сьнедаеь печаль душу».

Проблемы взаимоотношений мирян и подвижников, а также сочетания «душевного» и «духовного» начала в человеке нашли свое отражение уже в древнейших русских житиях, в частности, в посвященном Феодосию Печерскому. В нем, как известно, содержится рассказ о бегстве отрока — будущего подвижника — из дома в надежде посвятить себя служению богу. Агиограф передает неистовство и гнев матери Саввы, когда она узнает, что ее сын ушел вместе со странниками, ее отчаяние, когда она угрожает игумену, добиваясь свидания с беглецом. Важно отметить, однако, что поведение матери Феодосия до ее «обращения» объясняется наущениями дьявола. Автор, в частности, пишет: «иь врагь не почиваше, остря ю на възбранение отрока о таковемь его сьмерении» [11, с. 312]. Отречение святого от «мира» безусловно: он наотрез отказывается от свидания с матерью, пришедшей за ним в монастырь.

Составитель биографии Александра Свирского заимствует рассказ о его бегстве в монастырь отчасти из Жития Саввы, отчасти — из Жития Феодосия Печерского (история поисков юноши, беседа его отца с игуменом и т. д.). Иродион не воспользовался той частью повествования, где идет речь о гневе матери, очевидно, отказываясь от столь резкого противопоставления в своем рассказе отца подвижнику-сыну. Вслед за автором Жития Феодосия Печерского Иродион повествует о чудесном «обращении» отца юноши: после долгих молитв сына он внезапно соглашается принять постриг.

Феодосий Хиландарец и автор Жития Александра Ошевенского значительно реже прибегают к объяснению поступков людей сверхъестественной силой. Получив от сына известие о его пострижении, родители Саввы предаются отчаянию и скорби, но позже смиряются со случившимся: «по сих же умиливше се и страхь божии изештнее въ срьдциихь породивше...» [4, с. 27].

Родители Александра Ошевенского получают письмо от сына, в котором он извещает их о том, что подвизается в монастыре. Отец в гневе, сокрушается мать, однако старший сын убеждает их, что надо радоваться, а не печалиться о случившемся: не желая зарыть в землю дарованный ему талант, их сын приобретет небесные блага [10, л. 25]. На примере поведения родителей подвижников агиографы показывают читателю, что печали здешнего мира могут превращаться в духовные радости для христиан, что человек способен побороть в себе чувства, уводящие его от бога. И в обоих случаях изменение образа мыслей родителей происходит не чудесным образом, а под воздействием «проповеди» и ценой их собственных усилий.

Идеализация Саввы в посвященном ему Житии предполагает полную власть Саввы над душевными побуждениями. Поддаваться им он может лишь из нежелания обидеть близких, причинить им боль. При этом любовь и снисхождение к ближним — черты, которые в немалой степени служат возвеличению подвижника. Феодосий, в частности, повествует о том, как Савва, вняв мольбам своего брата Стефана, решил на некоторое время задержаться в Студенице, несмотря на огромное желание вернуться к уединенной жизни на Афоне: «Что убо милостиваа та и велемудрна и zelo кроткаа душа, иже никого же никогда же хотеаше оскрѣбити... убо я се да не что нечаянно печалию лишения его брать его подыметь» [4, с. 94].

Составитель Жития Александра Ошевенского, перерабатывая сцену встречи в монастыре (заимствованную им у Иродиона и восходящую к Житию Феодосия Печерского), коренным образом меняет взаимоотношения действующих в ней лиц. Сына не приходится долго упрашивать выйти к отцу; он просит прощения за волнение, которое доставил родителям своим неожиданным уходом, советуется с отцом о своей дальнейшей жизни [10, л. 29—31]. Как и автор Жития Саввы, русский агиограф не придает значения внешнему отречению от мирской жизни, которое было весьма существенным в идеализации подвижников у его предшественников; душевная привязанность к человеку и любовь к богу у его героев не являются началами взаимоисключающими; его концепция иноческого идеала не предполагает категорического неприятия «мира».

Отмеченные выше черты мирозерцания автора этого жития ярко характеризуют его как представителя того религиозно-философского течения, которое было связано с именем Нила Сорского (1433—1508).

По словам А. Кадлубовского, главное место в концепции «заволжских старцев» занимает «учение о самонаблюдении, о борьбе со страстями, воспитании сердца, о развитии добрых и гуманных чувств» [12, с. 366]. Севернорусских агиографов XVI в., как и Феодосия Хиландарца, весьма интересует вопрос о внутренних, психологических основах подвижничества. Любопытно, что составитель Жития Александра Ошевенского проявляет особый интерес к одному из заимствованных им у Иродиона отрывков, посходящих к Житию Саввы Сербского. Феодосий повествует здесь о том, как молодой монах Савва приходит к игумену просить благословения на отшельническую жизнь и получает отказ. Агиограф предостерегает от ошибок, которые могут увести от бога неопытного в духовной жизни человека, и настаивает на необходимости постепенного восхождения к святости. В Житии Александра Ошевенского этот эпизод существенно дополнен. Агиограф развивает мысли, заложенные в заимствованном тексте, пытается разносторонне обосновать решение игумена. Мы встречаем здесь также отсутствующие в Житии Саввы ссылки на Иоанна Лествичника [10, л. 37]. Игумен напоминает юноше о дьявольских искушениях, которые подстерегают его в пустыне, о злых помыслах и соблазнах, а также о бытовых трудностях и опасностях отшельнической жизни: «и ныне убо приялъ еси помысль еже изыти из обители. ненавиждя же добра врагъ, видевъ твое повинутие, из монастыря изведет тя и от братии отлучит тя, и гордостию надмет тя, и величанием возвысит тя, и вложит ти помысл: сяди убо зде наедине, богъ питати тя имать. уже во обители искусился еси, и в пустыни уединился еси, никомуже работенъ еси токмо единому богу, ни служащаго имеа. но пребуди уча люди и учительскую мзду от бога примениши, и доволенъ будеши от того питаеши. ты же повинуюся помыслу сему яко благу, начнеши безделне пребывати ни молитвы ни труда держати ся» [10, л. 38—38 об.]. Для русского книжника оказывается, как мы видим, особенно важным мотив труда, традиционно свойственный сочинениям русских агиографов (ср. [13, с. 48, 55]).

Житие Саввы Сербского использовано составителем биографии Александра Свирского наряду с житиями наиболее почитаемых основателей монастырей — Феодосия Печерского и Сергия Радонежского [14]. Труд Феодосия знакомил русского читателя с многогранной церковной деятельностью Саввы, с его трудами по устройению монашеского общежития и исихастерия, укреплению сербской колонии на Афоне, духовному просвещению

щению народа⁴. Светлый, оптимистический характер религиозного, начала Жития, проповедь духовного совершенствования, любви были созвучны настроениям севернорусских агиографов XVI в., вдохновленных идеями Нила Сорского⁵. Русские книжники осознавали близость идеалов Саввы, стремившегося к духовному обновлению своей страны, и идеалов русских подвижников.

Приведенные факты творческого усвоения на русской почве рассматриваемого памятника сербской агиографии, на наш взгляд, имеют важное значение для дальнейшей разработки проблем так называемого второго южнославянского влияния на русскую книжность. В большинстве исследований оно тесно связывается, в частности, с вопросами возникновения и развития экспрессивно-эмоционального стиля в агиографии (см. об этом [13, с. 6—16]). По мнению В. А. Мошина, жития Саввы Сербского «несли с собой агиографическо-панегирический стиль, который... особенно сильно повлиял на формирование литературного стиля второго южнославянского влияния» [15, с. 100]. Необходимо учитывать, однако, что достоверных данных о бытовании Жития на Руси в XIV.—XV вв. пока нет (вероятнее всего, в XV в. оно распространилось лишь в составе миней-четых). Как указывалось выше, памятник получает широкое распространение в России лишь с 1517 г. Что же касается непосредственного влияния Жития Саввы на русскую агиографию, то исходя из имеющихся у нас данных мы можем отнести его только к середине XVI в., а это сроки значительно более поздние, чем принятые большинством исследователей для «второго южнославянского влияния». При решении вопросов южнославянского-русских литературных связей необходимо также принимать во внимание стилистическую неоднородность древнерусской агиографии XVI в. «Московская книжность в XVI в., — пишет Л. А. Дмитриев, — резко противопоставляла два способа повествования в агиографии — неканонический и канонический» [16, с. 265]. Житие Саввы Сербского оказалось близким не к панегирически-торжественным житиям макарьевской школы, а к «неофициальной» севернорусской агиографии. Как мы могли убедиться, русских книжников в сербском памятнике интересует прежде всего описание детства подвижника, психологическая сторона иноческого идеала. Это свидетельствует о том, что южнославянского-русские литературные контакты не сводились к восприятию внешних элементов риторического стиля русскими агиографами. Усвоение текста сербского жития на русской почве во многом было обусловлено общностью принципов идеализации подвижников и идейно-стилистических особенностей трудов Феодосия Хиландарца и русских книжников XVI в. Развитие повествовательности, внимание к подробностям быта и психологии героев, изображение подвижника в его отношениях к мирской жизни, сценичность изложения весьма характерны как для Жития Саввы Сербского, так и для сочинений севернорусских агиографов (ср. [16, с. 7]). В трудах сербского и древнерусских авторов мы наблюдаем постепенное превращение агиографии в биографию, которое было следствием изменения функций жития, его выхода за пределы церковного и монастырского обихода к читающей публике. В этом, в свою очередь, отразилась одна из общих закономерностей литературного развития Сербии и Руси.

В настоящей работе затронута лишь одна сторона южнославянского-русских литературных связей, которые в период с конца XIV в. представ-

⁴ Савва и его отец Симеон Неманя — основатели монастыря Хиландара на Святой Горе (1199). После смерти Симеона в 1200 г. Савва создает в Карее, духовном и административном центре Афона, молчальную келью с церковью Саввы Освященного. Сербский архиепископ — составитель Карейского типикона, Устава монастыря Хиландара (между 1200 и 1205), Устава монастыря Студеницы (1208).

⁵ Нелишне напомнить здесь об интересе, проявленном идейным противником «заволажцев» Иосифом Волоцким к другому памятнику южнославянской агиографии. В его послании к И. И. Третьякову, как известно, использованы два рассказа из Жития Стефана Дечанского, принадлежащего перу Григория Цамблака [12, с. 347]. Автор «Просветителя» находит в них подтверждение важной для него идеи неотвратимости божьего наказания за посягательство на церковное имущество.

ляют собой весьма сложную картину в смысле разнообразия явлений и их хронологии. С нашей точки зрения, неправомерно было бы ставить вопрос о близости стиля русских житий после XIV в. к стилю южнославянской агиографии вообще, без учета эволюции последней. В конце XIV в. в истории сербской литературы начинается новая эпоха; видоизменяются традиционные формы житий, идет приспособление к развитию культуры в трудных условиях турецкого ига. Это необходимо учитывать при решении вопроса о значении деятельности на Руси Пахомия Серб (середина XV в.). Исследователь творчества Пахомия В. Яблонский отмечает шаблонность образов и фигур, используемых этим автором [17, с. 282], отсутствие психологических характеристик героев [17, с. 233]. Черты эти чужды стилю Феодосия Хиландарца и сербских агиографов XIV столетия. С другой стороны, немаловажно, что сочинения Пахомия Логофета служили одним из главных образцов для составления риторическо-торжественных «официальных» житий в македонскую эпоху. А. С. Орлов отмечает, что Пахомий Серб, трудясь в России, подготовил обобщающий стиль XVI в. [18, с. 244]. Очевидно, что в период так называемого второго южнославянского влияния происходило неравномерное проникновение на русскую почву отдельных элементов духовной культуры южных славян, различных по своему содержанию и значению для развития русской книжности. Творчество Пахомия Серб, в частности, не могло донести до русского читателя всей эстетической ценности южнославянской агиографии периода расцвета. Яблонский верно ставил вопрос о необходимости «систематизации риторических украшений, обращавшихся в памятниках византийских, южнославянских и русских до-пахомиева панегиризма... как пути к фактическому уяснению зависимости русских авторов XV и следующих веков от тех или других памятников предшествующего времени» [17, с. 275]. Как мы видели, интересные результаты в этом отношении дает изучение непосредственных связей сербских и русских литературных памятников. Достаточно полная картина южнославянско-русских связей, начиная с XIV в., может быть получена лишь при всестороннем и соотносительном анализе отдельных литературных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.
2. *Müller-Landau. С.* Studien zum stil der Sava—Vita Teodosijes. Ein Beitrag zum Erforschung der altserbischen Hagiographie. München, Sagner, 1972.
3. *Радојичић Ђ. Сп.* Развојни лук старе српске књижевности. Београд, 1962.
4. *Теодосије Хиландарац.* Живот Светога Саве. Издање Ђ. Даничића, приредио и предговор написао Ђ. Трифуновић. Београд, 1973.
5. *Розанов С. П.* Источники, время составления и личность составителя Феодосиевской редакции Жития Саввы Сербского. — Известия ОРЯС им. Академии Наук, т. XVI. СПб., 1912.
6. *Гаврюшина Л. К.* Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского. — Советское славяноведение, 1984, № 1.
7. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
8. *Николаевский П. Ф.* Русская проповедь XV—XVI вв. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. СXXXVII. СПб., 1868.
9. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 692. Сборник житий.
10. ГБЛ, собр. Ундольского, № 276. Житие Александра Ошевенского.
11. Памятники литературы древней Руси XIV — середины XV в. М., 1981.
12. *Кадлубовский А.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
13. *Грихин В. А.* Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV—XV вв. М., 1974.
14. *Яхонтов Ив.* Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881.
15. *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, т. XIX. М. — Л., 1963.
16. *Джмитриев Л. А.* Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII—XVIII вв. Л., 1973.
17. *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1808.
18. *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М. — Л., 1937.

ПРОЕКТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ

Начало научного изучения кирилло-мефодиевского перевода Евангелия датируется 1778 г., когда И. Добровский для издания пражских отрывков латинского текста евангелия от Луки использовал также и славянские рукописи. После знакомства с рукописными собраниями Москвы и Петербурга в 1791 г. Добровский пришел к выводу, что евангельский текст у славян распадается исторически на три редакции — раннюю (*antiqua*), во главе с Галичским евангелием 1144 г., среднюю (*media*) и позднюю (*postrema*), легшую в основу печатных изданий. Эта текстологическая теория послужила основанием грандиозного труда Г. А. Воскресенского по изданию славянского евангелия от Марка по 112 рукописям. Издатель опирался также на результаты научной деятельности своих учителей А. В. Горского и К. И. Невоструева, поэтому в качестве основного списка второй редакции (*media* Добровского) он избрал Мстиславово евангелие (полный апракос XII в.), бывшее предметом многолетних исследований Невоструева, для четвертой редакции (*postrema* Добровского) он остановил свой выбор на Константинопольском евангелии 1383 г., на которое было обращено особое внимание описателей Синодального собрания [1, с. 224—227, 254—256], а между ними расположил редакцию «Нового завета святителя Алексея». Схема Добровского проглядывает и в исследовании К. Горалека [2], хотя последний вслед за И. В. Ягичем, В. Вондраком, М. Н. Сперанским, И. Вайсом последовательно разделяет по языку краткие апракосы, полные апракосы и тетры.

Начатая Ягичем разработка лексических вариантов (синонимов, дублетов) церковнославянского языка оказала существенное влияние на разработку текстологии славянского Евангелия, что отразилось в упомянутом труде Горалека и наиболее полно воплотилось в текстологической теории О. Неделькович [3]. Искусно и непротиворечиво сведя воедино результаты двухвековой научной традиции, Неделькович выделила следующие этапы в истории славянского евангельского текста до эпохи первых печатных изданий: 1) краткий апракос Кирилла и Мефодия, 2) тетр Кирилла и Мефодия, изготовленный в Моравии на основе краткого апракоса, 3) моравский апракос, подвергшийся влиянию тетры, 4) переход тетры в Преслав и Охрид, 5) возникновение полного апракоса в России в XI в., 6) формирование балканского тетры под влиянием полного апракоса, 7) редакция тетры XIV в., ставшая основой печатных изданий. Очевидно, что первые два этапа представляют собою результат логической реконструкции, третий выделен на материале Саввиной книги, четвертый — на основе Мариинского и Зографского тетров, шестой на основе таких болгарских списков, как Добромирово и Тырновское евангелия, пятый и седьмой соответствуют второй и четвертой редакциям Воскресенского, *media* и *postrema* Добровского. Таким образом, новизна этой текстологической теории заключается в том, что вместо одной нерасчлененной редакции

(antiqua Добровского) предлагается раздельно рассматривать апракос и тетра, а в истории тетра различать два главных этапа — до полного апракоса и после полного апракоса.

При современном уровне знаний эта текстологическая схема не может вызвать серьезных возражений, хотя признать ее достоверной также нет особых причин. Дело в том, что при создании ее было использовано весьма ограниченное число рукописей, а выделение редакций произведено на основании языка, точнее, лексических вариантов-синонимов (см. критику этого подхода у Л. П. Жуковской [4, с. 121—127]), а не на основании особенностей текста.

Редакция — это понятие текстологическое, заключается она в более или менее сознательной и целенаправленной переделке текста, а выражается в таких текстовых перестройках, как добавления, опущения, перестановки и замены (более серьезных перестроек текста в таком памятнике как Евангелие не бывает). Редактирование текста может быть проведено в ходе сверки одного списка с другим и соответствующей правки в тех местах, где расходятся показания списков. Редактирование переводного памятника, каково славянское Евангелие, в конечном счете всегда будет попыткой примирить противоречия, существующие в разных списках греческого оригинала и соответственно отраженные в славянских списках. Однако каким греческим разночтениям могут соответствовать такие «редакционные» славянские варианты как *кринь* — *цвѣтъ*, *нѣмь* — *гжгнивь*, *вѣцати* — *рещи*, *лжжавьи* — *неприязнь*, *царство* — *царствие* и т. п., на материале которых (и только таких и подобных им) выделены названные семь этапов в развитии славянского евангельского текста? Ясно, что греческий текст не дает повода для возникновения таких — чисто языковых — вариантов, между тем текстологические варианты (добавления, опущения, перестановки), в большинстве случаев идущие от греческих оригиналов, не учтены Неделькович; также крайне мало и крайне редко учитывались они в других славистических работах о «редакциях» славянского Евангелия. Если это вполне понятно в работе Ягича [5], писавшего историю церковнославянского языка, а не историю текстов древнейших переводов, то Горалеку при решении вопросов развития евангельского текста не следовало смешивать в одно языковые и текстовые данные, тогда как Неделькович и, например, И. Добрев [6] оперируют при рассуждениях о «редакциях» почти исключительно фактами синонимии.

Ведь если древний редактор сталкивается с таким, например, случаем, как *ковръбъ* в греческом оригинале, *неприязнь* в славянском списке, текст которого он «редактирует», а сам дает *лжжавьи*, то тут уж приходится говорить о новом переводе, потому что такое изменение не вызвано потребностью привести славянский текст в согласие с новым греческим оригиналом или устранить ошибку в переводе, что тоже входило бы в задачу редактора. Едва ли можно говорить о семи переводах греческого Евангелия на славянский язык, по методика работы Неделькович логически приводит, как кажется, именно к такому выводу.

Между тем, систематическая замена лексики при сохранении в неизменности других компонентов текста может происходить при стилистической редактуре (см. описание этого явления у Д. С. Лихачева [7, с. 135 и сл.]), но такое объяснение в данном случае также нелегко допустить, и уж конечно оно нуждалось бы в серьезном обосновании. Получается так, что каждый важный этап в истории евангельского текста у славян (введение тетра, полного апракоса, нового тетра в XIV в.) сопровождался именно стилистическим редактированием. Это не является правилом в истории других переводных памятников и крайне неуместно именно для Евангелия в связи с условиями его общественного функционирования, предполагающими особый консерватизм текста и устойчивость словоупотребления.

Текстологическое исследование памятника письменности, сохранившегося в известном числе рукописных копий, ставит своей целью создание истории текста, т. е. определение его первоначального вида, установ-

ление его последующих изменений, обнаружение причин этих изменений (см. определение задач текстологии у Д. С. Лихачева [7, с. 27]). Текстологическое исследование приводит обычно к построению стеммы — графического изображения отношений между сохранившимися списками с реконструкцией утраченных членов генеалогического ряда. В результате появляется возможность выделить список, который лучше других передает текст архетипа, и те списки, которые полнее других отражают этапы развития текста. При необходимости издания текста должны быть использованы этот список и эти списки, тогда издание получает научно обоснованный характер. Почему все это не проделано в отношении кирилло-мефодиевского перевода Евангелия-апракоса?

Древнейшие списки славянского апракоса и тетра содержат текст памятника без существенных лакун и отстоят от времени появления славянского архетипа всего на век-полтора-два, что, казалось бы, создает благоприятные условия для реконструкции архетипа, если сравнивать положение дел в области сходного греческого материала. Однако существенных успехов в реконструкции не достигнуто, потому что данные древнейших списков далеки от единодушия. Единственная доведенная до конца попытка реконструкции И. Вайса применения в славистике не нашла, критика ее длится уже полвека [8, с. 4—11]. Гораздо важнее любой реконструкции было бы критическое издание кирилло-мефодиевского перевода. Понятно, что выбор основного для издания списка мог бы колебаться между Ас, СК и ОЕ¹, но без текстологического обоснования этого выбора перед нами окажется всего лишь издание Ас, СК или ОЕ с критическим аппаратом, но не издание кирилло-мефодиевского перевода. Из каких списков брать разночтения и какие? Списков краткого апракоса XI — начала XV в. не менее 50, а с фрагментами их число может дойти до ста — это слишком большой текстологический материал, чтобы его можно было поместить в критический аппарат целиком. Следовательно, нужно найти принципы отбора списков и чтений, включаемых в аппарат. Наконец, часть краткоапракосных чтений может сохраниться в полных апракосах и тетрах и, наоборот, ряд краткоапракосных списков мог подвергнуться влиянию полного апракоса и тетра, таким образом, количество рукописей, которые необходимо в большей или меньшей степени обследовать, доходит до нескольких сот.

И все же главным препятствием на пути генеалогической стемматологии славянского Евангелия оказывается не количество списков, как бы велико оно ни было, а отсутствие «текстологических примет» — этим выразителем Д. С. Лихачев [7, с. 221 и сл.] называет устойчивую группу разночтений, по отношению к которой так или иначе распределяются наличные списки исследуемого произведения. В списках Евангелия — как апракоса, так и тетра — разночтения оказываются в самых различных сочетаниях и комбинациях, так что не поддаются никакой систематизации. Выразительную иллюстрацию этой особенности славянского евангельского текста приводит по 150 спискам Л. П. Жуковская и признает невозможным выявить какую-либо закономерность в этом хаотическом смещении разночтений [4, с. 31—50]. В свое время и А. В. Михайлов, крупнейший знаток славянского паримийного и четьего текстов кн. Бытия, также признал свое поражение при попытках выявить текстологические приметы в списках этих памятников [10, с. 352 и др.].

Эта особенность славянского Евангелия (как и некоторых других подобных текстов) является результатом его своеобразной текстологической истории. Если в обычной текстологической традиции у каждого списка, как правило, только один список-предшественник, один протограф, один «родитель», то в истории Евангелия картина иная: у большинства списков по меньшей мере два протографа и, как у людей, два «родителя», но может оказаться и больше, потому что переписчик Евангелия наряду с двумя-тремя славянскими списками мог пользоваться еще и каким-нибудь

¹ Сиглы славянских рукописей даются нами в согласии с каталогом Л. П. Жуковской [9, с. 314—322; 4, с. 355—366].

греческим списком, выбирая в ходе работы отдельные чтения из того или иного источника. В рукописной традиции Евангелия преобладают, таким образом, списки со смешанным текстом (сводные редакции). Показателем смешанного текста являются случаи слияния (conflatio) чтений. Интересен в этом отношении следующий пример: Мр XV 16 (воини ведома и́са) на дворь СК, Ас, Мст = греч. εἰς τὴν αὐλήν, вноутрь двора Конс (1383 г.) = греч. ἔτω τῆς αὐλῆς, въжтръ на дворь Марн, Зогр, ОЕ, Вук. Чтение СК, Ас, Мст передает чтение греческого апракоса [11, р. 169; 12, р. 124], тогда как чтение Конс передает чтение греческого тетра. Для чтения Марн и др. греческий оригинал отсутствует, оно между тем представляет собою соединение двух предшествующих чтений. Поскольку, однако, тетровый вариант не засвидетельствован славянскими источниками ранее XIV в., можно думать, что слитное чтение в Марн и др. восходит к не отмеченному пока в научной литературе слитному греческому чтению, или же что это чтение возникло на славянской почве при дополнении апракоса до тетра.

В качестве примера слитного чтения, возникшего на славянской почве, ср. Ио XI 9 по тетра XIV в.: не два ли на десете ни́и ъста часа в дни КМеф—21. Это чтение образовалось из двух других: не двѣ ли на десете годинѣ ъсте въ днѣи ОЕ, не два ли на десете часа ъста въ дни Мст. Как видно, форма ни́и появилась в результате искажения формы годинѣ в составе слитного чтения.

Казалось бы, слитные чтения должны быть самым обычным явлением в евангельских списках, на самом деле они встречаются редко. Расположение друг подле друга форм из разных источников, как правило, заметно меняет содержание пассажа, а ведь представление о правильности того или иного содержания в деятельности редактора-практика всегда находитсЯ на первом месте, в соответствии с этим представлением отдается предпочтение той или иной вариантной форме. Сходным образом и в списках греческого Евангелия «смещение обычно выражается заменой одного чтения другим, а не слиянием чтений» [13, р. 117]. В случае со славянским Евангелием, особенно служебным, содержание текста не извлекалось из совокупности языковых форм данного списка, а скорее вкладывалось в нее. Именно потому, как отмечает Г. Лант [14, S. 226—227], перед редактором-переписчиком не стояла задача точного копирования оригинала, его задачей являлось изготовление «правильного» текста, зачастую путем внесения перемен в копируемый оригинал. Источником таких перемен являлся прежде всего другой оригинал или другие оригиналы².

Таким образом, использование двух и более оригиналов при изготовлении списков Евангелия является проявлением сознательного контроля над «правильностью» и тем самым стабильностью текста: ведь сталкиваясь с ошибкой в одном оригинале, писец мог исправить ее по другому оригиналу. Впрочем, при отсутствии четких филологических критериев правильного и неправильного, хорошего и плохого чтения возникали условия для довольно произвольной замены того, что не нравится, тем, что нравится, а это приводило к сильному расширению текстового варьирования и беспорядочному перемещению в списках тех разночтений, которые по той или другой причине возникли в эпоху первоначального становления текста и проникали в него в последующее время. Таким образом, памятник с контролируемой текстологической традицией, каково славянское Евангелие, оказывается практически закрыт для генеалогической текстологии, на что указал в свое время П. Маас [16, S. 4]. Единственным утешением

² В отличие от нас, Г. Лант считает, что источником изменений текста были тот общий облик текста, который хранился у переписчика в памяти, и его лингвистическая компетенция, языковый вкус, определяемые также традициями данной школы и данной местности. Окончательно решить эту дилемму в ту или иную сторону можно будет лишь после проведения текстологического исследования Евангелия, о котором идет речь в настоящей статье. Отметим, однако, что очень многие варианты славянского текста находят себе соответствия в греческих текстах, и одно это значит, что возникли они путем усвоения текстологически разнородного материала, а не из головы переписчика [15, с. 96—97].

для исследователя такого памятника остается надежда на то, что при такой истории текста не теряются чтения архетипа, спонтанно и непредсказуемо появляясь в том или другом сколь угодно позднем списке [17, р. 24].

Существование контролируемой текстологической традиции было в допечатную эпоху единственным средством борьбы с естественной порчей текста и увековечением в нем стихийных и случайных ошибок. Контролируемый текст — явление широко известное в латинской и греческой письменности, средневековые рукописи которой часто восходят к древним «изданиям», положившим начало контролируемой истории того или иного памятника [18, р. XV, XVIII; 19, р. 263 и сл., 281—282]³.

Вероятно, глубже других в природу контролируемой текстологической традиции вник американский текстолог Э. К. Колвелл⁴; свои размышления на эту тему он изложил в ряде работ 60-х годов, посвященных изучению греческих новозаветных рукописей, т. е. материала, типологически и генеалогически близкого к рассматриваемому кирилло-мефодиевскому переводу.

Согласно Э. К. Колвеллу, история рукописной традиции греческого Нового завета — это история перехода от бесконтрольности к строгому контролю. И в бесконтрольный, и в контролируемый периоды возможны порча и улучшение текста, но обычно перемены, которые вносит редактор, работающий с двумя-тремя оригиналами, это улучшение на фоне предшествующей анархии. Работа редактора блокирует также дальнейшую серьезную порчу текста. В первые два-три века своего существования греческий текст Нового завета находился в условиях бесконтрольного существования. Введение христианства в качестве официальной религии в IV в. сопровождалось установлением контроля над текстом. В Александрии контроль стали осуществлять филологи, пришедшие в христианство из язычества и принешие с собою филологические навыки эллинистической эпохи, в Константинополе стабилизации текста способствовало его церковно-литургическое применение [24, р. 166—168]. Так сложились два главные текстовые типа греческого Нового завета — александрийский и константинопольский.

Понятно, что унификация текста наступила не сразу, для этого было необходимо, чтобы сменилось несколько поколений списков и старые списки с бесконтрольным текстом вышли из употребления, не являясь больше дестабилизирующим фактором. В процессе взаимовлияния списков при работе редактора по нескольким оригиналам и возникает относительно однородный и относительно стабильный текст. Близкие отношения между рукописями свидетельствуют о том, что контроль над текстом существует.

Списки текста, над которым осуществляется контроль, образуют, по терминологии Колвелла, «текстовый тип» (text-type). Это явление близко к тому, что в отечественной текстологии принято называть изводом [7, с. 141]. Если для группы рукописей, называемой семьей, можно построить генеалогическую стемму и реконструировать архетип, то для извода (текстового типа) это сделать невозможно. Извод не есть дело одного редактора, это процесс, который имеет длительное существование и в котором принимает участие значительное число редакторов. Часть рукописей, входящих в извод, образует ядро, сердцевину извода, часть рукописей

³ Таким образом, в истории контролируемой текстологической традиции кроме «вертикальных» связей между текстами в отдельных списках существуют и «горизонтальные» связи. Учет последних может предохранить исследователя от создания прямолинейно генеалогических схем на основе лингвистических данных. Так, если в тексте полного сербского апракоса восточнославянизмы представлены обширным и плотным слоем, что говорит о восточнославянских истоках полного апракоса у сербов, то едва ли правомерен вывод о восточнославянском протографе Охридского апостола на основе нескольких не очень надежных восточнославянизмов в его тексте, как это допускает П. Выходил и вслед за ним З. Гауптова [20, 21]. Вовсе не исключено, что эти несистематические восточнославянские черты могли попасть в текст по «горизонтальной» линии, т. е. при редакторской сверке нескольких оригиналов.

⁴ См. о его работах также [22, 23]. Правильно оценить некоторые положения теории Э. К. Колвелла помог нам А. И. Зайцев.

находится на периферии и не так близко примыкает к центру. Лучшие, типичные представители извода образуются через несколько поколений рукописной традиции, а это значит, что самые ранние представители его, так же как и поздние, отстоят от центра дальше, чем рукописи, находящиеся в хронологической середине традиции. Таким образом, самые ранние представители извода не являются архетипом извода, потому что извод восходит не к одной какой-нибудь рукописи, а к нескольким рукописям, которые по особенностям текста отстоят друг от друга дальше, чем рукописи, расположенные ближе к центру извода. Наконец, текст извода не может реконструирован, можно лишь определить его типичные черты [24, р. 10—11; 16, 53—54, 162—163].

По всей видимости, эта концепция глубоко исторична и предлагает адекватное изображение истинного положения дел, подтверждением чего служит ряд конкретных исследований (впрочем, пока еще ограниченного размера) греческого рукописного материала, проведенных самим Колвеллом и некоторыми из его последователей [25, 26]. Применимость этой концепции к материалу славянского Евангелия обеспечивается принципиальным типологическим сходством структурных и функциональных характеристик греческого и славянского памятников. Отсутствие текстологических примет, наличие большого числа списков со смешанным текстом, что является проявлением контролируемой текстологической традиции (об этом речь шла выше), сочетается в истории славянского евангельского текста с очевидным движением текста от меньшей стабильности к большей, что впервые было отмечено еще Горским и Невоструевым [1, с. 291—292] и что можно понимать, в согласии с Колвеллом, как естественное историческое развитие извода.

Действительно, если в 45 стихах XI главы Евангелия от Иоанна, читаемого в Лазареву субботу, между двумя древними списками краткого апракоса Ас и СК — 63 расхождения в тексте, то число расхождений у каждого из них с ОЕ меньше: у Ас — 50, у СК — 46. Это статистическое соотношение можно, вероятно, понимать как свидетельство стабилизации текста апракоса⁵. Когда возникает новый текстовый тип — полный апракос, ситуация повторяется вновь, и между ранними его представителями расхождение оказывается больше, чем у каждого из них с ОЕ, ср. Вук: Мст — 54, Вук: ОЕ — 53, Мст: ОЕ — 40. Как видно, в истории евангельского служебного текста X—XII вв. ОЕ, находясь в хронологическом центре, занимает среднее положение и по качеству своего текста. Происхождение разночтений, проникших в древнейшие списки славянского Евангелия, представляет собою особую проблему, касаться которой мы сейчас не будем (см. по этому поводу [27]), тогда как меньшая стабильность текста в первые два века его существования может объясняться тем, что в начальную эпоху было недостаточное количество евангельских списков, так что их взаимное влияние друг на друга, а значит, унификация текста не могли осуществляться так интенсивно, как в период XI—XIII вв., когда число списков резко увеличилось.

Очевидно, что при правильной постановке задач текстологического исследования рукописного материала изложенная концепция может получить практическое подтверждение или же быть отвергнута как ложная. Задачей, которая органически вытекает из данной текстологической концепции, является установление текста извода (текстового типа) через определение среднего, типичного, наиболее характерного списка, в котором с наибольшей полнотой были бы представлены типичные текстовые особенности извода. Будучи положен в основу издания, такой список даст представление о среднем нормальном тексте памятника, он может также послужить отправной точкой и базой для выяснения вопросов истории текста и особенностей его архетипа.

Следующая задача — это попытка выделить среди массы списков, образующих извод, группы списков, более близких друг другу по харак-

⁵ Соотношение между древними тетрами и ОЕ иное, но там и типологическое различие текстов очень велико (ср. Зогр: Мари — 32, Зогр: ОЕ — 41, Мари: ОЕ — 34).

теру своего текста. Постановка такой задачи возможна потому, что обращение списков внутри замкнутых политических и административно-юридических областей происходило, как это нетрудно предположить, более интенсивно, чем переход списков через границы этих областей. Таким образом, типичные текстовые особенности памятника могут оказаться несколько различны в той или другой местности. Для первых веков славянской письменности такими замкнутыми областями были, вероятно, Болгария, Сербия, Галицко-Волынская и Новгородская земли. Понятно также, например, что в XV—XVI вв. на восточнославянской территории обращение списков происходило более интенсивно внутри областей Московской митрополии (Москва и Новгород), с одной стороны, и Киевской митрополии (Украина, Белоруссия, Литва), с другой. Выделение более тесных текстологических групп позволит определить те списки, которые должны послужить источником разночтений для критического издания, вместе с тем, это будет уже верный шаг на пути создания научной истории текста.

Колвелл предложил и метод для определения типичного списка и выделения текстовых групп. Метод основан на подсчете общих и различающихся чтений между всеми списками попарно, но в отличие от других статистических методов статистика Колвелла имеет ряд особенностей, которые делают ее действительно текстологической статистикой. Сущность ее заключается в следующем.

На выбранном для обследования отрезке текста выделяются все места, где показания рукописей расходятся между собой. Эти места названы *variation-units*, что можно было бы удобно обозначить как «узлы разночтений». За исключением узлов разночтений текст в рукописях вполне тождествен. Число узлов разночтений всегда больше, чем число расхождений между любой парой рукописей в отдельности [24, р. 97]. На установленном количестве узлов подсчитывается число общих чтений между каждой парой рукописей. Полученная цифра переводится в процентное отношение, что позволяет сопоставлять данные полных списков и списков с лакунами. Положим, при десяти списках на выбранном отрезке текста определено 100 узлов разночтений, у списков А и В оказалось на этом количестве узлов 40 расхождений и 60 общих чтений, таким образом степень близости между ними определяется в 60%. Как видно, методологическим достоинством этой статистики является то, что она опирается не на подсчет общих ошибок, не на подсчет расхождений, а на статистику общих элементов текста в привлекаемых к обследованию источниках.

Индивидуальные чтения рукописей, т. е. такие узлы разночтений, в которых особое чтение содержит всего лишь одна рукопись, в расчет не принимаются. Действительно, индивидуальные чтения текстологически irrelevantны: они ничего не говорят об отношении рукописей между собой. Вместе с тем, индивидуальные чтения должны быть предметом изучения текстолога: во-первых, их количество и качество является важной характеристикой рукописи, в которой они находятся (списки с большим числом индивидуальных чтений возникают обычно в результате индивидуальной редакторской работы), во-вторых, при решении вопросов реконструкции истории текста и архетипа значение индивидуальных чтений может быть так же велико, как значение типовых чтений.

С увеличением числа списков, охваченных исследованием, растет число узлов разночтений в границах выделенного отрезка текста: этот рост происходит за счет того, что все новые индивидуальные чтения теряют свою уникальность по мере того, как обнаруживаются списки с тождественными чтениями. При этом изменяются показатели, характеризующие степень текстологической близости списков. Ведь при увеличении числа списков и, соответственно, числа узлов разночтений на данном отрезке текста число расхождений между списками А и В в вышеприведенном примере в общем останется прежним⁶. Если, скажем, при ста списках

⁶ Число расхождений может измениться вот каким образом: то или другое индивидуальное чтение списка А находит себе поддержку во вновь привлеченных списках и как полноценный узел разночтений принимается во внимание, но его не разделяет список В.

число узлов разночтений удвоится и их станет 200, то близость списков А и В при прежних 40 расхождениях будет уже составлять 80%. Это значит, что лишь при полном охвате всей рукописной традиции памятника может быть установлена реальная картина текстологических отношений между сохранившимися списками. При частичном охвате рукописного материала отбор должен быть обоснован историей текста, носить принципиальный и неслучайный характер. Колвелл демонстрирует свой метод на десяти списках греческого Евангелия, о которых наука располагает достаточно полными сведениями: совпадение результатов исследования,

Таблица

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Погод. 227	. 98	91	81	64	52	56	48	40	35	35	33	
2	Волок. 13	98	. 94	81	64	51	56	46	40	36	35	33	
3	Погод. 87	91	94	. 78	61	50	51	42	40	34	36	36	
4	ОИДР 171	81	81	78	. 81	61	63	54	49	44	43	42	
5	ГБ	64	64	61	81	. 70	67	69	46	43	44	45	
6	Ундольск. 1а	52	51	50	61	70	. 80	75	63	44	34	34	
7	Солов. 807	56	56	51	63	67	80	. 75	63	41	36	35	
8	Чудовск. 8	48	46	42	54	69	75	75	. 69	52	46	46	
9	Академич. 127	40	40	40	49	46	63	63	69	. 52	57	51	
10	Троицк. 730	35	36	34	44	43	44	41	52	52	. 75	73	
11	Ундольск. 16	35	35	36	43	44	34	36	46	57	75	. 94	
12	Погод. 1	33	33	36	42	45	34	35	46	51	73	94	. 94

Примечания: 1. По горизонтали и вертикали в одном и том же порядке расположены данные двенадцати списков XIII — XVI вв. Каждая цифра, таким образом, фигурирует в таблице дважды.

2. Цифры обозначают процент общих чтений. Для большинства списков данные приведены на основе ста узлов разночтений (в объеме первых четырех глав Песни песней), для списков Чудовск. 8, Ундольск. 16, Погод. 1 вследствие лагун таких узлов 85. Эти цифры для наглядности примера несколько округлены.

3. Список ОИДР 171 (ГБЛ) относится к XIII в., Чудовск. 8 (ГИМ) — к XIV в., остальные — к XV — XVI вв. ГБ обозначает Геннадиевскую библию 1499 г. (ГИМ, Синопольный 915). В Ундольск. 1 содержится два разных текста (а, б). Из анализа исключены 7 списков XV — XVI вв., представляющих собою копии тех списков, которые включены в таблицу, а также 11 списков XVII — XVIII вв., которые, во-первых, не имеют таких текстологических признаков, которые бы не были известны из более ранних списков, а во-вторых, часто правлены по Острожской Библии 1589 г.

4. В ГБ — 15 индивидуальных чтений, в Ундольск. 1а — 10, в остальных списках — не более пяти.

5. Сплошными линиями обведены текстовые группы списков, пунктирными — периферийные члены групп. По мнению Колвелла, показателем не столько процент общих чтений внутри группы (группа может быть диффузная), сколько разрыв группы с ближайшим окружением, который должен составлять не менее 10%.

предприятного Колвеллом, с тем, что уже известно о текстологических отношениях между этими списками, служит, таким образом, доказательством надежности предложенного метода. Не располагая соответствующим славянским материалом, мы демонстрируем применение этого метода на тексте Песни песней, перевод которого был выполнен у восточных славян в конце XII в. и сохранился в 30 списках XIII—XVIII вв. ?

Истолкование данных таблицы:

1. Поскольку охвачены все основные списки текста, то данные таблицы могут быть истолкованы применительно к истории текста. Выделяются четыре группы списков с промежуточными между ними рукописями. Сопоставление с греческим текстом показывает, что наибольшей текстологической ценностью обладает группа списков 6—7—8.

2. Текстологические отношения рукописей могут не совпадать с их генеалогическими отношениями. Так, анализ чтений показывает, что группа списков 1—2—3 восходит к тому тексту, какой представлен в списке 4, о чем нетрудно догадаться по проценту общих чтений у каждого списка группы 1—2—3 со списком 4. Однако и группа 11—12 восходит к тому

? Подробный разбор этого перевода с текстологическим анализом рукописного материала мы подготовили к публикации в одном из ближайших томов «Трудов Отдела древнерусской литературы».

же тексту, что уже не видно из цифровых отношений. Следовательно, статистический метод позволяет обнаруживать естественную группировку рукописей, тогда как установление генеалогических отношений выходит за пределы его непосредственных возможностей.

Чтобы показать, как появляется при подобных подсчетах противоречие между текстологической группировкой рукописей и их генеалогическими отношениями, ограничимся одним лишь примером из славянского Евангелия, где в стихе Мр XV 16 (6-е Страстное евангелие) рукописи дают два вариантных чтения — (воини) ведоша и: ведоша *иса*. Первое из них с дополнением *и* соответствует чтению греческого тетра *στρατιῶται ἀκούσαντες αὐτόν*, тогда как вариант с именем собственным представляет собою типичное чтение греческого апракоса [12, р. 124]. Однако в таких апракосах, как ОЕ, КМ—111 (XIV в.), вариант *и* представляет собою не усвоенное тетрового чтения, как можно было бы думать, а объясняется из контекста, включающего в себя причастный оборот, ср. в ОЕ: воини имъше *иса* ведоша и. Чтение с причастным оборотом в кратких греческих и славянских апракосах в составе 6-го Страстного евангелия отсутствует, зато в этой форме оно читается в полных апракосах, как греческих [12, р. 115], так и славянских (см. Мст 1166) в составе стиха Мр XV 20 в мясопустную пятницу, откуда оно, очевидно, и было усвоено частью кратких апракосов. Так, разные по своему происхождению употребления местоимения *и* при статистике оказываются объединены и противопоставлены имени *иса*.

3. Анализ чтений списков 9 и 10 показывает, что текст в этих списках, восходя генетически к тексту, представленному в группе 11—12, был правлен по тексту группы 6—7—8. Точно так же смешанного состава текст в ГБ: генетически он восходит к тексту, представленному в списке 4, но претерпел правку по тексту группы 6—7—8. Вероятно, внешним показателем смешанного текста при статистическом исследовании по методу Колвелла является сопоставимый процент общих чтений у списка со смешанным текстом и списков, входящих в различные текстологические группы, а также промежуточное положение такого списка в итоговой таблице. Установление смешанного текста (сводной редакции) является важным и трудным вопросом генеалогической текстологии, поэтому возможность использовать статистическую методику Колвелла для решения этого вопроса придает ей особую ценность.

4. Наиболее типичный текст Песни песней представлен, как видно из таблицы, в ГБ, где соединились две главные разновидности текста. При необходимости публикации среднего текста список ГБ может быть положен в основу издания, тогда как ведущие списки текстовых групп могут служить источником для критического аппарата.

5. Песнь песней не относится к памятникам с контролируемой текстологической традицией, так как из 12 основных списков всего в трех обнаруживается смещение текста (сводная редакция). Поэтому, вероятно, так четко выделились текстовые группы в рукописной традиции памятника и так легко оказалось перейти от интерпретации текстологических отношений к установлению генеалогических отношений и построению истории текста.

6. Наконец, из характера наших комментариев к таблице видно, что статистический метод Колвелла не является новым текстологическим методом, он лишь служит первым шагом на пути текстологического анализа, который после выделения на основе статистики текстовых групп должен, во-первых, подтвердить правильность статистических результатов анализом отдельных чтений, и во-вторых, на всех дальнейших этапах исследования опираться только на анализ разночтений в смысле их достоверности, выводимости одного из другого, соответствия их чтениям греческого оригинала и т. д.

Статистические подсчеты как средство текстологической оценки списка проводились на материале греческого Евангелия несколько десятилетий (при этом в качестве эталона, по отношению к которому статистически оценивались отдельные рукописи, выступал *Textus receptus*, т. е. издав-

ный в 1516 г. Эразмом Роттердамским текст Нового завета), прежде чем Колвелл не пришел к мысли о необходимости отказаться от эталона и сравнивать списки друг с другом. Это и повлекло введение других новшеств: выделение узлов разночтений, исключение из подсчета индивидуальных чтений. Насколько менее показательными оказываются текстологические результаты при статистической оценке списка в отношении эталона, можно увидеть на вышеприведенной таблице, если ограничиться данными только одной строки. Правильная картина не будет искажена разве что по отношению к ГВ, являющемуся действительно средним списком. На самом же деле при сопоставлении с эталоном результаты будут еще беднее и пестрее, потому что цифры настоящей таблицы получены после исключения индивидуальных чтений и перевода абсолютных цифр в сопоставимые процентные отношения.

Как видно из таблицы, при сплошном взаимном соотнесении списков друг с другом конечные результаты подсчетов определенным образом отражают качество вариантных чтений. Например, четыре первые списка и три последние вполне тождественно соотносятся с Чудовск. 8, но, как видно из таблицы, они обладают текстом различного качества, что и не укрылось от статистики по методу Колвелла. При использовании эталона качественные различия между списками оказались бы не выявлены. Таким образом, методу Колвелла не может быть адресован основной упрек, предъявляемый статистико-текстологическим методам, в игнорировании качества чтений.

На тексте какой величины нужно проводить статистические сопоставления? Мысль о том, чтобы изучаемые списки брались в полном объеме текста, оказывается неудовлетворительна не только из-за практической трудности справиться с объемом Евангелия или Евангелия-апракоса, но прежде всего потому, что в большинстве случаев характер текста на протяжении списка может меняться, так что один и тот же список в разных своих частях оказывается в разных текстологических отношениях с другими списками. Следовательно, списки должны сопоставляться между собою по частям, для Евангелия-апракоса это, естественно, будут зачала, т. е. отрезки текста, читаемые в богослужении за один раз. Чем больше таких сопоставляемых отрывков, тем лучше, потому что легче будет обнаружить швы, в которых меняется характер текста, но для первичного обследования достаточно, вероятно, будет взять по одному отрезку из начала, середины и конца каждой рукописи или по одному отрезку из каждого евангелиста и так, чтобы они находились на известном расстоянии друг от друга. Величина отрезка должна быть такова, чтобы статистика оказалась достаточно выразительна (не менее ста узлов разночтений, полагает Колвелл).

Возникает также вопрос, что считать и что не считать. Общий ответ на него таков: те индивидуальные особенности списка (каково бы ни было их происхождение), которые возникают в списке независимо от непосредственного протографа, не должны приниматься в расчет, потому что они ничего не говорят о текстологических отношениях между списками. Таким образом, при анализе славянского материала нужно отказаться, во-первых, от учета орфографических различий, поскольку орфография списка связана прежде всего с навыками писца, а не с орфографией протографа, и, во-вторых, от учета целого ряда лингвистических явлений, возникающих в списках в ходе обновления языка и разрушения первоначальной нормы старославянского текста. Сюда относятся колебания в передаче падежных окончаний имен, в передаче окончаний причастий (-ще, -щи и т. п.), реже внедрение перфекта без связки на месте аориста, замеса аориста бѣ на имперфект бѣше, ряд морфологических колебаний. Для полного определения совокупности лингвистических элементов, подлежащих учету, нужно обследование орфографии и языка каждого отдельного списка на фоне аналогичных черт всех других вовлеченных в исследование списков.

По мнению Колвелла, не должны приниматься в расчет также общие грубые ошибки, поскольку в условиях контролируемой текстологической

традиции они быстро привлекают к себе внимание редакторов и устраняются из текста, так что при их учете мы фиксируем самые короткие генетические связи [24, р. 102], ср. [18, р. XVI]. Эта здоровая в принципе идея, представляющая собою убедительный ответ на порочный метод «общих ошибок» К. Лахмана, находится, однако, в пределах методики Колвелла в противоречии с тем принципом, что все другие чтения, общие только двум спискам, в расчет принимаются и учитываются, — они, между тем, также говорят лишь о самых коротких генетических линиях.

Напротив, нет возможности отказаться от подсчетов строевых элементов текста, таких как союз и местоимение *и*, частицы *же*, *бо*, *оубо* и т. п. Несмотря на то, что они, по всей видимости, легко прибавлялись и опускались, сравнение евангельских списков показывает известную закономерность в их употреблении. Например, вполне регулярный характер носит вариантное чередование *же* в постпозиции с *и* в препозиции, ср. Мф XIV 30 видѣ же вѣтрѣ крѣпкѣ ОЕ: и видѣ вѣтрѣ крѣпкѣ Пл (краткий апракос, XIII в.); Ио XI 39 гла же иіс ОЕ: и гла иіс Вук (встречается, впрочем, гла иіс Марк, Мст).

Как раз на употреблении союзов и частиц легче наблюдать слитные чтения, возникающие при использовании двух оригиналов. Ср. Мф XIV 31 абие же иіс ОЕ: и абие иіс КМеф-21: и абие же иіс АБ-5; Лк VIII 30 въпроси же иіс КМеф-466: и въпроси иіс КМеф-22: и въпроси же иіс КМеф-844; Ио XI 31 иоудеи же ОЕ: иоудеи оубо КМеф-461: иоудеи же оубо Рила-9; Ио XI 41 възаша же камень ОЕ: и възаша камень Пл: и възаше же камень КМеф-470. Примеры такого рода можно умножить. Они говорят о том, что по крайней мере в отдельных случаях союзы и частицы выступают как текстологические признаки и воспринимались как таковые писцами евангельских рукописей.

Нужно заметить, что на долю частиц, союзов и указательных местоимений приходится немалое число случаев из общего числа узлов разночтений. Например, для зачала Мр XV 16—32 (6-е Страстное евангелие) по 30 спискам XI—XV вв. статистика узлов разночтений такова: изменение в порядке слов — 8, целостная перестройка пассажа — 8, замена глагола причастием и наоборот — 8, прибавка или опущение значащего слова или словосочетания — 16, прибавка или опущение строевых элементов текста — 26, замена одного слова другим — 30. Как видно, четверть всех перемени приходится на колебания в передаче строевых элементов, значит, игнорирование этого материала может дать искаженные представления об отношении между списками. Не исключено, что строевые элементы текста больше связаны с «вертикальной» линией развития текста, чем с горизонтальной. Такие значащие разночтения, как *и҃терь*: *и҃динь*: *и҃ткто*, *градѣць*: *градь*: *вьсь*, глагола: *рече*, *година*: *чась* и т. п. должны естественно привлечь внимание редактора, сравнивающего два текста, и заставить его сделать выбор в пользу одного из вариантов, тогда как менее приметные расхождения между строевыми элементами могут игнорироваться, так что строевые элементы либо остаются в относительной неизменности, либо сводятся в составе слитных чтений.

Наконец, и выделение узлов разночтений требует известной осмотрительности и расчета. Узел разночтений как текстологическая единица не должен отождествляться с лингвистической единицей, так что одним узлом может оказаться как простая замена *же* на *бо*, так и сложная перестройка текста, в которую вовлечен целый ряд лингвистических форм. Так, стих Лк VIII 51 не да възнѣти съ собож никомоуже тѣкмо Петроу и Иоанноу и Искувою и оѣоу отроковици и матери ОЕ имеет и такую редакцию как не остави ни единаго внѣти тѣкмо Петра и Иоанна и Иакова и оѣа отроковици и мтерь КМеф-24. Понятно, что вся перестройка пассажа связана с заменой *да* на *остави* и должна рассматриваться как один узел.

Стих Ио XI 32 возможен в рукописях в четырех текстовых вариантах: (а) мои братъ оумьрль, (б) братъ мои оумьрль, (в) оумьрль мои братъ, (г) оумьрль братъ мои. Можно считать эти четыре варианта различными формами одного узла разночтений, но можно тут выделить два узла:

1) моя братъ : братъ мои, 2) S оумърль : оумърль S, где через S (= *subjectum*) обозначено сочетание слов *мои* и *братъ* независимо от их порядка. Текстологические отношения между рукописями, в которых эти чтения встречаются, оказываются различны в зависимости от того или иного решения: в первом случае все рукописи располагаются на одинаковом расстоянии друг от друга, во втором случае чтения (а) и (г) оказываются дальше друг от друга, чем от чтений (б) и (в). Предпочтение, конечно, должно быть отдано второму решению, т. е. должны быть выделены два узла и тем самым учтены естественные колебания в оформлении синтаксической связи между определяемым и определителем, между подлежащим и сказуемым. Вместе с тем понятно, что адекватное решение таких вопросов возможно не во всех случаях, так что следует определить ту степень погрешности, которая возникает в ходе подготовки материала и обработки его по этой статистической методике.

Итак, славянское Евангелие представляет собою текст с контролируемой текстологической традицией, закрытый для непосредственного изучения генетических отношений между отдельными его списками и для реконструкции его текстологической истории. Текстологическая задача, которая стоит перед исследователем славянского Евангелия, заключается вследствие этого в нахождении среднего, типичного списка, который давал бы представление о среднем, типичном тексте памятника в известную эпоху его существования. Метод нахождения среднего списка состоит в сравнении между собой всех привлекаемых к исследованию списков с подсчетом для каждой пары в отдельности процента общих чтений. В результате такого обследования евангельских рукописей кроме наиболее типичного по своему тексту списка могут выделиться более тесные группировки рукописей, сложившиеся в разные исторические периоды и в разных политико-административных областях. Найденный средний список может быть положен в основу издания, центральные списки выделенных групп явятся базой для создания критического аппарата.

Вместе с тем, выделение группировок рукописей может создать условия для того, чтобы рассмотреть отношения между ними в историко-генетическом плане, т. е. заняться текстологической историей памятника. Дело в том, что выделение группировок списков существенно упрощает нахождение тех чтений, которыми противопоставлены текстовые группы друг другу, и это откроет путь качественного анализа чтений и установления генетических отношений между группами. Коль скоро будет исследована текстологическая история памятника, то реальной окажется и задача реконструкции архетипа. Поскольку первоначальный перевод Кирилла и Мефодия был переводом Евангелия-апракоса и поскольку реконструкция именно этого перевода представляет собою конечную цель текстологического исследования славянского Евангелия, постольку в результате выделения и идентификации специально апракосных (служебных) чтений в славянском рукописном материале появится возможность дать текстологическую оценку доступных выделению группировок рукописей и в вопросах реконструкции опираться на показания той из них, которая в наибольшей степени сохранила апракосные (служебные) варианты чтений⁸.

При такой постановке задач материалом исследования оказываются все списки краткого апракоса XI — начала XV в. Кроме того, текстологическому анализу должны быть подвергнуты и немногочисленные списки сверхкраткого апракоса, а также весьма многочисленные списки полного апракоса и тетра, относящиеся к этой хронологической эпохе, поскольку в процессе переписки происходило взаимовлияние разных типов текста друг на друга. Оформившийся в XIV в. новый правленный тетр (*postrema* Доброского, редакция «Г» Воскресенского) представляет собою особый извод (текстовый тип), который является вторичным и косвенным свидетелем кирилло-мефодиевского перевода, тем не менее несколько рукописей этого типа (во всяком случае Константинопольское евангелие 1383 г.)

⁸ О различии тетровых и апракосных (служебных) чтений было кое-что сказано выше, подробнее см. об этом [23].

должны быть обследованы.

Сто списков образуют между собою 4950 пар, при обследовании каждого списка по трем-четырем отрезкам текста количество пар соответственно увеличится. При охвате пятисот списков необходимо будет провести свыше ста тысяч расчетов. Долгие годы уйдут на коллажи рукописей в древлехранилищах СССР и славянских стран, на подготовку материалов для машины, на обработку и интерпретацию полученных после пересчетов данных. Однако уклониться от этой задачи нельзя—об этом говорит двухсотлетний опыт изучения текстологических проблем славянского Евангелия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное писание. М., 1855.
2. Hořálek K. Evangeliáře a čtveroevangolia. Praha, 1954.
3. Неделъковий О. Редакције старословенског јеванђела и старословенска синонимика.— В кн: Кирил Солунски: Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Кн. 2. Скопје, 1970, с. 269—279.
4. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
5. Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2te Ausg. Berlin, 1913.
6. Добрев И. Текстът на Добромирското Евангелие и втората редакция на старобългарските богослужбени книги.— Български език, 1979, № 1, с. 9—21.
7. Лизачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 2-е. Л., 1983.
8. Алексеев А. А. О греческой основе славянских библейских переводов.— Старобългаристика, 1984, № 1, с. 3—22.
9. Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их.— В кн.: Памятники древнерусской письменности. М., 1968, с. 199—332.
10. Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Часть I. Паримейный текст. Варшава, 1912.
11. Lake K., Lake S. The Text of Mark in Some Dated Lectionaries.— In: Amicitiae corolla. A Volume of Essays Presented to J. R. Harris/Ed. by H. G. Wood. London, 1933, p. 147—183.
12. Prolegomena to the Study of the Lectionary Text of the Gospels/Ed. by E. C. Colwell, D. W. Riddle. Chicago, 1933.
13. Colwell E. C. Genealogical Method: Its Achievements and Its Limitations.— Journal of Biblical Literature, v. 66 (1947).
14. Lunt H. G. One Translation or Two? On the Suprasliensis and Related Sborniki.— Die Welt der Slaven, N. F., Bd. VII/2 (1983), S. 225—249.
15. Алексеев А. А. Принципы историко-филологического изучения переводческого наследия Кирилла и Мефодия.— Советское славяноведение, 1984, № 2, с. 94—106.
16. Maas P. Textkritik.— In: Einleitung in die Altertumswissenschaft/Hrsg. von: A. Gercke und E. Norden. Bd. I, Ht. 2. Leipzig — Berlin, 1927.
17. Zuntz G. A Textual Criticism of Some Passages of the Acts of the Apostles.— Classica et mediaevalia, v. 3 (1940).
18. Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Seconda ed. Firenze, 1962.
19. Zuntz G. The Text of the Epistles. A Disquisition upon the Corpus Paulinum. London, 1953.
20. Vyskočil P. Rusismy v apostoláři Ochridském.— Slovo, v. 30 (1980), s. 7—14.
21. Хаунтова З. Древнейший славянский перевод текста Апостола.— Старобългаристика, 1984, № 1, с. 60—61.
22. Логачев К. И. Проблемы критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции.— Советское славяноведение, 1982, № 5, с. 66—73.
23. Алексеев А. А. Греческий лекционарий и славянский апракос.— In: Litterae slavicae aevi medii. München, 1984.
24. Colwell E. C. Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament. Leiden, 1969.
25. Epp E. J. The Twentieth Century Interlude in New Testament Textual Criticism.— Journal of Biblical Literature, v. 93 (1974), p. 386—414.
26. Fee G. D. Codex Sinaiticus in the Gospel of John: A Contribution to Methodology in Establishing of Textual Relationships.— New Testament Studies, v. 15, (1969), p. 23—44.
27. Алексеев А. А. Лексическое варьирование и текстология.— В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов, М., 1984, с. 57—58.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ф. Г. ЗУЕВ. Социалистическое содружество и разрядка в Европе. Исторический опыт политической разрядки второй половины 60-х—первой половины 70-х годов. М., 1984, 335 с.

В современной сложной и напряженной международной обстановке, возникшей по вине агрессивных империалистических кругов, возглавляемых авантюристической администрацией США, как никогда остро стоит вопрос об избавлении человечества от угрозы мировой термоядерной войны. Это обязывает Советский Союз, братские социалистические страны, всех честных людей на земле удваивать и утраивать усилия, направленные на сохранение и упрочение мира. «Эта ленинская политика мира, — заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, — основные черты которой на современном историческом этапе определены решениями последних съездов КПСС, отвечает коренным интересам советского народа, да, в сущности, и других народов мира. И мы решительно заявляем: от этой политики мы не отступим ни на шаг» [1].

Реакционные империалистические силы пытаются перечеркнуть все то положительное, что было накоплено народами в годы разрядки напряженности, какими были 70-е годы, выбросить из лексикона само слово разрядка. Поэтому изучение проблем становления и развития разрядки напряженности в указанные годы приобретает особую политическую и научную актуальность. В истории этой борьбы — перспективы развития человечества. «По нашему глубокому убеждению, 70-е годы, прошедшие под знаком разрядки, — говорил Ю. В. Андропов, — не были, как утверждают сегодня некоторые империалистические деятели, случайным эпизодом в трудной истории человечества. Нет, политика разрядки — отнюдь не пройденный этап. Ей принадлежит будущее» [2].

Рецензируемая монография посвящена историческому опыту борьбы Совет-

ского Союза и других стран социалистического содружества за разрядку международной напряженности в Европе и мирное сотрудничество европейских государств. В ней освещается инициативная политика этих стран со второй половины 60-х годов до подписания в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В основу монографии положены документы и материалы съездов и пленумов КПСС и братских коммунистических и рабочих партий, Организации Варшавского Договора, выступления руководителей стран социалистического содружества, дипломатические документы. В качестве важного источника привлечена пресса. Автором использованы научные выводы советских и зарубежных исследователей проблем разрядки.

Раскрывая впечатляющую картину борьбы Советского Союза и других стран социалистического содружества за разрядку напряженности в Европе, автор акцентирует внимание на тех трудностях и преградах, которые создавались врагами разрядки. В книге показан различный подход к вопросам разрядки со стороны руководящих кругов Запада, их корыстные эгоистические цели.

Темы разрядки во многом зависели от состояния советско-американских отношений. На неоднократно выражавшуюся готовность Советского Союза нормализовать и улучшить их американский империализм отвечал агрессивностью. В то же время в монографии нашла отражение тенденция некоторых кругов в США к реалистическому подходу к проблеме американско-советских отношений, которая стала обнаруживаться с середины 60-х годов.

Социалистические страны разработали и выдвинули в Бухарестской декларации 1966 г. программу разрядки напряжен-

ности и мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Это была программа на длительную перспективу. Начав мирное наступление, страны социалистического содружества все вместе и каждая в отдельности преворили эту программу в жизнь.

Во второй половине 60-х годов главные усилия стран социалистического содружества были направлены на поиск путей улучшения отношений с капиталистическими странами. Важную роль в этом играли политические контакты, расширение экономических отношений, рост доверия, достижение соглашений по некоторым аспектам ограничения испытаний ядерного оружия и его нераспространения.

Большую роль в разрядке напряженности в Европе играло движение миролюбивых сил. В 60-е годы произошло такое накапливание позитивных изменений в различных сферах отношений между государствами двух социальных систем, которые позволили приступить к решению крупных общеевропейских проблем.

С начала 70-х годов начался новый этап разрядки напряженности в Европе. Главные усилия Советского Союза и других стран социалистического содружества были направлены на урегулирование германской проблемы. Они добивались нормализации отношений с ФРГ на основе признания последней сложившихся в Европе территориальных и политических реалий и прежде всего полного и безоговорочного признания ГДР.

В процессе урегулирования германской проблемы созрели условия для проведения общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, борьбу за созыв которого социалистические страны вели на протяжении всего рассматриваемого периода.

Третий этап связан с Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. XI, январь 1956 г. — декабрь 1960 г. М., 1983, 604 с.

Очередной том содержит 333 документа и материала, характеризующих советско-польские экономические, культурные, внешнеполитические отношения во второй половине 50-х — начале 60-х годов. Часть документов ранее публиковалась, многие же опубликованы впервые и взяты из десяти советских и вось-

Благодаря усилиям стран социалистического содружества Совещание успешно завершило свою работу подписанием в Хельсинки Заключительного акта в 1975 г.

Во введении и в заключении автор подчеркивает, что осязаемый прогресс в развитии международных отношений, достигнутый в 70-е годы, ныне поставлен под угрозу. Программа Мира на 80-е годы, выдвинутая XXVI съездом КПСС, уделяет особое внимание проблемам безопасности в Европе. Размещение новых американских ракет в ряде стран Западной Европы усилило угрозу делу мира. В то же время генеральная линия Советского Союза и стран социалистического содружества, направленная на сохранение и упрочение мира, остается неизменной. «Советский Союз, — сказал К. У. Черненко, — всегда был за поиск взаимоприемлемых практических решений конкретных вопросов на пользу обеим странам, на пользу миру». Что касается Европы, то «мы по-прежнему за то, чтобы она была свободна от ядерного оружия — и средней дальности, и тактического. Мы за то, чтобы обе стороны, не теряя времени, сделали первый крупный шаг в этом направлении. При этом Советский Союз не намерен укреплять свою безопасность за счет других, а хочет равной безопасности для всех» [3].

Монография Ф. Г. Зуева несомненно является заметным явлением в советской историографии разрядки напряженности.

Павленко Г. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС. 13 февраля 1984 г. М., 1984, с. 17—18.
2. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. Изд. 2-е. М., 1983, с. 216.
3. Правда, 1984, 3 III.

ми польских архивов. Издание, как известно, осуществляется АН СССР и ПАН. Координаторами выступают: с советской стороны — Институт славяноведения и балканистики, с польской — Институт социалистических стран. В издании участвуют Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главное ар-

хивное управление при Совете Министров СССР, Историко-дипломатическое управление МИД СССР, Институт рабочего движения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП, Главная дирекция государственных архивов ПНР, Департамент архива МИД ПНР.

1956—1960 гг., как отмечают составители тома, ознаменовались большими достижениями в строительстве социализма в СССР и ПНР, в развитии их экономики, культуры. Важную роль в этом процессе, в обеспечении безопасности обеих стран играли укреплявшиеся дружественные связи между ними. Основанное на принципах марксизма-ленинизма и идейном единстве КПСС и ПОРП, общности интересов советского и польского народов сотрудничество между СССР и ПНР в эти годы продолжало расширяться и углубляться в рамках двусторонних и многосторонних отношений.

Опубликованные в рецензируемом томе документы и материалы раскрывают интернационалистический характер, формы и масштабы всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и народной Польшей, его важное значение для социального и культурного прогресса обеих стран.

В опубликованных документах раскрываются связи и сотрудничество между КПСС и ПОРП, СССР и ПНР на международной арене вообще и в рамках социалистического содружества — в частности. КПСС и ПОРП принимали участие в совещаниях коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг., в выработке программных документов международного коммунистического движения. Руководствуясь принципами социалистического интернационализма, они внесли свой вклад в решение проблем развития социалистического содружества.

Документы и материалы, включенные в том, убедительно показывают, что в эти годы получили дальнейшее развитие дружественные связи между КПСС и ПОРП на всех уровнях и во многих областях партийной деятельности. Обмен партийными делегациями, опытом работы, обсуждение актуальных вопросов социалистического строительства и другие формы сотрудничества братских партий укрепляли их взаимодействие и содействовали решению стоящих перед ними задач.

В томе важное место занимают документы, характеризующие взаимовыгод-

ное экономическое сотрудничество между СССР и ПНР. В эти годы были подписаны соглашения о предоставлении Советским Союзом кредитов Польше, об оказании ей помощи в строительстве промышленных предприятий, в развитии нефтяной и газовой промышленности и других отраслей хозяйства, добыче медной руды, соглашение о строительстве нефтепровода «Дружба». Польша поставляла в СССР комплексное оборудование для предприятий пищевой и строительной промышленности. В широких масштабах осуществлялась деятельность Советско-Польской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Обе страны приступили к осуществлению специализации и кооперации производства в рамках СЭВ.

Документы свидетельствуют об успешном развитии торговых отношений между обеими странами. Здесь важное значение сыграло соглашение о взаимных поставках товаров в 1958—1960 гг., предусматривавшее значительное увеличение торгового оборота. Благодаря индустриализации Польши возрос удельный вес машин и оборудования в ее поставках Советскому Союзу. В поставках СССР Польше увеличивалась доля уникальных машин, что имело большое значение для развития ее промышленного производства.

Документы и материалы о культурном сотрудничестве между СССР и ПНР свидетельствуют о его широких масштабах и важном значении для взаимного культурного развития. В соответствии с соглашением от 30 июня 1956 г. советско-польское культурное сотрудничество значительно расширилось и углубилось в области науки, высшего образования, просвещения, литературы, изобразительного искусства, музыки, театра, кинематографии, прессы, радио, телевидения, спорта и туризма. Большое внимание уделялось развитию сотрудничества между научно-исследовательскими учреждениями, творческими союзами и культурно-просветительными обществами обеих стран. Жизнь подтверждала взаимовыгодность соглашений о развитии взаимных контактов деятелей культуры, обмене учеными и преподавателями, студентами и стажерами, о переводах и издании общественно-политической, научной и художественной литературы, об обмене театральными постановками, артистами и театральными коллективами, многочисленными выставками.

Немаловажное значение приобретало сотрудничество академий наук и ведомственных научно-исследовательских учреждений СССР и ПНР. О плодотворности этого сотрудничества свидетельствуют совместные исследования советских и польских ученых в области физико-математических, химических, технических, геологических, географических, биологических, общественных и других наук. В 1960 г. началась совместная работа по изданию многотомной серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений».

В документах тома широко освещаются дружественные связи между советской и польской общественностью. Важную роль в развитии этих связей играли Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, а с конца 1957 г. Общество советско-польской дружбы и, с польской стороны, Общество польско-советской дружбы. Общества вели значительную работу по ознакомлению общественности обеих стран с традициями совместной борьбы народов против социального и национального угнетения, за свободу и

независимость, с братским сотрудничеством в строительстве социализма. Делу сближения советского и польского народов, укреплению дружбы между ними служили также развитие взаимного обмена туристами и экскурсиями жителей приграничных областей и воеводств, организация «поездов дружбы» и другие контакты между советской и польской общественностью.

Том снабжен списком сокращенных наименований архивов, хроникой важнейших событий, перечнем документов, указателем имен, указателем географических названий, указателем партий, организаций и учреждений, указателем периодической печати.

В заключение следует сказать, что ученые-историки, а также все интересующиеся этой проблематикой в Советском Союзе, народной Польше и других странах получили очередной хороший сборник источников по истории советско-польского сотрудничества.

Макар Ю. И.

М. ТЕЙХМАН. Woj o Balkán. Balkánske štáty v letech 1939—1941. Praha, 1982

М. ТЕЙХМАН. Борьба за Балканы

Кризис версальской системы, вызванный мюнхенским сговором империалистических государств, имел далеко идущие последствия на международной арене в Европе в конце 30-х годов. Его непосредственным результатом был крах всей договорной системы в Центральной и Юго-Восточной Европе и превращение этого региона в арену борьбы между противоборствующими империалистическими государствами накануне и в период второй мировой войны.

Исследованию роли Балкан как объекта и субъекта дипломатической борьбы в 1939—1941 гг. и посвящена монография видного чехословацкого балканиста Мирослава Тейхмана. В ней рассматривается широкий круг проблем, а именно: политика великих держав на Балканах и место Юго-Восточной Европы в международных отношениях указанного периода; взаимосвязи между балканскими государствами и их внешнеполитические концепции; антисоветизм как один из определяющих мотивов внешней поли-

тики балканских стран и балканской политики империалистических государств. Исследование М. Тейхмана основано на глубоком изучении архивных материалов внешнеполитических ведомств Чехословакии, Великобритании, ФРГ, ГДР, Югославии, Румынии, Болгарии, опубликованных документов и историографии вопроса.

Автор подчеркивает, что в начальный период войны, 1939—1941 гг., Юго-Восточная Европа оказалась в центре внимания обеих воюющих лагерей. Для нацистской Германии и фашистской Италии Балканы были важны как источник стратегического сырья, опорная база в наступлении на позиции Англии в Средиземноморье и как стратегический плацдарм гитлеровской агрессии против СССР. Англия и Франция на Балканах пожинали плоды политики попустительства агрессору, и все их попытки укрепить свое влияние в этом регионе успеха не имели.

Падение авторитета западных держав,

пишет М. Тейхман, привело к важным изменениям в политической ориентации правящих кругов стран Юго-Восточной Европы, к укреплению позиций антинародных диктаторских и монархо-фашистских режимов, ориентировавшихся на Берлин и Рим. Одновременно обострились все межгосударственные противоречия на Балканах, источником которых был так называемый территориальный ревизионизм, выросший, по определению М. Тейхмана, на примитивном национализме реакционных правящих группировок в странах региона. Румыно-венгерский, болгаро-румынский, болгаро-греческий, югославско-болгарский антагонизмы стали живительной почвой фашизма, а также давали возможность нацистской Германии осуществлять в этом регионе политику «разделяй и властвуй». М. Тейхман убедительно показывает, что попытка Англии и Франции создать на Балканах в 1939—1940 гг. прозападный блок в этой ситуации была обречена на провал. Нацистская же Германия, поддерживая территориальные претензии хортистской Венгрии и монархо-фашистской Болгарии, сумела запугать правящие круги других балканских государств и заставить их отказаться от поддержки английских и французских планов. Односторонние гарантии, данные в то время Англией Греции и Румынии, практического значения не имели.

Впрочем, указывает автор монографии, сами правительства балканских стран в период 1939—1941 гг. не сделали ни одной серьезной попытки для достижения межбалканского соглашения и сотрудничества перед нависшей угрозой агрессии нацистской Германии и фашистской Италии. Единственный оборонительный блок, Балканская Антанта, в который входили Югославия, Румыния, Греция и Турция, превратился, по словам М. Тейхмана, в объединение эгоистов, направленное против тех стран, которые никакой опасности не представляли, и абсолютно неэффективное в борьбе против агрессии Германии и Италии.

Единственным государством, подчеркивает М. Тейхман, которое давало реальные ответы на решение конкретных проблем времени, был Советский Союз. Он не только разоблачал гегемонистские устремления Германии, политическую слепого вдохновителей политики попустительства агрессору, но и выдвигал конструктивные предложения о коллективных мерах против угрозы фашистской

агрессии. Однако для профашистских и фашистских режимов балканских стран политическое сотрудничество с СССР было неприемлемым, его к тому же не желали и западные державы. В результате, указывает автор монографии, этот надежный шанс не был использован балканскими странами.

Страх перед агрессивными устремлениями Германии и Италии и недоверие к Англии и Франции, оставившим на произвол судьбы жертвы фашистской агрессии, толкнули правительства балканских стран в первый период войны на путь маневрирования между двумя воюющими империалистическими лагерями, официально выразившийся в нейтралитете, который фактически был ни чем иным, как политикой умиротворения агрессора в условиях Балкан 1939—1941 гг. [1]. Особого осуждения за аморальность и беспринципность заслуживает, по мнению М. Тейхмана, политика самого сильного в то время балканского государства и наименее уязвимого для фашистских агрессоров, а именно Турции, правящие круги которой одновременно выступали в роли как союзника Англии, так и германского поверенного и стремились извлечь из создавшейся ситуации только материальную выгоду.

Маразм правящих кругов балканских стран достиг кульминации во второй половине 1940 г., после падения Франции. Детально проанализировав хитросплетения дипломатической борьбы в регионе в этот период, М. Тейхман пишет, что перед угрозой фашистской экспансии реакционные правительства региона, не имея надежды получить существенную военную помощь от Англии, не видели иного пути, кроме соглашения с нацистской Германией. Однако те из них, которые пошли на вступление в фашистский блок (Венгрия, Румыния, Болгария), стали не союзниками, а всего лишь сателлитами третьего рейха и по воле последнего — соучастниками оккупации других балканских стран (Греция, Югославия). В результате, подчеркивает М. Тейхман, правящие круги всех стран Юго-Восточной Европы не только не сумели создать в период 1939—1941 гг. оборонительного союза против общего врага, но и не смогли защитить национальную независимость своих стран. Тем самым буржуазия дискредитировала себя как класс и потеряла право быть руководящей силой нации в будущем. Движение сопротивления и народно-демократические революции в странах региона в ходе

войны открыли перед ними новую перспективу развития.

Монография М. Тейхмана как обобщающий труд по истории региона Юго-Восточной Европы в критический период начала второй мировой войны является

важным вкладом в изучение международных отношений.

Пол И. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. К. Мюнхенский стовор и балканские страны. М., 1978, с. 318

България в руската дореволюционна литература (XVIII — началото на XX век). Библиографски указател. Т. I. Материали от научни периодични издания. София, 1981, 598 с.

Болгария в русской дореволюционной периодике

Славистическая библиография пополнилась еще одним нужным и ценным справочником, в составлении которого участвовали сотрудники Института научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН) Н. В. Буссе, Г. И. Ильчинова, А. И. Калоева, З. Г. Цимбаева и Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии А. Х. Велчева и Д. А. Григорова. Редакция справочника была осуществлена с советской стороны И. А. Калосовой, а с болгарской стороны А. Х. Велчевой при научной консультации известных болгарских славистов профессоров И. Дуйчева и К. Куева. Настоящий справочник, включающий сведения о Болгарии в дореволюционной русской периодической печати, составляет первый том указателя, за которым должен последовать второй, содержащий материалы о Болгарии в книгах, изданных в России до 1917 г.

Вводная статья (с. 19—22 на болгарском яз., с. 23—27 на русском яз.) кратко освещает историю возникновения замысла труда, связанного с именем патриарха болгарской библиографии академика Н. Михова, который обратился к этой теме еще в 1920—1930-х годах. Однако при жизни Н. Михова этому замечательному замыслу не дано было осуществиться. Между тем, собрав часть необходимых материалов, он со всей очевидностью понял, что успешное создание библиографии русской болгаристики невозможно без активного участия советских специалистов. «Систематические раскопки в богатых русских рудниках могут проводиться лишь в русских книгохранилищах СССР», — писал Н. Михов (с. 23). Реализация намеченного плана стала возможной только в наше время, когда научные контакты между Советским Союзом и Болгарией

приобрели планомерный и широкий характер.

Выявление материалов, опубликованных в России на протяжении почти двух веков и касающихся истории и культуры болгарского народа, имеет бесспорное научное значение как с источниковедческой, так и с историко-культурной точек зрения, если учесть давние и прочные традиции русско-болгарских связей, уходящих своими корнями в далекое прошлое. «Общее происхождение и расселение славян, — подчеркивается в вводной статье, — великое дело Кирилла и Мефодия и созданная ими и их учениками и последователями богатая литература, историческое развитие и расцвет Первого и Второго болгарского царства, тяжкая участь болгарского народа, страдавшего пять веков под османским игом, войны России с Турцией и в особенности Освободительная война 1877—1878 гг., жизнь молодого болгарского государства и его участие в братоубийственных войнах с балканскими государствами и в первой мировой войне — вот основные темы, нашедшие свое отражение в русской литературе» (с. 25). При этом, в русской периодической печати в разное время были опубликованы не только работы таких русских славистов и болгаристов, как О. М. Бодянский, Ю. И. Венелин, В. И. Григорович, А. Н. Пыпин, И. И. Срезневский, но и произведения ряда болгарских авторов — М. Дринова, Палаузовых, Л. Каравелова и других, живших и работавших в России или с нею тесно связанных. Этот историко-культурный фон придает особую ценность и значимость рассматриваемому библиографическому справочнику.

Он состоит из пяти основных разделов, соответствующих принятой в настоящее

время периодизации истории Болгарии. Вслед за первым, общим разделом, включающим сведения о научных центрах России и об отдельных ученых, занимавшихся вопросами болгаристики, дано описание публикаций из русских журналов и сборников, в которых содержатся сведения по начальной истории болгарского народа (до VII в.), по истории Болгарии в период феодализма (VII — первая половина XVIII вв.), в эпоху национального Возрождения (вторая половина XVIII в. — 1878 г.) и, наконец, на этапе утверждения капитализма (до 1917 г.). Рубрикация каждого из разделов весьма подробно и основана на советской библиотечно-библиографической классификации, доработанной применительно к истории Болгарии. В конце каждого раздела выделены рубрики с материалами по истории культуры болгарского народа и русско-болгарских связей. Так, в рубрике «Кирилл и Мефодий» (раздел III) приведены библиографические описания статей и заметок из русской печати о жизни, деятельности и историческом значении наследия славянских первоучителей и о праздновании в 1885 г. их тысячелетнего юбилея. Всего в этой части указателя приведено 211 библиографических описаний (с. 114—144). Не менее широко представлены сведения и о культуре эпохи болгарского возрождения (с. 251—264). Особо хочется обратить внимание на последний, шестой раздел, который непосредственно не входит в рамки исторической периодизации, а носит комплексный характер. Сюда включены материалы из русской периодики, относящиеся к этнографии, фольклору и демографии Болгарии и болгарского народа, в том числе — о болгарских колониях на территории России.

Как уже отмечалось выше, в справочник включены библиографические описания только из русских журналов и изданий (сборников). Всего расписано 260 названий, перечень которых приведен на с. 42—48. Не включались газетные публикации, а также данные об изданиях переводов болгарской литературы, поскольку последние входят в круг библиографической деятельности Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Представляется, что избранные принципы верны, во всяком случае достаточно определены.

Сомнение, однако, вызывает принятый порядок расположения описаний в пределах соответствующих разделов. Они,

как указано в предисловии, «размещены по алфавиту фамилий авторов, а произведения каждого автора — в хронологической последовательности — в соответствии с датой их публикации. В хронологическом порядке, соответствующем дате их издания, расположены и материалы о научных институтах и организациях, помещенные в первом разделе. Публикации, относящиеся к отдельным лицам в рубриках „персоналия“ также даны в хронологической последовательности» (с. 39). Однако применение двух разных подходов — алфавитного и хронологического — несколько усложняет пользование справочником, так как читатель в каждом случае вынужден задумываться над причинами употребления то одного, то другого подхода. Библиографической аксиомой должен быть принцип максимальной простоты и единообразия принятого порядка расположения. Но дело не только в этом: принятый порядок должен максимально наглядно показывать историзм самого процесса отражения в русской периодике болгаристических материалов. Для подобного справочника наиболее рациональным был бы, на наш взгляд, принцип хронологического расположения библиографических описаний. Так, уже в первом разделе работы А. А. Котляревского приведены до работ А. Н. Пыпина, хотя последние были опубликованы раньше. Но если для авторских работ алфавитный принцип расположения еще можно объяснить, то для работ, описанных по заглавию, он становится бесполезным: Так, статья, подписанная криптонимом А. В.-н описана на букву «М» только потому, что она называется «Меценаты и ученые александровского времени» (№ 6, с. 49). Возможно, если бы удалось раскрыть криптоним, она была бы описана на букву «В». И таких примеров в справочнике много. Между тем, расположение всех описаний в хронологической последовательности их издания дало бы наглядную картину исторического развития интереса к Болгарии в русском обществе, одновременно сняв формальное, а в данном случае чисто искусственное, различие между описанием по автору и заглавию. При необходимости же читатель легко пойдет необходимые ему сведения в «Указателе личных имен» (с. 543—577), который в случае хронологического расположения основных описаний органически дополнял бы их, а не дублировал бы.

Однако в целом рассмотренный справочник заслуживает самой высокой оцен-

ки как свод ценнейших, во многом неизвестных или забытых материалов. Нельзя не отметить, что в ряде случаев справочник дает возможность получить сведения не только по болгаристике, но и по общим вопросам славистики, особенно в сфере культуры, поскольку зачастую включенные публикации касались как болгар, так и других славянских народов.

Это во много раз повышает информативность работы составителей.

Их труд не только раскрывает богатства материалов, запечатлевших славные традиции русско-болгарской дружбы, но и сам является великолепным примером плодотворного сотрудничества между учеными Советского Союза и Народной Республики Болгарии.

Мыльников А. С.

И. М. ПОРОЧКИНА. Л. Н. Толстой и славянские народы (литературно-философские взаимосвязи второй половины XIX — начала XX в.). Л., 1983, 166 с.

Книга И. М. Порочкиной представляет собой первую, во многом удавшуюся попытку создать обобщающую работу, посвященную многообразным отношениям, связывавшим великого русского писателя и зарубежный славянский мир, и приобретшим особую интенсивность в конце XIX — начале XX в. До сих пор в советском «толстоведении» создавались исследования, авторы которых оперировали, в основном, материалами отечественной, западноевропейских и азиатских литератур (труды Т. Мотылевой, А. Шифмана, К. Ломунова, Ф. Прийм, В. Куттейщикова и др.).

В результате многолетней кропотливой работы И. М. Порочкиной в Яснополяном архиве, в библиотеках и архивах Ленинграда, Москвы, Львова, Праги, Матицы словацкой в Мартине, Матицы сербской в Новом Саде выявлен огромный неизвестный и малоизвестный материал: письма Толстого и письма деятелей славянской культуры к нему, дарственные надписи в книгах Яснополянской библиотеки, поместы Льва Николаевича, забытые статьи о Толстом в славянской периодике, цензурные рапорты и др. Опираясь на этот материал, автор рисует широкую и достоверную картину личных и литературно-философских связей Л. Н. Толстого со славянскими культурными и политическими деятелями. Социально-экономический и культурный фон помогает уяснить значение тех или иных конкретных проявлений интереса Л. Н. Толстого к славянам и его воздействия на духовную жизнь зарубежных славян. Работу автора безусловно затрудняет недостаточная изученность этико-философского наследия великого писателя. Надежным компасом при обращении к художественному и философско-

му наследию Толстого служили автору статьи В. И. Ленина о великом классике.

Первая часть книги посвящена знакомству Толстого со славянами, славянской теме в его творчестве, вторая — глубокому воздействию творчества и личности Толстого на славянских деятелей культуры. Эта двусторонность рассмотрения материала придает книге особую полноту и научную ценность.

Ярко и достоверно автор пишет о живом интересе русского писателя к прошлому и настоящему славянских народов, к этическим и философским исканиям видных деятелей культуры, к общественным и национальным движениям в славянских землях. И. М. Порочкина убедительно показывает, что отношение Толстого к славянам претерпевало значительную эволюцию на протяжении всей его жизни: от почти полного безразличия к национально-освободительному движению славян в 60—70-е годы до живого интереса к культуре и истории славянских народов в 80—90-е годы, и далее — до резкой критики австро-венгерского абсолютизма и его политики по отношению к славянам в начале XX в. в духе универсального абстрактного гуманизма. Рассматривая публицистику последних лет жизни Толстого, в частности, его известное «Письмо сербке», разросшееся в статью «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии», автор привлекает архивные материалы, в том числе цензурные рапорты, со всей очевидностью свидетельствующие о напуганности самодержавного правительства обличительными выступлениями Толстого, названного Австро-Венгрию государством грабительной, а «разных габсбургов и романовых» — жалкими, одурманенными своим мнимым величием людьми [1].

Особенно обширен и удачно подан материал, связанный с культурой и историей чехов и словаков, что объясняется научными пристрастиями исследователя. Очень интересны разделы, посвященные обращению Толстого к средневековому сюжету о Палачеке, о знакомстве русского писателя с трудами средневекового чешского философа XV в. П. Хельчицкого.

После публикации философского кредо Толстого «В чем моя вера?» (1885) чешские ученые много писали о родстве философии Толстого, его неприятия официального христианства, его идеи непротравления злу насильем со взглядами, которые исповедовал Хельчицкий. Толстой с огромным интересом познакомился с произведением Хельчицкого «Сеть веры», которое было опубликовано в России в 1893 г., впервые увидев свет более чем три столетия спустя после создания. Толстой писал, что «...книга эта есть одно из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и глубине народного языка, и по древности». «Сеть веры» стала настольной книгой Толстого и толстовцев.

Этот интересный и малоизвестный материал можно было бы расширить за счет откликов, заметок, упоминаний Толстого о современных ему славянских писателях (в частности, о чешском поэте Махаре), полнее используя бесценные, почти стенографические записки личного врача Толстого словака Маковицкого.

Рассматривая литературно-критические отклики на произведения Толстого в славянских землях, автор касается и особенностей перевода. Наиболее удачные пассажи, посвященные переводу на чешский язык рассказа «Альберт» (1858). Пристальное внимание автора к истории и особенностям этого перевода вполне оправдано, так как это был первый перевод произведения Толстого на иностранный язык вообще.

В книге рассматриваются факты непосредственного влияния Толстого на творчество многих славянских писателей, при этом всегда учитываются конкретные обстоятельства общественной и литературной жизни той или иной страны. («Признание Толстого было повсеместным, но не одновременным в разных славянских странах, усвоение же творческого метода, стиля Толстого превратилось в длительный процесс» (с. 154)). Исходя из хронологии переводов произведений Толстого, в частности, романа «Анна Каренина», из

отдельных фактов знакомства славян с творчеством Толстого по французским или немецким переводам, по отзывам европейской критики, И. М. Порочкина делает некоторые важные обобщения, характеризующие уровень и особенности литературного развития в славянских странах на рубеже веков, в том числе особенности развития реализма.

Много интересного материала найдет читатель в книге И. М. Порочкиной о деятельности последователей Толстого в славянских странах. Справедливо отмечая, что толстовские движения часто вливались в русло общенародной борьбы за социальное и национальное освобождение, автор пишет о том, что его последователи не только порицали, но и отвергали существующий миропорядок, что исповедуемое ими толстовское непротравление на практике зачастую оказывалось стойким пассивным противлением социальному злу.

Исследователь обращает внимание и на критичность восприятия философии Толстого в славянских землях, прежде всего в социал-демократических кругах. Наиболее ярко эта критика проявила себя в Болгарии. В книге приводятся интересные высказывания видных деятелей славянской культуры, из которых становится со всей очевидностью ясно, что они ценили Толстого, прежде всего, как великого писателя, ясно понимая несостоятельность многих его нравственно-философских постулатов. «...Если бы изменчивая душа человечества,— писал К. Чапек,— вдруг забыла о правдах, которые рассеивал божий пахарь Толстой, она не сможет забыть „Анны Карениной“, „Детства“, „Отрочества“ и „Юности“, „Войны и мира“, „Воскресения“ и „Власти тьмы“, их мощной психологической структуры, их человеческой глубины, великого дыхания толстовской эпохи» (с. 160).

В заключении книги приводится интересный и во многом ранее неизвестный материал о легендах, связанных с намерением Толстого переселиться в славянские земли, легендах, которые устойчиво живут и по сей день, свидетельствуя о глубоких духовных связях русской и славянских культур.

Чувствуется, что автор, стремясь сократить огромный фактографический материал, которым он владеет, многое оставляет за пределами текста книги. Однако этот материал очень ценен. Быть может, при переиздании книги следует дать его в приложении. Было бы полезно также расширить анализ литературных явле-

ний, связанных с воздействием творчества Толстого.

В заключение хочется подчеркнуть, что многочисленные интересные факты, впервые введенные И. М. Порочкиной в научный обиход, ее ценные наблюдения обо-

гащают наше представление о человеческом и творческом облике Л. Н. Толстого.

Соловьева А.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГИА, ф. 779, оп. 4, 1914, д. 328, л. 132.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Несколько десятилетий югославский искусствовед Б. Фучич изучал настенную роспись сельских церквей в Истрии, Хорватском Приморье, на островах Кварнерского залива, в окрестностях Задара. Вместе с фресками в поле его зрения попадали и надписи на стенах церквей, сделанные краской, известью, а чаще всего процарапанные на камне. Б. Фучича заинтересовали те, которые были выполнены глаголицей. Он заново переписал все известные в науке надписи, от знаменитой Башчанской плиты XII в. до скромных и малозаметных, нередко состоящих всего из нескольких букв — графити, и примерно столько же открыл впервые — всего около тысячи текстов. В 1982 г. Югославская Академия наук и искусств в Загребе издала все эти находки отдельным томом [1].

Книга размером in quarto состоит из краткого предисловия, в котором известный знаток хорватской письменности, академик Й. Хамм отмечает, что первый раз глаголические надписи собраны все вместе в одной книге. Введение содержит типографическую, хронологическую и палеографическую характеристику текстов, а также сжатый рассказ автора о том, что из них можно извлечь. Каждая надпись в книге сопровождается описанием места обнаружения (церкви, надгробной плиты, развалины жилого дома), нередко фотографией всей местности, указанием ее теперешнего местонахождения, подробным ее описанием, самим текстом — его фотографией, глаголической и латинской транскрипцией и, если надпись введена в научный оборот, библиографией. Завершают книгу подробнейшие индексы всех встречающихся в надписях имен, титулов и должностей, топонимов и, наконец, просто всех упомянутых в надписях слов.

Трудно переоценить значение этой публикации для знатоков письменности, языка, общественной жизни, искусства южнославянского средневековья. Наибольшая ее ценность, разумеется, в том, что она вводит исследователей в ту сферу, которая в наши дни является предметом все возрастающего внимания — в сферу народного сознания. Большая часть надписей сделана приходскими священниками («это писал поп...»), а еще чаще молодежью, обучающейся грамоте при церкви («это писал Иван Шпака, когда учился писать»). Записи фиксируют бесхитростные чувства авторов — радость по поводу первой обедни, отслуженной молодым священником, житейскую мудрость («лучше пить вино, чем копать [землю]»), ругательства («пьяный осел!»), а то и простой повседневный факт — «это писал Иван, Жилин сын, наевшись сухого инжира»). Графити выполнялись и в более серьезных целях, чтобы зафиксировать собственность на дом, напомнить о церковных властях, упомянуть свою корпорацию-братовщину, чья роль в распространении глаголицы была значительна, высказать религиозную сентенцию («если сердце не молится, напрасно язык бормочет»). Попадаются интересные конкретные сведения с точными цифрами: так, в поселении Добринья (на о-ве Крк) в 1578 г. жило 753 чел. («и малых и великих»), из них 14 попов-глаголяшей. Это любопытно сравнить с официальными данными венецианцев: так, в 1587 г. на всем острове Крк проживало около 8 тыс. человек, из которых 130 были священниками. Таким образом, и там и здесь отношение приходского духовенства к численности паствы было одним и тем же — 2—2,5%. Наконец, на стены попали и свидетельства о событиях — голоде, море, войне.

Б. Фучич отлично сознает важность публикуемого им материала для истории народных масс. Он несколько раз возвращается к этой мысли во введении, считая графити источником для изучения «малой истории», повседневного человеческого существования. Значительный интерес представляет и приведенный Б. Фучичем иллюстративный материал, например, выполненные на камне рисунки кораблей, церквей и укреплений, даже нотариальных знаков (т. е. тех знаков, которыми средневековые нотариусы скрепляли свои документы) (см. с. 17, 33, 34, 245) — своеобразные памятники

народного искусства. Остается добавить, что большинство надписей относится к XV—XVII вв. Возможности для изучения народной культуры хорватского населения в этих приморских областях, таким образом, заметно расширяются и появление книги Б. Фучича следует всячески приветствовать.

Воробьева И. Г., Фрейденберг М. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fučić B. Glagoljski natpisi. Diela Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, kn 57. Zagreb, 1982, 420 s.

ЦЕННОЕ ИЗДАНИЕ ДРЕВНЕСЕРБСКОЙ ПСАЛТЫРИ

Интерес к славянскому псалтырному тексту в последние годы сильно возрос в среде палеославистов. Это сказалось прежде всего в издании ряда древних уникальных памятников, затем в принятых в разных странах текстологических, лингвистических и искусствоведческих исследованиях. В 1978 г. Г. Вздорнов фототипически в цвете издал в Москве богато иллюминированную Киевскую псалтырь 1397 г., хранящуюся в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (№ ОЛДП 6), сопроводив ее искусствоведческим исследованием [1], а год спустя в ФРГ в авторитетной научной серии «Славистические исследования» («Slavistische Forschungen»), курируемой проф. Р. Олешом, под номером 23 вышла в издании известного филолога М. Альтбауера одноцветная фототипия редкого и труднодоступного славистам памятника сербского кириллического письма начала XIII в. [2] — древнейшей сербской псалтыри, хранящейся в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове. С синайскими рукописями, как известно, занялся в XIX в. Порфирий Успенский и Антонин Капустин, в начале XX в. — В. Н. Бенешевич, о сербских рукописях на Синае писал в 1925 г. В. Розов, а двумя годами спустя о памятниках славянской письменности на Синае XI—XIV вв. подробно писал М. Н. Сперанский. Самый известный синайский памятник славянской письмен-

ности — глаголическая Синайская псалтырь XI в. — был научно издан в 1922 г. в Петрограде С. Северьяновым и переиздан фототипически М. Альтбауером в 1971 г. в Скопле (загребское издание 1883 г. Л. Гейтнера давно не удовлетворяло эдичионных требований палеославистики).

Судя по языковым особенностям, древнейшая сербская псалтырь, изданная М. Альтбауером, возникла на восточно-сербской языковой территории, по всей вероятности в пределах Раики. На это указывает довольно частая замена *ѣ* через *е* (млека, време, зело, хлеба, дела, до века, въ тание, въ храме). Для истории сербского языка очень существенны не только последовательно проведенная передача обоих редуцированных *ъ* и *ь*, одним знаком *ь*, но и несколько случаев вокализации *ь*, т. е. написание на его месте *а*: *са дары* (вм. *съ дары* 'с дарами', *вападоше* (вм. *въпадоше* — почти все факты относятся к предлогам и приставкам). Интересны и другие вокалические, консонантные, морфологические, синтаксические и прежде всего лексические особенности, отличающие древнейшую сербскую псалтырь, хранящуюся в коллекции синайских славянских рукописей под № 8 от других псалтырей сербской и иных редакций. Число таких особенностей значительно, как можно судить по солидному, хотя и лаконичному (с. VII—XXXI вступительного текста) исследованию издателя, которое, естественно,

в своей компаративной части не является окончательным и может быть продолжено в различных направлениях.

Памятник дает также обильный материал для кириллической палеографии. Ценность этого материала повышается тем, что в написании памятника участвовало четыре писца с довольно четко различающимися почерками. Несомненно и большое значение изданной сербской псалтыри начала XIII в. для истории славянского псалтырного текста вообще. Ее относительно хорошая сохранность (217 страниц in folio, включающих 27 тетрадей, притом первые 11 тетрадей утеряны) создает благоприятные условия для дальнейших сравнитель-

ных грамматических и текстологических исследований с более ранними и более поздними псалтырными рукописями, часть которых еще ждет своего издания. Хотелось бы, чтобы они были так же четко и совершенно изданы, как это сделало кёльнско-венское издательство «Böhlau», хорошо известное славистам ценной серией «Slavistische Forschungen» и другими изданиями.

Голстой Н. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киевская псалтырь 1387 г. М., 1978; *Вадорнов Г.* Исследование о Киевской псалтыри. М., 1978.
2. *Altbauer M.* Der älteste serbische Psalter. Köln — Wien, 1979.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА В ИСТОРИИ РУМЫНСКОГО НАРОДА

22 августа 1984 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная конференция, посвященная 40-й годовщине освобождения Румынии от фашистского ига. Конференцию подготовили и провели совместно Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, Институт военной истории. В ее работе приняли участие также ученые из Кишинева, Киева и Черновцов, делегация румынских ученых из Академии социальных и политических наук СРР.

Со вступительным словом к участникам и гостям конференции обратился заместитель директора Института славяноведения и балканистики АН СССР, д-р ист. наук В. Н. Виноградов, который подчеркнул, что перед участниками конференции стоит задача осмыслить исторические события августа 1944 г. в Румынии и оценить общественное значение происшедших за четыре десятилетия перемен как для румынского народа, так и для коренного изменения советско-румынских отношений.

С докладом «40 лет освобождения Румынии от фашистского ига» выступила канд. ист. наук Т. А. Покивайлова. В нем прослежена внутренняя и внешняя политика румынских правящих кругов в период участия Румынии в антисоветской войне, выявлены условия, предопределившие название революционной ситуации летом 1944 г. С вступлением советских войск на территорию Румынии и началом их освободительной миссии антифашистское движение в стране получило новый толчок, и на этом этапе Компартия взяла курс на подготовку вооруженного восстания. В докладе отмечена особенность революционного развития Румынии после 23 августа 1944 г., заключающаяся в том, что «вопрос об установлении власти трудящихся был решен не сразу. Лишь 6 марта 1945 г. в результате острой классовой борьбы демократи-

ческих сил, объединенных в Национально-демократический фронт под руководством Компартии, было образовано правительство П. Грозы, авангардная роль в котором принадлежала представителям рабочего класса». На конкретном материале в докладе были рассмотрены процессы преобразования румынского общества в период строительства социализма, дан анализ поступательного развития нового типа экономических и политических отношений между Румынией, Советским Союзом и другими братскими социалистическими странами.

Проблемам формирования и развития антифашистского движения, руководимого Коммунистической партией Румынии, был посвящен доклад проф. М. Тоту (СРР). В нем были убедительно раскрыты роль и значение революционных традиций в многовековой национально-освободительной борьбе румынского народа, его свободолюбие и патриотический дух, особенно ярко проявившиеся в ходе антифашистского вооруженного восстания 23 августа 1944 г., приведшего к свержению военно-фашистской диктатуры. Значительное внимание в докладе было уделено вопросу разработки Компартией плана восстания и деятельности коммунистов по сплочению единого национального фронта румынских демократов-патриотов в борьбе против режима Антонеску, характеристике решающей роли Коммунистической партии страны в развертывании народной революции и в борьбе за безоговорочное выполнение обязательств, взятых на себя Румынией перед антигитлеровской коалицией на заключительном этапе войны. Как подчеркнул М. Тоту, «в огне совместных сражений за окончательную победу над фашизмом выковалась братская дружба между румынскими и советскими воинами, прочный союз между Румынией и Советским Союзом».

В центре внимания доклада проф. К. Мокану (СРР) был анализ роли и зна-

чения исторического восстания 23 августа 1944 г. для новейшей истории Румынии. Он отметил связь и взаимообусловленность внутри- и внешнеполитических факторов, способствовавших победе румынского восстания, подчеркнув, что оно «не являлось изолированным, единичным, лишенным исторических корней событием». Восстание как кульминационный пункт развития антифашистского движения в Румынии осуществилось «в благоприятных международных военных и политических условиях, созданных наступлением Красной Армии, которая вынесла на своих плечах бремя антигитлеровской войны, а также успехами на других фронтах, усилением антифашистской борьбы народов Европы за свое освобождение». Докладчик подробно остановился на анализе характера начавшейся 23 августа «антифашистской и антиимпериалистической революции социального и национального освобождения», подчеркнув, что победа народного восстания открыла перед Румынией путь глубоких революционных преобразований, поэтому 23 августа знаменует собой начало перехода к социализму.

В выступлении д-ра ист. наук А. В. Антосьяка — «Яско-Кишиневская операция и ее значение для подготовки антифашистского восстания 23 августа 1944 г. в Румынии» — рассмотрены военно-политические аспекты и стратегическое значение одной из самых крупных и выдающихся операций советских войск в 1944 г., в ходе которой была полностью разгромлена группировка немецко-фашистских армий «Южная Украина» и созданы внешние благоприятные условия для свержения охваченного паникой фашистского режима и выхода Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии. Докладчик убедительно разоблачил измышления буржуазных фальсификаторов о якобы «легковесных» военных операциях советских войск по освобождению территории Румынии от фашистских оккупантов. Свыше 236 тыс. советских воинов пролили кровь за освобождение Румынии летом-осенью 1944 г., память о погибших свято чтят народы обеих наших стран.

В докладе канд. ист. наук М. Д. Ереценко внимательно проанализирована деятельность Компартии Румынии по подготовке и проведению вооруженного антифашистского восстания в стране. Особенно подробно освещены усилия Компартии по созданию широкой коалиции патриотических сил для свержения военно-фашистского режима, обстоятельно по-

казаны мотивы и цели маневрирования румынских правящих кругов, стремившихся путем верхушечного переворота заменить правительство Антонеску представителями бывших буржуазных «исторических партий», укрепить отношения с империалистами Англии и США.

Проблеме взаимоотношений Советской Армии с трудящимися освобожденных районов Румынии весной 1944 г. был посвящен доклад д-ра ист. наук И. Э. Левита. Он привел многочисленные свидетельства того, что румынские трудящиеся встречали советских воинов как освободителей и видели в них защитников интересов трудового народа, показал, какую большую помощь оказывали советские военизированные коменданты местным органам власти в преодолении хозяйственных трудностей, нормализации жизни гражданского населения.

Серию выступлений, освещающих различные направления современного развития социалистической Румынии, открыли румынские гости — проф. Н. Ионел и проф. К. Параскив представили доклад «Результаты и перспективы экономического развития Румынии». На большом конкретном материале они проследили процессы поступательного развития социалистической экономики СРР, за исторически короткий срок превратившейся в индустриально-аграрную страну, успешно строящую развитое социалистическое общество.

В докладе канд. ист. наук Р. С. Шароватовой были подробно охарактеризованы количественные и качественные изменения социально-классовой структуры на этапе строительства развитого социалистического общества в Румынии. Значительное внимание уделено выявлению тенденций и перспектив совершенствования социальной структуры, ликвидации существенных различий между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда. На выполнение этих задач направлена социальная политика партии по повышению уровня жизни трудящихся, совершенствованию принципов социалистического распределения.

В докладе канд. ист. наук С. И. Григоришина, посвященном проблеме формирования и развития рабочего класса Румынии в современных условиях, важное место заняло рассмотрение процесса роста численности рабочего класса в сочетании с качественными изменениями в его структуре, с территориальным размещением производительных сил страны.

В выступлении канд. эконом. наук Н. В. Фейт — «Экономические отношения СРР с социалистическими странами» были проанализированы наиболее важные вопросы экономического сотрудничества СРР в рамках СЭВ, прежде всего с Советским Союзом. Вниманию слушателей были представлены намеченные РКП задачи по дальнейшему расширению связей и сотрудничества СРР со странами СЭВ, наращиванию экономического потенциала Румынии.

В центре внимания выступившего с докладом канд. филол. наук М. В. Фрийдмана — проблемы художественной культуры СРР на современном этапе развития

румынского общества. Мероприятия по реализации программы культурного строительства оказали заметное влияние на творческую атмосферу, развитие художественной самодеятельности широких народных масс. С совершенствованием социально-экономической базы обогащается духовная культура румынского общества.

Научная конференция, посвященная знаменательному юбилею — 40-летию освобождения Румынии от фашизма, вызвала большой интерес научной общественности.

Ерещенко М. Д.

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ 40-ЛЕТИЮ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

27 августа 1984 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось расширенное заседание Ученого совета, в котором приняли участие представители чехословацкого Посольства в Москве — советник-посланник З. Черны и 1-й секретарь И. Фурдик.

С докладом «Историческое значение Словацкого национального восстания» выступила д-р ист. наук Г. П. Мурашко. Она раскрыла роль Словацкого национального восстания в развитии национально-демократической революции в Чехословакии и показала его значение для формирования советско-чехословацких отношений нового типа.

Докладчица, анализируя расстановку политических сил в антифашистском движении Чехословакии, отметила, что Словацкое национальное восстание, усилив влияние левого крыла в движении Сопротивления, возглавляемого коммунистами, означало качественный поворот в борьбе за классовое и политическое содержание нового послевоенного государства. Ситуация в освобожденных районах свидетельствовала, что антифашистская борьба в стране перерастает в национально-демократическую революцию, гегемон которой является рабочий класс, руководимый КПЧ.

Далее в докладе говорится, что Словацкое национальное восстание явилось вершиной соединения, слияния антифашистской борьбы народов Чехословакии с Оте-

чественной войной Советского Союза. Оно имело своим следствием углубление и развитие союзнических отношений и связей между обеими странами. Совместная борьба против фашизма, память о совместно пролитой крови стала частью национального сознания народов обеих стран, частью тех исторических традиций, на которых строились и строятся теперь взаимоотношения между нашими народами — народами одного социалистического содружества.

Канд. ист. наук И. И. Шинкарев (Ин-т военной истории) прочитал доклад «Словацкое национальное восстание и освободительная миссия Советской Армии» (публикуется на с. 3—7).

Доклад Ю. В. Богданова и С. А. Шерлаиновой был посвящен теме «Словацкое национальное восстание и литература социалистической Чехословакии». Авторы подчеркнули, что юбилей Словацкого национального восстания — одновременно и знаменательный юбилей новой социалистической литературы Чехословакии, для которой это событие явилось не только принципиальным рубежом в ее развитии и одной из важнейших тем, но и постоянным источником вдохновения. Литература не просто отразила восстание, но и поднимала на борьбу народные массы. На освобожденной территории антифашистская литература получила возможность свободного проявления: выходили газеты, вело передачи повстанческое

радио, работал театр — и везде принимали участие писатели, поэты и критики.

Опыт литературы восстания стал основой, на которую опиралась передовая литература после 1945 г. В словацкой литературе тема восстания стала поистине сквозной, как тема Великой Отечественной войны — в советской, как тема антифашистской освободительной борьбы в литературе Югославии. В развитии этой темы можно наметить несколько этапов. В первые послевоенные годы преобладала проза личных свидетельств, непосредственной эмоциональной реакции на события; лучшая книга того этапа — роман «Хроника» П. Илемницкого, основоположника социалистического реализма в словацкой прозе межвоенного периода. Новый подъем прозы о Словацком национальном восстании пришелся на конец 50-х — начало 60-х годов, когда во всей зрелости выступило поколение участников восстания (В. Минач, Р. Яшик, А. Беднар). Самос масштабное произве-

дение этого этапа — трилогия В. Минача «Поколение». В прозе 70-х годов выделяется трилогия В. Шикуды «Мастера». Возникают сатирические произведения о «словацком государстве» (М. Крн), новые произведения документального жанра (Б. Хнѳупек «Снятие печати»).

Восстание очень широко отразилось в словацкой поэзии (Л. Новомеский — «Анализ», поэзия А. Плавки, М. Лайчака и др.). К этой теме обращается и чешская литература (З. Плугарж — «Один сребреник», Й. Рыбак — «На Верхнем Гропе 1944», И. Скала — «Дукла»).

Память о восстании, тема Словацкого национального восстания — существенный фактор формирования социалистического самосознания чехословацкого общества; исторический опыт восстания, сохраняемый литературой для новых поколений, — это непреложная истина, что независимость и свобода Чехословакии — в ее тесном содружестве с Советским Союзом.

Г. М., С. III.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-ЛЕТИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

5 сентября 1984 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР и Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР провели сессию, посвященную 40-летию социалистической революции в Болгарии.

Открывая сессию, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков подчеркнул, что для советских и болгарских людей каждая годовщина революции 9 сентября 1944 г. является еще одним поводом для выражения их нерушимой дружбы. Крепнет и развивается советско-болгарское научное сотрудничество. Об этом свидетельствует и нынешняя сессия, для участия в которой в Москву прибыла группа болгарских ученых.

С докладом «Болгария: 40 лет по пути социалистического восхода» выступил канд. ист. наук М. Е. Позолотин. Он отметил выдающиеся успехи, достигнутые болгарским народом во всех областях общественной жизни за четыре десятилетия социалистического строительства. Большие перемены произошли в политической системе общества, в структуре экономики, культуре, изменились условия труда и быта людей, их мировоззре-

ние, происходил процесс сближения форм собственности, усиления социальной однородности общества. Об успехах в развитии экономики страны свидетельствует тот факт, что в 1983 г. болгарская промышленность произвела в 84 раза больше продукции, чем в 1939 г. Важные преобразования были проведены в сельском хозяйстве. Создание аграрно-промышленных комплексов не только дало большой экономический эффект, но и имело значительные социальные последствия. В результате самоотверженного труда болгарского народа Болгария из бедной аграрной страны превратилась в процветающее социалистическое государство с развитой современной промышленностью и высокомеханизированным сельским хозяйством.

Академик Д. Косев (НРБ) выступил с докладом «Сентябрьское восстание 1923 г. и победа социалистической революции в Болгарии». Историческое значение Сентябрьского восстания 1923 г. заключается прежде всего в том, что оно явилось переломным моментом в процессе развития Болгарской коммунистической партии от теснячества к большевизму. Оно способствовало повышению револю-

ционной зрелости и боеспособности партии. В сентябре 1923 г. болгарский народ приобрел первый опыт вооруженной борьбы против фашизма и реакции, опыт совместной борьбы рабочих и крестьян, коммунистов и членов БЗНС. В дни восстания было положено начало образованию единого антифашистского фронта в Болгарии. По словам Г. Димитрова, без влияния и без уроков Септибрьского восстания 1923 г. «не были бы возможны создание могучего Отечественного фронта и историческая победа 9 сентября 1944 г.» [1].

Канд. эконом. наук Е. В. Рудаков остановился на основных направлениях советско-болгарского экономического сотрудничества. Товароборот между двумя странами со 120 млн рублей в 1948 г. возрос до 11,6 млрд рублей в 1984 г. В 1979 г. была принята Генеральная схема специализации и кооперирования между СССР и НРБ в материальном производстве до 1990 г. Для ее реализации было разработано 36 отраслевых программ и заключено более 170 конкретных двусторонних соглашений о специализации и кооперировании производства.

С докладом «Революционный прогноз и революционное действие» выступил д-р ист. наук Д. Сирков (НРБ). Он отметил, что социалистическая революция в Болгарии стала возможной только благодаря активной революционной деятельности народных масс. При этом решающее значение имел творческий подход к проблемам классовой борьбы со стороны революционного авангарда — ВКП, ее умение дать научно обоснованный прогноз характера и движущих сил революции, этапов революционной борьбы, путей, по которым пойдет классовая борьба. Степень социальной реализации прогнозов и предначертаний партии служит главным критерием научной обоснованности политики, зрелости высшего политического руководства партии. 9 сентября 1944 г. многолетняя борьба народных масс против капитализма и фашизма, за свободу и социальную справедливость увенчалась при решающей помощи Советской Армии блестящей победой.

Болгарский опыт показал, что только тщательно планируемое и хорошо организованное политическое действие обеспечивает достижение определенных политических целей.

В докладе д-ра филол. наук В. И. Злыднева — «Достижения социалистической Болгарии в развитии культуры» были выделены наиболее значительные явления в развитии науки, образования, литературы и искусства за истекшие четыре десятилетия. Важное значение имело также творческое использование опыта культурного строительства в СССР. Сегодня болгарская социалистическая культура — значительный фактор в строительстве развитого социалистического общества, а ее наиболее выдающиеся достижения получили признание во всем мире.

Канд. ист. наук Б. Матеев (НРБ) в своем выступлении проследил развитие революционного процесса в Болгарии в 1944—1945 гг. и дискриминационную политику западных держав в отношении болгарского народа, которая создавала значительные трудности для страны.

В борьбе за преодоление этих трудностей болгарский народ неизменно опирался на братскую поддержку Советского Союза.

Т. А. Воздвиженская посвятила свое выступление 50-летию движения болгарской общественности за дружбу с СССР. Особенно широкого размаха это движение достигло осенью 1940 г., когда Советское правительство предложило Болгарии заключить пакт о дружбе и взаимной помощи. После победы 9 сентября 1944 г. движение за болгаро-советскую дружбу стало поистине всепародным, охватило все сферы общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни Болгарии.

Сессия, посвященная знаменательной дате в истории болгарского народа, привлекла внимание научной общественности.

Е. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитров Г. Сочинения. Т. 2. София. 1952, с. 252.

Shinkarev I. I. The Slovakian National Uprising and the liberatory mission of the Soviet Army. *Tarasov B. N.* British policy towards Yugoslavia during the period of the radical turn in the course of the Second World War (November 1942—January 1944). *Ovcharenko A. I.* On Soviet-Polish economic cooperation in 1950—1955. *Belyajeva V. I.*, *Valeva E. L.* Some aspects of Czecho-Slovak crisis in 1938 in the modern bourgeois historiography. *Grekov B. I.* The eastern expansion of Germany in 1900—1914 (An attempt of a systemic approach to the problem) *Pyatigorski G. M.* The Eastern crisis of 1820s and the Greek emigrants in Odessa. *Belov V. A.* Specific features of genre and style in Zacharia Orpheline's «Life of Peter the Great». *Gavryushina K. L.* From the history of Serbian-Russian literary relations (Zhitie Savvy Serbskago and the Russian hagiography of the 16th century). *Alekseev A. A.* A project for the textological study of the Cyrillo-Methodian translation of the Gospel 3

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Pavlenko G. V. Ф. Г. Зуев. Социалистическое содружество и разрядка в Европе. Исторический опыт политической разрядки второй половины 60-х — первой половины 70-х годов. *Makar Yu. I.* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XI, январь 1956 г.—декабрь 1960 г. *Pop I. I.* M. Tejchman. Voj o Balkán. Balkánské staty v letech 1939—1941. *Mylnikov A. S.* България в руската дореволюционна литература (XVIII — началото на XX век). Библиографски указател. Т. I. Материали от научни периодични издания. *Solovyeva A. И. М.* Порочкина. Л. Н. Толстой и славянские народы (литературно-философские взаимосвязи второй половины XIX — начала XX в.). *Vorobyeva I. G.*, *Freidenberg M. M.* New sources for the study of the mediaeval folk culture. *Tolstov N. I.* A valuable publication of the Old-Serbian Psalter . . . 95

SCIENTIFIC LIFE

Ereshchenko M. D. A significant datum in the history of the Rumanian people. *G. M.*, *S. Sh.* Session of the Scientific Council of the Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR devoted to the 40th anniversary of the Slovakian National Uprising. *E. V.* Conference on the 40th anniversary of the Socialist Revolution in Bulgaria. 107

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 11.10.84 Подписано к печати 21.12.84 Т-23217 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
 Высокая печать Усл. печ. л. 9,8 Усл. кр.-отт. 12,1 тыс. Уч.-изд. л. 11,2 Бум. л. 3,5
 Тираж 1188 экз. Зак. 656

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В ОРДЕНКА 34/38-40
ТОЛСТОМУ Н И
70891

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891